

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
Г У М А Н И Т А Р Н О Г О
О Б Р А З О В А Н И Я**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3 (15)

Киров
2019

Главный редактор

В. Т. Юнгблуд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Печенкин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург),
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,

тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 3 (15)

Kirov
2019

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

- A. M. Belavin**, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. Institute of Russian History of RAS (Moscow);
A. A. Pechenkin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

- O. I. Kolesnikova**, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

- A. S. Drikker**, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific
results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

© Vyatka State University (VyatSU), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- Минаков А. С.* Крестьянское движение весной 1902 г.
и формирование аграрной политики В. К. Плеве 7
- Шарабаров П. Н.* Генерал-адъютант Федор Федорович Трепов:
штрихи к портрету государственного деятеля 15
- Осмаев М. К.* Культурная жизнь Чечено-Ингушской АССР в годы
Великой Отечественной войны на страницах республиканской печати..... 25

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- Шенин С. Ю.* Генезис USAID: институциональные и идеологические истоки
(1949–1961 гг.)..... 34
- Ермаков А. М.* Память о нацистских концентрационных лагерях
в федеральной земле Рейнланд-Пфальц..... 40

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

- Садаков Д. А.* К вопросу о конфликтах низкой интенсивности в стратегии США 51

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

- Евшин А. С., Кайсин А. О.* Фаянсовые заводы на территории Орловского уезда
Вятской губернии во второй половине XIX века..... 57

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Поздеев В. А.* Взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди и Льва Толстого
на этнокультурные особенности народов 66

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Родионова М. Н.* Репрезентация виртуальной реальности
в современном кинематографе 73

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Кузьмин Ю. М.* «Революция Трампа» – водораздел в развитии
американского общества..... 80
- Лыпка Т. И.* «Русский вопрос» в немецком внешнеполитическом дискурсе
начала XIX в..... 86

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

- Помелов В. Б.* Опытнo-показательные образовательные учреждения
в РСФСР в 1920-х – начале 1930-х гг. 94

CONTENTS

PROBLEMS OF DOMESTIC HISTORY

- Minakov A. S.* Peasant movement in the spring of 1902 and the formation of agricultural policy of V. K. Pleve 7
- Sharabarov P. N.* Adjutant-general Fyodor Fyodorovich Trepov: touches to the portrait of a statesman 15
- Osmaev M. K.* Cultural life of the Chechen-Ingush ASSR during the Great Patriotic War on the pages of the Republican press 25

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

- Shenin S. Yu.* The genesis of USAID: institutional and ideological origins (1949–1961).....34
- Ermakov A. M.* Memory of the Nazi concentration camps in the Federal state of Rheinland-Pfalz..... 40

ISSUES OF HISTORIOGRAPHY

- Sadakov D. A.* On the issue of low-intensity conflicts in the US strategy 51

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

- Evshin A. S., Kaisin A. O.* Faience factories on the territory of Oryol district of Vyatka province in the second half of the XIX century 57

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Pozdeyev V. A.* The views of Mohandas Karamchand Gandhi and Lev Tolstoy on the ethno-cultural peculiarities of the peoples..... 66

CULTURAL STUDY

- Rodionova M. N.* Representation of virtual reality in modern cinema 73

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

- Kuzmin Yu. M.* The "Trump revolution" – is a watershed in the development of American society 80
- Lypka T. I.* The "Russian question" in the German foreign policy discourse of the early nineteenth century..... 86

FROM THE HISTORY OF EDUCATION

- Pomelov V. B.* Pilot educational institutions in the RSFSR in the 1920s and early 1930s 94

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 947

DOI 10.25730/VSU.2070.19.027

Крестьянское движение весной 1902 г. и формирование аграрной политики В. К. Плеве

А. С. Минаков

доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Дирекции изучения истории МПГУ,
Московский педагогический государственный университет. Россия, г. Москва.
ORCID: 0000-0003-0922-9306. E-mail: as.minakov@mpgu.su

Аннотация. Исследование влияния социальных процессов на правительственную политику в последние десятилетия имперского строя в России является актуальной научной проблемой. Поэтому целью статьи выступает анализ причин возникновения и характера крестьянского движения в Полтавской и Харьковской губерниях весной 1902 г. и их воздействия на формирование программы аграрных преобразований министра внутренних дел В. К. Плеве. Исследовано участие главы МВД в разборе обстоятельств волнений. На основе широкого круга источников (делопроизводственная документация, периодическая печать, источники личного происхождения) выяснено, что низкий уровень продовольственной обеспеченности крестьян, малоземелье, малоэффективность всех уровней системы местного управления, а также влияние антиправительственной агитации, лежавшие в основе беспорядков, определили основные векторы правительственной политики в аграрном вопросе. В их числе ведущее место занимали разработка нового законодательства о крестьянском землевладении и землепользовании (в том числе необходимость отмены круговой поруки), модернизация переселенческой политики и выработка новой модели административного контроля над крестьянским социумом. Кроме того, В. К. Плеве получил возможность использовать проявившиеся в ходе беспорядков царистские настроения крестьянства для укрепления общественных основ действовавшего политического строя. Данный вариант модернизации самодержавной системы открывал потенциал публичной презентации образа монарха как духовного и государственного лидера подданных. Учитывая религиозность императора Николая II и его семьи, данный план имел высокие шансы реализации, а В. К. Плеве получал дополнительный идеологический ресурс поддержки собственной политической программы в целом.

Ключевые слова: Российская империя, В. К. Плеве, крестьянские волнения, аграрный вопрос.

Рубеж XIX–XX столетий был временем не только интенсивных общественно-политических перемен, но и динамичных социально-экономических процессов. Российская империя все теснее вовлекалась в мировую систему экономических отношений, стремясь одновременно ускорить развитие собственной конкурентоспособной промышленности. Основной экономический потенциал страны был по-прежнему сосредоточен в аграрном секторе, развитие которого характеризовалось эклектичностью и многоукладностью, представляя фактически переходный тип. Оставаясь сословно замкнутой, многомиллионная крестьянская масса продолжала иметь стратегическое значение ведущей производительной силы, основного потребителя на внутреннем рынке, а также главного мобилизационного ресурса. При этом деревня была неспособна самостоятельно, без помощи государства преодолеть как свой сервильный менталитет, так и технологическую отсталость. Сохраняли значительный вес сакрально-монархические основы крестьянской психологии, но и такая подсознательная верность мифу о «добром и справедливом царе» все более нуждалась в экономическом подкреплении. От готовности оперативно отвечать на острые вызовы времени зависела жизнеспособность российского самодержавия и перспективы имперской государственности. Именно поэтому назначение в апреле 1902 г. Вячеслава Константиновича Плеве министром внутренних дел связывалось с ожиданием перемен в правительственной политике по аграрному вопросу.

В значительной мере это объяснялось тем, что В. К. Плеве имел колоссальный опыт участия в работе разных межведомственных органов по проблемам сельского хозяйства. Во многих из них, например, Комиссии для выяснения причин падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие 1883–1887 гг., Комиссии для пересмотра Устава о народном продовольствии и др., он был непосредственным руководителем.

Вместе с тем отношение В. К. Плеве к аграрному вопросу в начальный период его руководства Министерством внутренних дел остается все еще недостаточно изученной проблемой в историографии. В существенной степени векторы аграрной политики В. К. Плеве и ее характер формировались под воздействием крестьянских беспорядков в Полтавской и Харьковской губерниях в марте-апреле 1902 г. Однако в исторической литературе их влияние на правительственный курс все еще очерчено лишь контурно [3; 21, с. 81–82; 23, с. 27, 40–41, 80–81; 25].

Только обустроившись на новом месте службы, В. К. Плеве занялся разбором тревожных телеграмм с Юга России. Крестьянские волнения, начавшиеся весной 1902 года, охватили многие районы империи, но наиболее активными они были в Полтавской (Константиновградский и Полтавский уезды) и Харьковской (Валковский и Богодуховский уезды) губерниях. В конце марта – начале апреля 1902 г. в указанных регионах подверглись погрому десятки имений [6, с. 165; 14, с. 9–10].

Мелкое воровство и посягательство на помещичью собственность еще с дореформенных времен были обыденным явлением сельской повседневности. В деревне такие кражи, впрочем, как побои или оскорбления, не считались преступлением. Длительное время они вообще разбирались на основе обычного права, а официальная статистика даже не вела их учет [16, с. 115, 125]. Однако теперь речь шла об открытом и масштабном расхищении помещичьего имущества.

Учитывая неординарность сложившейся обстановки, В. К. Плеве самостоятельно принял нестандартное для правительственной среды решение – отправиться на место событий и лично проанализировать случившееся. Разрешение на поездку было испрашено всеподданнейшим докладом 8 апреля 1902 г. «Разбираясь в моих впечатлениях первых дней, я смущен беспорядками в Харьковской и Полтавской губерниях <...>. Из бумаг затрудняюсь составить себе обстоятельное по ним заключение», – объяснял он свои действия императору [4]. Такой необычный шаг не остался незамеченным общественностью. «Плеве уехал на место буйства мужиков. Вот это министр. Очень немногие бы это сделали!» – воскликнул по этому поводу отставной генерал А. А. Киреев [10].

Стоит отметить, что эффект столь внезапной командировки министра усиливал ее маршрут. По дороге в Харьков и Полтаву В. К. Плеве побывал с паломническим визитом в Троице-Сергиевой лавре, где провел остаток Страстной недели и часть Светлой седмицы. Посещение старинного центра православия расценивалось как получение министром благословения на предстоящую деятельность по стабилизации социальной обстановки и будущие преобразования в государстве [24].

15 апреля 1902 г. В. К. Плеве прибыл в Харьков. С вокзала он отправился в гостиницу «Европейскую», где в 11 утра принял прокурора Харьковской судебной палаты А. А. Лопухина, с которым у него состоялся продолжительный разговор. А. А. Лопухин доложил ему свежую информацию о масштабах и обстоятельствах беспорядков. В первую очередь В. К. Плеве интересовался действиями полтавского и харьковского губернаторов. А. А. Лопухин в положительном ключе оценил И. М. Оболенского, деятельность которого, по словам прокурора, была «разумна, целесообразна и энергична», в отличие от А. К. Бельгарда, допустившего, напротив, «недостаток понимания значения» беспорядков и «большую нераспорядительность» в их прекращении [12, с. 33]. Впрочем, по донесениям начальников губерний и свидетельствам современников, в экзекуциях над участниками беспорядков преуспели оба губернатора [13, с. 58–60; 20].

После встречи с А. А. Лопухиным В. К. Плеве принял других должностных лиц, а вечером 15 апреля он выехал в Полтаву. Здесь глава МВД также заслушивал должностных лиц, и вновь, как и в Харькове, первым докладчиком был А. А. Лопухин, которого В. К. Плеве пригласил специально. Однако в Полтаве прием велся уже не в комфортабельных апартаментах отеля, а в железнодорожном вагоне. Циркулировали слухи, проникавшие даже в европейскую прессу, что в адрес министра поступали угрозы в связи с его приездом, поэтому в целях безопасности, он не покидал поезда [7; 26]. Тем не менее после обеда 17 апреля он приехал в губернаторский особняк, где провел совещание с представителями местного дворянства и зем-

ской общественностью. На нем В. К. Плеве выступил с призывом объединить усилия правительства и общественных сил для предотвращения подобных акций. Однако, по мнению его ближайшего соратника В. И. Гурко, провинциальная общественность не вняла призывам министра. В. К. Плеве, вспоминая, «почти вкладывал им в уста заявление, что в этих видах необходимо привлечь общественность к более близкому участию в государственном управлении. Однако земцы, по-видимому, уstraшенные произведенными погромами частновладельческих имений, в ответ ему говорили лишь об одном – о необходимости ввести в губернии положение об усиленной охране» [5; 17]. Пробыв в Полтаве до полудня 18 апреля, В. К. Плеве выехал обратно и 20 апреля возвратился в столицу.

Либеральная и радикальная пресса пыталась использовать факты широкого применения телесных наказаний для дискредитации первых шагов В. К. Плеве как министра. «Особенно ярко политика Плеве проявилась в открытом и в небывалых размерах применении беззакония, а именно телесного наказания. По слухам, Плеве прямо требует его применения», – заявлял журнал «Освобождение». Акцент на жестких действиях властей при подавлении беспорядков делался и в публикациях социал-демократической «Искры» [9; 19].

Поэтому бюрократический мир с интригующим ожиданием наблюдал за поездкой В. К. Плеве. Еще до отъезда ему было известно, что И. М. Оболенский взял на себя инициативу широкого привлечения войск для подавления беспорядков с применением телесных наказаний к виновным. В столице и на юге ожидали, как новый министр отнесется к радикальным действиям харьковского губернатора. Реакция последовала быстро. В. К. Плеве оценил решительность и смелость И. М. Оболенского, не найдя в его действиях превышения полномочий. Полтавский губернатор А. К. Бельгард «при свойственных ему дипломатических приемах управления», не проявивший «надлежащей энергии» в подавлении волнений, был отправлен в отставку [2; 15].

Другим существенным кадровым решением по итогам министерской ревизии стало назначение А. А. Лопухина директором Департамента полиции. В. К. Плеве высоко оценил служебные качества харьковского прокурора, особенно его скрупулезность в расследовании обстоятельств беспорядков. А. А. Лопухину удалось донести до главы МВД «свежие, здоровые мысли, которые вносили что-то новое в обветшалые приемы и устарелые взгляды, господствовавшие тогда в местном административном управлении» [2]. При этом он отметил внимание министра к деталям произошедшего и одновременно к собственной персоне: «Я был единственным из должностных лиц г. Харькова, приглашенным министром завтракать с ним» [12, с. 34].

Беседы с А. А. Лопухиным и представителями провинциальной общественности, изучение рапортов губернаторов, а также правоохранительных ведомств, красноречиво обнажили главе МВД не только причины и характер крестьянских выступлений, поражавших своими масштабами, но и все неприглядные стороны состояния российской деревни.

Прежде всего, с язвительной болью заявила о себе нищета сельских жителей, множившаяся неурожаем и растущим дефицитом земли. Причем аренда помещичьих участков уже не могла быть решением этой проблемы. Так, в Полтавской и Харьковской губерниях количество земли, которые крестьяне могли взять в наем у помещиков, ежегодно сокращалась. Учитывая высокий спрос на землю, арендная плата росла [6, с. 159–163]. Поэтому нехватка земельных угодий и, как следствие, погружение в арендную зависимость от помещиков на кабальных условиях приводили к голодному существованию большинство крестьянских семей.

В числе непосредственных причин беспорядков и акций неповиновения также были тяжелые последствия неурожая 90-х годов XIX века и «нового» недорода 1901 года, повлекших нехватку продовольствия и средств обсеменения. Ни внутриобщинные ресурсы перераспределения, ни действовавшие хлебозапасные магазины не смогли амортизировать негативный эффект недорода. Между тем именно во время неурожая и непосредственно после них число преступлений против собственности в деревне возрастало [1; 14, с. 9; 16, с. 135; 22].

Материальная нужда крестьян соседствовала с их низким культурным уровнем. Спустя почти столетия после «Великих реформ» сервильная психология и низкий уровень правовой ответственности все еще господствовали на селе. Особенно серьезным тормозом на пути социально-экономического обновления деревни было неадекватное восприятие крестьянами частной собственности как неприкосновенного имущества. «Почти повсеместно среди крестьянского населения наблюдается убеждение, переходящее в какую-то народную легенду, о присущем ему каком-то естественном праве на землю, которая рано или поздно должна пе-

рейти в его обладание» [11, с. 80–81], – замечал С. С. Хрулев, разбиравший беспорядки. Патриархальные формы общежития и общинные порядки, консервируя в сельской среде приверженность к традиционному укладу, выхолащивали какие-либо ростки социального просвещения и чувства гражданственности. Резкое ухудшение экономического положения радикально меняло облик крестьянской среды, превращая ее в полудикую социальную массу, останавливаемую лишь опасностью физического наказания.

Именно поэтому голодное и малокультурное крестьянство являлось благодатной почвой для результативной агитационной работы радикальных элементов. Участие антиправительственной пропаганды в подготовке беспорядков единодушно подтверждалось официальной информацией, распространяемой в прессе, а также донесениями губернаторов, участниками следствия и свидетельствами очевидцев [12, с. 33; 13, с. 79–80; 18].

«Бедственное экономическое положение и некультурность нашей крестьянской среды представляют благодатную почву для пропаганды противообщественных и противоправительственных идей, <...> пропаганда эта, устная и путем печатных листков, исходит прежде всего от разных революционных и социалистических организаций, <...> большинство этих нелегальных произведений издано специально для обращения в крестьянской среде, язык и слог приспособлены к пониманию простонародья, <...> в брошюрах и прокламациях этих крестьянин находит ответ на его затаенное желание о земле, которая трактуется как общая собственность, такая же, как свет и воздух», – указывал С. С. Хрулев [11, с. 86]. Другой участник следствия, В. Н. Семенов имел схожее мнение: «С конца 1901 года в народе стали появляться различные революционные издания, число которых особенно возросло в январе и феврале текущего года, <...> изложенные в означенных книжках идеи, отвечавшие заветным мечтам крестьянина, были встречены населением с большим сочувствием и так быстро усвоились, что некоторые крестьяне в разговоре с властями повторяли наизусть целые фразы из прочитанных изданий» [12, с. 62].

Так же, как В. Н. Семенов и С. С. Хрулев, существенное влияние антиправительственной пропаганды на погромные настроения крестьян отмечал уже упоминавшийся А. А. Лопухин. Власти, по его мнению, допустили широкое распространение среди крестьян агитационной литературы, составленной с учетом их образовательно-культурного уровня. В ней доступным языком делались акценты на негативных явлениях сельской жизни и содержался призыв выступать против государственного порядка. «Преступные книжки распространялись в народе в большом количестве и читались с огромным интересом», – подчеркивал он [14, с. 110].

В. К. Плеве со всей очевидностью был вынужден признать, что именно ведомство МВД, во главе которого он теперь встал, оказалось неспособным предвидеть такую ситуацию и справиться с ней без помощи войск и карательных мер. Органы земского самоуправления также представляли бездейственными свидетелями сельских проблем, провалив организацию продовольственной помощи. Помещики, владевшие излишками урожая и свободными угодьями, тоже предпочитали оставаться в стороне.

При этом начальники губерний, формально отвечавшие за положение на местах, фактически оказывались заложниками своего положения. «Условия административной жизни в губернии таковы, что губернатору приходится опираться <...> преимущественно на чинов полиции и тех должностных лиц в уездах, которые привыкли в своевременной отписке видеть отличие по службе. Если даже только остановиться на части, касающейся управления крестьян, то нужно признаться, что губернатор вряд ли может фактически лично направлять гражданскую жизнь крестьян с многоразличными ее запросами», – констатировал товарищ обер-прокурор 2 Департамента Правительствующего Сената Г. Г. Коваленский, анализируя обстоятельства волнений [12, с. 97].

В целом схожие впечатления о причинах беспорядков остались и у А. А. Лопухина, в странной записке которого, поданной императору спустя три года после описываемых событий, отмечалась неготовность губернской администрации к происходящему: «Власти растерялись, оставляя преступления расти безнаказанно, <...> все власти, на коих возложено попечение о народном благосостоянии, оказались в бездействии, <...> земские начальники годами не посещали многих местностей своих участков, <...> существовавший в некоторых деревнях голод никому из властей не был известен, и никто понятия не имел о степени обеднения населения» [14, с. 108–109]. Иными словами, речь шла о недостатке административного внимания к происходящему в крестьянском социуме в целом. Волостная администрация, земские начальники, полиция и даже земство оказывались слабыми звеньями в сложном, многоуров-

невом управлении деревней. Наконец, следствием такой «брошенности» деревни, по мнению чиновника, был успех антиправительственной пропаганды.

Одновременно с этим события весны 1902 г. показали силу царистских настроений в крестьянской среде. Среди крестьян была распространена уверенность, что «царь издал указ, согласно которому они имеют право силой отбирать у помещиков хлеб, землю и имущество. Крестьяне до такой степени были уверены в существовании подобного указа, что даже свои действия начинали с мирной просьбы о выдаче ключей от амбаров и кладовых, а уже затем, получив отказ, действовали силой» [6, с. 169]. Наивный крестьянский монархизм, превращавший крестьян в преступников, был поразителен даже для потерпевших помещиков. По свидетельству одного из них: «В начале этого движения в народе упорно ходили слухи о каком-то генерале, приехавшем из Петербурга от самого Царя, с поручением объявить народу какой-то манифест, писанный “золотыми буквами” <...>. Народ ведь всегда легко верил тому, что так или иначе касалось его личного интереса; мог он легко поверить и чьим-то рассказам про генерала, которого, в сущности, никто ни из моих соседей-крестьян, ни из служащих моих не видел; а “кто-то другой” видел, и этого было достаточно, чтобы народ уверовал в существование подобных самозванцев и в их прямую миссию» [8, с. 178]. Данные факты подтверждают и материалы судебного процесса над участниками беспорядков: «Один из обвиняемых показал, что он будто бы ходил в усадьбу не грабить, а посмотреть на генералов, которые приехали, <...> в том же деле имеется намек на то, что крестьяне ожидали приезда кн. Михаила, который дает разрешительные грамоты» [13, с. 195].

Конечно, сами по себе подобные слухи не были в деревне чем-то новым. В обывательском представлении крестьян бытовала уверенность, что вина за экономические неурядицы их жизни лежит на помещиках и чиновниках, которые обманывают царя [21, с. 87]. Однако данный факт в совокупности с резким ухудшением экономического положения оказался тем самым желанным основанием, на котором строили свои агитационные послы антиправительственные элементы. Именно на возможность исполнения казавшихся несбыточными желаний указывали прокламации и другая пропагандистская литература, игравшая на вполне искренних монархических симпатиях большинства населения.

«Все это те же Петры, Семены, соседи мои, которых мне не раз случалось выручать из какой-нибудь их беды и с которыми я дружно жил в течение многих лет моей жизни с ними; все знакомые лица, но что за ужасные были их глаза теперь <...>. Блуждающий, дикий взгляд как-то исподлобья, бегающий растерянно по сторонам, не останавливающийся определенно ни на одном предмете, выражал их какое-то особенное душевное состояние <...>. Мне грустно, бесконечно тяжело было смотреть на эти самодовольные лица мужиков, которые по темноте своей, по неведению своему обратились из мирных, хороших людей в каких-то озверелых грабителей, не понимающих в большинстве своем и самой преступности своего поступка», – с чувством глубокого сожаления констатировал один из пострадавших помещиков [8, с. 177–178].

Полтавский губернатор А. К. Бельгард в своем донесении главе МВД утверждал, что крестьянство «более чем когда-либо нуждается в попечительном руководстве, которого оно по большей части не находит ни в пастырях духовных, озабоченных личными делами и ограничивающихся совершением треб, ни в земских начальниках, административная деятельность которых ограничивается часто перепиской и некоторым наблюдением за волостными правлениями, но которые редко являют из себя ту близкую к народу твердую правительственную власть, о которой гласит закон, ни, наконец, в представителях полиции, которые по своей малочисленности не могут выполнить всех возложенных на них обязанностей» [13, с. 81].

Таким образом, впечатления от поездки в районы крестьянских выступлений, изучение всех обстоятельств беспорядков предоставили министру внутренних дел актуальный материал для объективного анализа состояния сельского хозяйства и положения жителей российской деревни. Все это в значительной мере определило основные векторы его реформ. При этом В. К. Плеве не сомневался, что отстаивание прерогатив МВД в контроле над модернизационными процессами в деревне будут проходить в жесткой конкурентной борьбе. Именно в это время созрел очередной этап его жесткого противостояния со своим давним оппонентом, министром финансов С. Ю. Витте, и разворачивалась полемика между Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности – детищем главы финансового ведомства – и Редакционной комиссией МВД по пересмотру крестьянского законодательства.

Так, одним из объектов будущих преобразований должна была стать община как социальный и экономический институт. В. К. Плеве и ранее полагал, что община должна идти в ногу

с переменами в России, но при этом оставаться важнейшим регулятором жизненных процессов в крестьянском социуме. Первоочередной задачей правительства выдвигалось сохранение всех ее необходимых и жизнеспособных качеств при ликвидации деструктивных начал. В этой связи надлежало разрешить судьбу ее податной составляющей – круговой поруки, существование которой тормозило экономическое развитие сельского хозяйства как ведущей отрасли экономики. Одновременно требовалась проработка вопроса о внеобщинных формах крестьянского землевладения. Вместе с тем В. К. Плеве мог рассчитывать и на такие рычаги снижения остроты земельного вопроса, как переселенческая политика и деятельность Крестьянского банка, которые, оставаясь в арсенале правительства, также ожидали своего обновления.

Далее оперативной перестройки требовала и малоэффективная система управленческого контроля над деревней. Однако эта реформа нуждалась в проведении вместе с общим преобразованием местного управления, так как губернская вертикаль опиралась на уездные, волостные и сельские единицы. По этой причине надлежало изменить систему полицейского надзора за крестьянским населением и всем происходящим в деревне.

Наконец, обнаружившие устойчивость в ходе беспорядков царистские настроения крестьянства можно было использовать для укрепления слабеющих социальных скреп самодержавного строя. Со всей серьезностью вставал вопрос о программе публичной презентации образа монарха как духовного и государственного лидера подданных. Учитывая религиозность Николая II и его семьи, глава МВД мог не сомневаться в высочайшем одобрении такой политики.

Тем самым для В. К. Плеве открывалась возможность упрочить личную близость к императору, получить поддержку не только аграрной, но и всей своей политической программы, а также выстроить идеологическую платформу для воплощения реформаторских замыслов.

Список литературы

1. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М. : Наука, 1984. С. 212–214.
2. Бельгард А. В. Воспоминания. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 436.
3. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. С. 437.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 859. Л. 4.
5. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. : Новое литературное обозрение, 2000. С. 148.
6. Емелях Л. И. Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. // Исторические записки. Т. 38. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951.
7. Иваненко Д. А. Записки и воспоминания. 1888–1908. Полтава, 1911. С. 180.
8. Из воспоминаний об аграрном движении 1902 года в Полтавской губернии (Рассказ потерпевшего) // Исторический вестник. 1908. Т. СХII [4]. СПб., 1908.
9. Искра. 1902. 1 мая. № 20. С. 6 ; 1 июня. № 21. С. 9.
10. Киреев А. А. Дневник. Запись 13 апреля 1902 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 126. К. 13. Л. 134об.
11. Красный архив. 1930. № 2 (39). С. 80–81.
12. Крестьянские движения 1902 года (Новые материалы). М.-Пг. : Государственное издательство, 1923.
13. Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. Сборник документов. Харьков : Харьковское книжное издательство, 1961.
14. Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. : сборник документов. М. : Наука, 1998.
15. Любимов Д. Н. Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М. : Кучково поле ; Ретроспектива, 2018. С. 42.
16. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. Т. 3. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015.
17. Новое время. 1902. 21 апреля (4 мая). № 9384. С. 5.
18. Новое время. 1902. 29 апреля (12 мая). № 9392. С. 2.
19. О наших господах (Запоздалое письмо из Петербурга) // Освобождение. 1902. 2 (15) июля. № 2. С. 29.
20. Осоргин М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920. М. : Рос. фонд культуры ; Студия ТРИТЭ ; Российский архив, 2008. С. 562–564.
21. Первая русская революция: взгляд через столетие. М. : Памятники исторической мысли, 2005.
22. Рогожина А. С. «Просящий милостыню уже ничего не может найти, потому что все одинаково обнищали». О деятельности Особого комитета Наследника Цесаревича в контексте «всероссийского разорения» 1891–1892 гг. // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 770–782. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-3-770-782.

23. Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М. : Наука, 1987.
24. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. М. : ОГИ, 2004. С. 514–515.
25. Judge E. H. Plehve: Repression and Reform in Imperial Russia. Syracuse, 1983. Pp. 40–42.
26. Les ministres menacés en Russie // Le Rappel. 15 may 1902. № 11752. P. 1.

Peasant movement in the spring of 1902 and the formation of agricultural policy of V. K. Pleve

A. S. Minakov

Doctor of Historical Sciences, associate professor,
Deputy Director of the Department of history studies of MSPU, Moscow State Pedagogical University.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0003-0922-9306. E-mail: as.minakov@mpgu.su

Abstract. The study of the influence of social processes on government policy in the last decades of the Imperial system in Russia is an urgent scientific problem. Therefore, the purpose of the article is to analyze the causes and nature of the peasant movement in the Poltava and Kharkiv provinces in the spring of 1902 and their impact on the formation of the program of agrarian reforms of the Minister of Internal Affairs V. K. Pleve. The participation of the interior minister in the analysis of the circumstances of the unrest was investigated. On the basis of a wide range of sources (office records, periodicals, sources of personal origin), it was found that the low level of food security of peasants, low land use, inefficiency of all levels of the local government system, as well as the influence of anti-government agitation, which were the basis of the riots, determined the main vectors of government policy in the agricultural issue. These included the development of new legislation on peasant land ownership and land use (including the need to abolish circular bail), the modernization of the re-settlement policy, and the development of a new model of administrative control over peasant society. In addition, V. K. Pleve was able to use the tsarist sentiments of the peasantry that were manifested during the riots to strengthen the social foundations of the existing political system. This version of the modernization of the autocratic system opened the potential for public presentation of the image of the monarch as the spiritual and state leader of the subjects. Given the religiosity of Emperor Nicholas II and his family, this plan had a high chance of implementation, and V. K. Pleve received an additional ideological resource to support his own political program as a whole.

Keywords: Russian Empire, V. K. Pleve, peasant unrest, agrarian question.

References

1. Anfimov A. M. *Ekonomicheskoe polozhenie i klassovaya bor'ba krest'yan Evropejskoj Rossii. 1881–1904 gg.* [Economic situation and the class struggle of the peasants of European Russia. 1881–1904 gg.] M. Nauka. 1984. Pp. 212–214.
2. Bellegarde V. A. *Vospominaniya* [Memories]. M. New literary review. 2009. P. 436.
3. *Vlast' i reformy. Ot samodержавnoj k sovetskoj Rossii* – Power and reforms. From autocratic to Soviet Russia. SPb. Dmitry Bulanin. 1996. P. 437.
4. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* – State archive of the Russian Federation. F. 601. Inv. 1. File 859. Sh. 4.
5. Gurko V. I. *Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v carstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika* [Features and silhouettes of the past: the Government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. New literary review. 2000. P. 148.
6. Emelyah L. I. *Krest'yanskoe dvizhenie v Poltavskoj i Har'kovskoj guberniyah v 1902 g.* [Peasant movement in Poltava and Kharkiv provinces in 1902] // *Istoricheskie zapiski* – Historical notes. Vol. 38. M. Academy of Sciences of the USSR. 1951.
7. Ivanenko D. A. *Zapiski i vospominaniya. 1888–1908* [Notes and memoirs. 1888–1908]. Poltava. 1911. P. 180.
8. *Iz vospominanij ob agrarnom dvizhenii 1902 goda v Poltavskoj gubernii (Rasskaz poterpevshego)* – From the memoirs of the agrarian movement of 1902 in the Poltava province (The victim's story) // *Istoricheskij vestnik* – Historical Herald. 1908. Vol. CXII [4]. SPb. 1908.
9. *Iskra* – Spark. 1902. May 1. No. 20. P. 6; June 1. No. 21. P. 9.
10. Kireev A. A. *Dnevnik. Zapis' 13 aprelya 1902 g.* [Diary. Notes of April 13, 1902] // *Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki* – Department of manuscripts of the Russian state library. F. 126. K. 13. Sh. 134 turn.
11. *Krasnyj arhiv* – Red archive. 1930. No. 2 (39). Pp. 80–81.
12. *Krest'yanskoe dvizheniya 1902 goda (Novye materialy)* – Peasant movements of 1902 (New materials). M–Pg. State publishing house. 1923.

13. *Krest'yanskoe dvizhenie v Poltavskoj i Har'kovskoj guberniyah v 1902 g. Sbornik dokumentov* – Peasant movement in Poltava and Kharkiv provinces in 1902. Collection of documents. Kharkiv. Kharkiv book. 1961.
14. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1901–1904 gg. : sbornik dokumentov* – The peasant movement in Russia in 1901–1904 : collection of documents. M. Nauka. 1998.
15. *Lyubimov D. N. Russkoe smutnoe vremya. 1902–1906. Po vospominaniyam, lichnym zametkam i dokumentam* [Russian time of troubles. 1902–1906. From memories, personal notes, and documents]. M. Kuchkovo pole; Retrospective. 2018. P. 42.
16. *Mironov B. N. Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu : v 3 t. T. 3* [Russian Empire: from tradition to modernity : in 3 vols. Vol. 3.] SPb. Dmitry Bulanin. 2015.
17. *Novoe vremya* – New time. 1902. April 21 (May 4). No. 9384. P. 5.
18. *Novoe vremya* – New time. 1902. April 29 (May 12). No. 9392. P. 2.
19. *O nashih gospodah (Zapozdaloe pis'mo iz Peterburga)* – About our masters (Belated letter from St. Petersburg) // *Liberation*. 1902. July 2 (15). No. 2. P. 29.
20. *Osorgin M. M. Vospominaniya, ili Chto ya slyshal, chto ya videl i chto ya delal v techenie moej zhizni. 1861–1920* [Memories, or What I heard, what I saw, and what I did during my life. 1861–1920]. M. Ros. kul'turnyj fond; TRITE Studio; Russian archive. 2008. Pp. 562–564.
21. *Pervaya russkaya revolyuciya: vzglyad cherez stoletie* – The first Russian revolution: a look through a century. M. Monuments of historical thought. 2005.
22. *Rogozhina A. S. "Prosyashchij milostynny uzhe nichego ne mozhet najti, potomu chto vse odinakovo obnishchali". O deyatel'nosti Osobogo komiteta Naslednika Cesarevicha v kontekste "vserossijskogo razoreniya" 1891–1892 gg.* ["Begging for alms can not find anything, because everyone is equally impoverished." On the activities of the Special Committee of the Tsarevich's Heir in the context of the "all-Russian ruin" of 1891–1892] // *Herald of the archivist*. 2018. No. 3. Pp. 770–782. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-3-770-782.
23. *Simonova M. S. Krizis agrarnoj politiki carizma nakanune Pervoj rossijskoj revolyucii* [Crisis of tsarism's agrarian policy on the eve of the First Russian revolution]. M. Nauka. 1987.
24. *Worthman R. S. Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii. T. II* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy. Vol. II] M. OGI. 2004. Pp. 514–515.
25. *Judge E. H. Plehve: Repression and Reform in Imperial Russia*. Syracuse, 1983. Pp. 40–42.
26. *Les ministres menacés en Russie* // *Le Rappel*. 15 may 1902. No. 11752. P. 1.

Генерал-адъютант Федор Федорович Трепов: штрихи к портрету государственного деятеля

П. Н. Шарабаров

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского Центра регионоведения, Кировская областная научная библиотека имени А. И. Герцена.
Россия, г. Киров. E-mail: pnsh84@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные вехи государственной службы Ф. Ф. Трепова-младшего (1854–1938). На основе архивных и опубликованных источников рассмотрена его деятельность на постах вятского губернатора и генерал-губернатора Юго-Западного края. Отмечен вклад Трепова в социально-экономическое развитие Вятской губернии. Представлены материалы, позволяющие высоко оценивать его заслуги в деле благоустройства городов, железнодорожном строительстве, поощрении торговли и общественных инициатив. Рассмотрены обстоятельства присвоения губернатору звания почетного гражданина города Вятки. Впервые освещаются попытки Трепова реформировать военно-санитарное управление при Военном министерстве Российской империи, характеризуется его деятельность на посту генерал-губернатора Юго-Западного края во время посещения императором Николаем II Киева и убийства премьер-министра П. А. Столыпина, анализируются взаимоотношения генерал-адъютанта и императора. Отмечаются такие черты личности Трепова, как трудолюбие, патриотизм, принципиальность, честность. Личной трагедией Федора Федоровича стали революционные события 1917 г.

Ключевые слова: губернатор Ф. Ф. Трепов-младший, государственная служба, Российская империя, Вятская губерния, Юго-Западный край, П. А. Столыпин, Николай II.

Федор Федорович Трепов родился 13 мая 1854 г. в семье Санкт-Петербургских дворян. Он был старшим сыном генерал-адъютанта Федора Федоровича Трепова, петербургского градоначальника в 1873–1878 гг., пережившего знаменитое покушение Веры Засулич. Три брата Федора Трепова-младшего – Дмитрий, Владимир и Александр – занимали видные посты в системе управления Российской империей конца XIX – начала XX в. Дмитрий (1855–1906) к моменту скоропостижной смерти был товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией, командующим Отдельным корпусом жандармов, дворцовым комендантом Петергофа и руководителем охраны императора; Владимир (1860–1918) был членом Госсовета и сенатором (был убит во время «красного террора»); Александр (1862–1928) стал министром путей сообщения и председателем правительства, а затем одним из лидеров русской правой эмиграции.

Ф. Ф. Трепов получил образование в элитном Пажеском его императорского величества корпусе, по окончании которого в 1873 г. начал службу корнетом лейб-гвардии Конного полка. Прослужив в полку несколько лет, он назначается адъютантом к оренбургскому генерал-губернатору, генерал-адъютанту Н. А. Крыжановскому. В июне-декабре 1877 г. в составе 1-го Волгского казачьего полка принимал участие в кавказской кампании Русско-турецкой войны, в частности в кровопролитных боях на Аладжинских высотах, а также в захвате крепости Карс. По некоторым данным, в ходе этих событий Трепов был тяжело контужен в голову [3; 22, ф. 582, оп. 40, д. 55, л. 37 об.; 17, д. 208, л. 1–18]. Вскоре за отличие в боях Федор Федорович был пожалован орденами Святой Анны 3-й степени и Святого Владимира 4-й степени; обе награды были с мечами и бантом, что являлось особым признанием воинских заслуг.

После заключения Сан-Стефанского мирного договора Трепов был командирован в освобожденную Болгарию, где состоял личным секретарем легендарного генерал-адъютанта, князя А. М. Дондукова-Корсакова. В Софии Федор Федорович пробыл вплоть до осени 1879 г., оказав деятельное содействие в организации нового управления страной. Признанием заслуг Трепова во время службы на Балканах было последовательное производство его в ротмистры, а затем в майоры и награждение орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами.

Вернувшись в Россию, Ф. Ф. Трепов полтора года состоял при временном харьковском генерал-губернаторе М. Т. Лорис-Меликове, после чего в 1881 г. уже подполковником был причислен к Министерству внутренних дел и назначен военным чиновником особых поручений при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе А. Р. Дрентельне, с 1889 г. – А. П. Игнатьеве.

Работа в Юго-Западном крае империи была крайне насыщенной и интересной. В этот период Трепов неоднократно удостоивался высочайшей милости: был произведен в полковники, награжден орденами Святой Анны 2-й степени и Святого Владимира 3-й степени. 7 июня 1890 г. Федору Федоровичу была поручена почетная и ответственная обязанность – заведывание охраной Александра III во время маневров и высочайшего смотра войск на Волыни. И с этим поручением Трепов с честью справился. В конце августа император «за отлично-усердную службу» пожаловал ему перстень с рубином и бриллиантами [22, ф. 582, оп. 40, д. 55, л. 52 об., 53 об.].

В течение двух с половиной лет, с февраля 1892 г., Ф. Ф. Трепов был вице-губернатором обширной Уральской области. Работа в землях уральского казачьего войска обогатила управленческий опыт Федора Федоровича, что учитывалось Министерством внутренних дел при последовавшем его назначении.

11 августа 1894 г. Ф. Ф. Трепов назначается вятским губернатором с производством за отличие в генерал-майоры и оставлением по армейской кавалерии. Однако приезд нового губернатора в Вятку затягивался в связи с его задержкой «на некоторое время в Санкт-Петербурге по делам службы», о чем и сообщалось в письме Министерства внутренних дел в конце августа [22, ф. 582, оп. 40, д. 55, л. 8]. Лишь 12 сентября, в 9 часов вечера, на пароходе Т. Ф. Булычева «Сотрудник» Федор Федорович с семьей прибыл в губернский город. На пристани его встречали полицмейстер г. Вятки М. П. Рождественский, правитель канцелярии губернатора П. Н. Шкляев и городской голова И. А. Сухов. Приняв от полицмейстера рапорт, Трепов проследовал к заранее подготовленным каретам и отправился в свою квартиру.

В тот же вечер Ф. Ф. Трепов вступил в управление губернией, а на следующее утро уже принимал представлявших ему чинов различных ведомств и членов городских и земских учреждений. С первых же дней приезда новому начальнику губернии пришлось столкнуться с весьма некрасивой картиной действительности – посылкой анонимных доносов, глубоко возмущивших Федора Федоровича. В объявлении, напечатанном в «Вятских губернских ведомостях» [1, 21 сент. (№ 76, ч. неофиц.), с. 1], Трепов просил всех желавших поставить его в известность о каких-либо злоупотреблениях и беспорядках подписывать без боязни свои заявления и обещал анонимные письма оставлять без рассмотрения. Постепенно по городу и губернии разнеслась весть о «доступности генерала», чем вятчане постарались воспользоваться в полной мере: все приходившие к губернатору выслушивались им с большим вниманием, и вскоре производилось быстрое решение поднимаемых вопросов. Подобная доступность нового начальника губернии вызывала злоупотребления: к Трепову стали являться в качестве просительниц жены чиновников, ходатайствовавшие за своих мужей относительно предоставления им мест или повышения по службе, что заставило Федора Федоровича напечатать объявление о том, что никому из чиновников не возбранялось обращаться к нему лично с просьбами, а обращения жен, хлопотавших за мужей, будут оставаться им без удовлетворения и сами просительницы с такими просьбами приниматься не будут [1, 29 окт. (№ 87, ч. неофиц.), с. 1].

С первых дней вятского губернаторства Ф. Ф. Трепов принялся за знакомство с городом и поразился его неустройством. «Устроился я здесь недурно, но зато грязь невылазная, хлопочу об устройстве мостовых, – писал он в октябре 1894 г. – В общем, жить можно, город сам по себе красивый и люди симпатичные. Работы по горло, но это и лучше, скорее проходит время» [19, с. 17]. Следует отметить, что осень 1894 г. была очень дождливой, и многие городские улицы стали совершенно непроходимыми. Между тем именно осенью и бывало наибольшее движение, поскольку тогда прибывали товары с Нижегородской ярмарки, а крестьяне везли на рынки продукты свежего урожая. Это побудило Федора Федоровича обратиться в Вятскую городскую управу с предложением приступить к скорейшему замощению улиц. 19 октября 1894 г. городская дума ассигновала на замощение улиц 5 тыс. руб. В докладе управы по этому вопросу говорилось, что недавно прошедшее Вятское уездное земское собрание ассигновало на те же нужды 1 тыс. руб., и высказывалась надежда на помощь со стороны губернского земства [5, с. 152–154; 2, 7 марта (№ 3), с. 3]. Действительно, губернское земское собрание в декабре 1894 г. выделило на устройство мостовых без малого 20 тыс. руб. Летом 1895 г. начались масштабные работы по замощению вятских улиц.

В первых числах ноября Трепов выехал из г. Вятки для обозрения губернии. Поездка, длившаяся две недели, дала возможность ознакомиться почти с половиной уездов. По итогам ревизии губернатор составил всеподданнейшую записку, в которой, в частности, отметил, что

«народная нравственность в губернии представляется удовлетворительной. Свыше трехмиллионное население, пестрое по племенному составу, в громадной массе своей земледельческое, имеет свойственные этому классу черты: трудолюбие, сравнительную строгость и чистоту нравов, простоту образа жизни, скромность потребностей. Основой нравственности служит, как и всюду в империи, уважение к православной вере и уставам церкви, любовь и преданность престолу и отечеству» [22, ф. 574, оп. 2, д. 93, л. 1; ф. 582, оп. 66, д. 10, л. 1].

Впечатления, вынесенные Федором Федоровичем из проверки, отчасти отразились в речи, сказанной им 1 декабря 1894 г. при открытии очередного губернского земского собрания [16, с. 163–165]. В ней отмечалось, что из просмотра постановлений уездных собраний и докладов настоящему губернскому он «вынес весьма отрадное впечатление относительно того просвещенного внимания вятского земства, которое оно оказывает населению в заботах о сбережении здоровья, распространении образования, а в последнее время в попечении о кустарной промышленности и развитии сельского хозяйства», но вместе с тем, «сознавая всю симпатичность забот вятского земства в стремлении осуществить намеченные им цели», находил, что «надлежит раньше укрепиться в том, чем земство уже располагает, выяснить действительные причины необеспеченности некоторой части крестьянского населения и отыскать средства к устранению их, а не увлекаться дальнейшими мероприятиями по сельскому хозяйству, не убедившись положительным образом в необходимости той или другой реформы». Принимая во внимание, что 70% платежной силы принадлежало крестьянам, губернатор просил не обременять крестьянское население непосильными платежами и при назначении сумм руководствоваться не тем, что население должно было дать, а останавливаться на том, что оно дать могло. Обращая внимание на лечебные заведения и народные школы, Федор Федорович заявил, что они далеко не всегда отвечали своему назначению, и просил представителей уездных земств частыми посещениями ближе ознакомиться с их устройством для устранения замеченных недостатков. Наконец, Трепов обратил внимание собрания на плохое состояние путей сообщения и просил отнестись серьезно к выборам состава управы. Эта речь познакомила земских деятелей с взглядами нового начальника губернии и отчасти повлияла на последующую деятельность земств.

На второй месяц приезда Ф. Ф. Трепова в Вятскую губернию была получена весть о кончине Александра III. В траурные дни по инициативе Федора Федоровича среди населения г. Вятки и Вятской губернии была объявлена подписка для приобретения венка на могилу императора. Подписка дала весьма солидную сумму, так что после приобретения ценного венка, возложенного 9 ноября 1894 г., осталось более 2 тыс. руб. На эту сумму было решено устроить сквер вокруг одного из украшений города – Александро-Невского собора – и установить в сквере бюст усопшего царя. Намерение Трепова встретило сочувствие среди владельцев местных чугунолитейных и железоделательных заводов, которые изъявили желание безвозмездно сделать на своих заводах металлическую решетку вокруг предполагаемого сквера [5, с. 196–201]. 30 августа 1896 г., в день тезоименитства императора Александра III, произошло торжественное освящение и открытие сквера и памятника императору, ставшими новыми достопримечательностями губернского города.

В декабре 1894 года в г. Вятке стали проводить телефонную сеть для соединения присутственных мест [22, ф. 582, оп. 74, д. 10; 1, 31 дек. (№ 105, ч. неофиц), с. 3]. Данное начинание состоялось исключительно благодаря инициативе Ф. Ф. Трепова. В сентябрьском письме министру внутренних дел И. Н. Дурново с ходатайством об устройстве телефона Трепов писал, что «большинство административных учреждений г. Вятки, как-то губернское правление и присутствие, общественное управление, полиция и другие учреждения, отстоят друг от друга на довольно значительном расстоянии, почему быстрая передача каких-либо приказаний или получение справок от одного учреждения или лица другому, а в особенности от одной полицейской части в другую, крайне замедляется». Получив разрешение из столицы, 28 ноября губернатор обратился в городскую думу с соответствующим запросом и предлагал рассмотреть вопрос о возможности устройства в городе столбов для устройства телефонной линии. 1 декабря дума учредила «постановку столбов для означенной телефонной линии разрешить» [5, с. 190–191].

В первый день 1895 г. телефонное сообщение было открыто. Центральная станция помещалась при канцелярии губернатора и связывала между собой квартиру губернатора, губернское правление, губернское присутствие, квартиру вице-губернатора, губернскую земскую управу, губернскую земскую больницу, казенную палату, городскую управу, полицейское управление, парходную пристань и центральную железнодорожную телефонную

станцию. Каждый абонент снабжался шведским телефонным аппаратом Эриксона. Вятка сделала еще один шаг навстречу цивилизации.

3 января 1895 г. Ф. Ф. Трепов выехал в Санкт-Петербург. Данная поездка, совпавшая с одновременным выездом в столицу городской и земской делегаций для принесения поздравлений по случаю восшествия на престол Николая II и бракосочетания их величеств, имела для Вятского края огромное значение. Представителям города и земства было поручено ходатайствовать о скорейшем разрешении вопроса строительства железной дороги. Трепов принимал горячее участие в прошениях делегаций, сам их поддерживал и направлял депутатов к лицам, могущим в том или ином случае оказать им поддержку.

Во время императорского приема, состоявшегося 17 января, члены вятской делегации преподнесли Николаю II хлеб-соль на каповом блюде, выполненном по рисунку губернского архитектора И. А. Чарушина. Император просил вятчан «сердечно благодарить граждан г. Вятки от его имени». 21 января в присутствии Трепова, его супруги, почетных граждан г. Вятки Н. А. Тройницкого и А. Я. Прозорова, членов вятской делегации и многих вятчан, проживавших в Петербурге, в Петропавловском соборе была отслужена панихида с возложением венка на могилу Александра III [6, с. 3–4].

Совместные усилия начальника губернии и депутатов не остались безуспешными: 4 мая 1895 г. в Вятке была получена телеграмма министра финансов, извещавшая, что Николай II повелел приступить к сооружению железнодорожной линии через губернский город: «Очень рад поздравить вятчей вестью, что Его Величество повелел приступить к сооружению дороги Пермь–Вятка–Котлас. Витте» [6, с. 93].

19 августа 1895 г. состоялось торжественное освящение начала железнодорожных работ и закладка здания станции Вятка (совр. Киров-Котласский). Долгожданное событие произошло – главный город Вятской губернии превращался в крупную железнодорожную станцию. В отчете о состоянии губернии за 1895 г. Трепов с радостью писал императору: «Для дальнейшего развития торговли и вообще промышленности губернии отчетный год должен быть признан знаменательным. Население обширного края было благодетельствовано новой Царской милостью – повелением приступить к сооружению железной дороги Пермь–Вятка–Котлас, связующей губернию с Сибирью и Севером России и обещающей в недалеком будущем развитие многочисленных ее промыслов» [22, ф. 582, оп. 74 а, д. 73, л. 28].

Ф. Ф. Трепов уделял большое внимание и развитию местной прессы. Тотчас по приезде в Вятскую губернию он выразил желание оживить неофициальную часть «Вятских губернских ведомостей» расширением затрагиваемой тематики и привлечением новых сотрудников. Сельская интеллигенция живо откликнулась на приглашения редакции: к лету 1896 г. авторами «Вятских губернских ведомостей» числилось около 60 корреспондентов из местных земских начальников, священников, учителей, волостных писарей и частных лиц.

Кроме того, благодаря ходатайству губернатора благоприятное разрешение получил вопрос об издании в Вятке первой частной газеты. 13 января 1895 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново разрешил Я. И. Поскребышеву издавать в г. Вятке газету «Вятский край».

Много сил и внимания Ф. Ф. Трепов уделял распространению просвещения на Вятке. 26–27 июля 1895 г. в городе Вятке проходили заседания чрезвычайного губернского земского собрания. В результате его работы был образован особый фонд имени Николая II в размере 200 тыс. руб. Данные средства направлялись на нужды народного образования и окончательное определение условий, на которых могло быть открыто в губернии среднее сельскохозяйственно-техническое училище.

К устройству этого заведения Федор Федорович относился с большим вниманием. В последних числах мая 1895 г. в губернском центре находился попечитель Казанского учебного округа В. А. Попов, командированный Министерством народного просвещения с целью составления заключения о возможности устройства в Вятке сельскохозяйственного училища. Губернатор лично с попечителем осматривал земскую ферму, собирал у себя заинтересованных в этом вопросе лиц. В результате усилий Трепова попечитель убедился в необходимости открытия в Вятской губернии сельскохозяйственного училища, о чем он и сделал представление в Министерство народного просвещения. Таким образом, в летнем 1895 г. чрезвычайном собрании губернского земства появилась возможность обсудить условия помощи вновь открываемому училищу. Собранием было решено ассигновать 50 тыс. руб. одновременно на приобретение необходимого инвентаря и по 10 тыс. руб. ежегодно на содержание учебного заведения.

2 декабря 1895 г. начала работу XXIX очередная сессия губернского земского собрания. Открывая ее, Ф. Ф. Трепов обратил внимание собрания на главный вопрос предстоящей сессии – осуществление введения в губернии всеобщего обучения путем увеличения числа школ, образуемых на средства уездного земского сбора с пособием от губернского земства [16, с. 170–172]. Общий интерес к распространению народного образования в губернии высказывался и в происходивших ранее сессиях уездных земств, постановивших увеличить число школ. Собравшиеся постановили открыть с 1897 г. 600 новых школ с пособием от губернского земства, на что было выделено 150 тыс. руб., из которых 8 тыс. руб. составлял процент с капитала имени императора Николая II.

Оживление общественной жизни во время управления Ф. Ф. Треповым Вятской губернией отмечалось многими вятчанами. Осенью 1895 г. в общественном собрании г. Вятки были открыты народные чтения, собравшие в первые полгода существования более семи с половиной тысяч слушателей. Газета «Вятский край» писала, что чтения «ведутся регулярно по воскресным и праздничным дням и привлекают массу слушателей как из интеллигентского класса жителей, так и из простого люда, лишенного здесь абсолютно всяких разумных и полезных развлечений и проводившего до сих пор свои праздничные досуги главным образом по кабакам и трактирам» [2; 2 марта (№ 1), с. 2]. Вообще народные чтения с 1895 г. стали заметно распространяться по губернии, будучи сначала открыты по уездным городам, а потом и во многих селах. В феврале-марте 1896 г. общество вятских врачей с разрешения Федора Федоровича организовало ряд лекций по вопросам гигиены, также имевших большой успех среди вятского общества.

Интересно, что подобные чтения религиозно-воспитательного и исторического содержания, проводившиеся по воскресным и праздничным дням, были организованы в местной тюрьме и арестантско-исправительном отделении. 11 сентября 1895 г. губернский попечительный о тюрьмах комитет единогласно поддержал соответствующее предложение вятского губернатора, причем многие члены комитета сами пожелали вести чтения, ставшие впоследствии традиционными. В одном из последовавших заседаний комитета было решено снабжать всех выбывавших из мест заключения книгами Святого Евангелия.

В целом вятский период жизни Трепова был ознаменован открытием в губернском городе целого ряда учреждений: народной публичной земской библиотеки, дома трудолюбия, лечебницы Вятского уездного земства, санатория для слабогрудых детей в с. Филейском и др.

О Федоре Федоровиче современники вспоминали, что он ходил постоянно в военной форме при оружии и без галош, несмотря ни на какую погоду зимой и летом. «Нам, военным, галош не полагается», – говорил он. Трепов иногда прогуливался по отдаленным улицам губернского центра и посещал шинки (кабаки, питейные дома). Чтобы его не узнавали горожане, он переодевался и загримировывался. А однажды «в каком-то шинке поднял шум и, будучи не признан, был взят в полицию, где, раскрыв свою личность, благодарил полицию за правильность действий» [19, с. 15, 17].

Будучи вятским губернатором, Трепов не раз удостоивался благодарностям и поощрениям самого разного уровня: Николая II, императрицы Александры Федоровны, министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова, министра финансов С. Ю. Витте. 14 мая 1896 г. вятскому губернатору был пожалован орден Святого Станислава 1-й степени.

Ф. Ф. Трепов возглавлял Вятскую губернию чуть менее двух лет: 9 июля 1896 г. последовало назначение его волынским губернатором с оставлением по армейской кавалерии. По сообщению «Вятских губернских ведомостей», «проводы Вяткой Федора Федоровича и Елизаветы Сергеевны [Треповых] имели особый душевный характер». Вопреки обычаю не было ни прощальных обедов, ни балов, так как Треповы категорически отказались от них. В последние дни перед отъездом они совершили прощальные визиты и посетили находившиеся в их ведении благотворительные учреждения.

18 июля 1896 г. Вятская городская дума собралась на экстренное заседание с повесткой из одного вопроса: об отъезде Ф. Ф. Трепова из Вятки [7, с. 152–154]. Гласные думы, отметив многочисленные заслуги Федора Федоровича в деле развития губернского центра, единогласно постановили: «Поднести его превосходительству Федору Федоровичу Трепову звание почетного гражданина города Вятки и поручить городской управе возбудить в установленном порядке ходатайство по этому поводу».

23 июля исполняющий должность губернатора, вице-губернатор Н. Н. Новосельский послал соответствующее письмо министру внутренних дел, указав, что Ф. Ф. Трепов «изъявил

свое личное согласие на принятие звания почетного гражданина города Вятки» [22, ф. 582, оп. 42, д. 123, л. 2–2 об.]. Наконец, 22 августа того же года Николай II утвердил Трепова в новом звании. Бархатная книга почетных граждан г. Вятки обогатилась еще одним именем [13].

Имя Ф. Ф. Трепова носила городская начальная школа губернского центра [22, ф. 628, оп. 4, д. 478]. 26 апреля 1900 г. Вятская городская дума постановила «во вновь открытой школе поместить портрет генерал-майора Трепова <...> поручить г[осподину] городскому голове [ходатайствовать] о разрешении наименования школы <...> известить г[осподина] киевского губернатора генерал-майора Ф. Ф. Трепова» [8, с. 128]. Впоследствии Трепов периодически перечислял по 100 руб. в пользу школы своего имени.

В последовавшие после вятского губернаторства 20 лет службы Ф. Ф. Трепов вписал себя золотыми буквами в историю России. По окончании двухлетнего пребывания в Житомире (4 июня 1898 г. он стал почетным гражданином этого города), в 1898 г. назначается киевским губернатором, с 1903 г. – сенатором, а с ноября 1905 г. – членом Государственного Совета (в 1906–1908 и 1915–1916 гг. был присутствующим членом [24, с. 699; 23, с. 800]).

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. генерал-лейтенант Трепов стал главным начальником санитарной части действующей армии, за самоотверженную работу на передовой был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». С августа 1905 г. по июль 1906 г. Федор Федорович выполнял не менее сложную и ответственную работу: наблюдал на местах за правильностью эвакуации больных и раненых из действующей армии.

Центральная периодическая печать высоко оценивала деятельность Трепова в области санитарной части. Петербургская ежедневная газета «Новое время» осенью 1904 г. разместила на своих страницах обширную статью, посвященную Федору Федоровичу. Справедливо отметив, что его «имя достойно быть занесенным на скрижали истории русских войн», авторы материала трепетно описали самоотверженную работу генерала на передовой. Статья заканчивалась справедливым выводом: «Дышать пропитанным миазмами воздухом, вдыхать в себя испарения крови, пота, бестрепетно смотреть на зияющие раны, слышать стоны и крики – и все это не час, не два, не день даже, а месяцы подряд, без перерыва, без отдыха... Сильные надо иметь нервы, а вернее сказать особого склада сердце, полное любви к ближним, чтобы вынести все это, и немногим выпало в удел обладать таким» [14].

Возвратившись с фронта, Федор Федорович активно разрабатывал реформу военно-санитарного управления. Осенью 1905 г. он представил Николаю II специальную записку, на которой император написал сочувственную резолюцию и передал военному министру А. Ф. Редигеру для исполнения. Александр Федорович организовал особую комиссию по выработке положения о военно-санитарном управлении, которую и возглавил Трепов [9].

Во время работы этой комиссии между Треповым и Редигером, являвшимися, кстати, товарищами по Пажескому корпусу, возникли определенные противоречия. Оказалось, что записка Федора Федоровича была подана императору «за спиной» военного министра, и Редигер не во всем был с ней согласен. Александр Федорович вспоминал, что «в записке Трепова дельные мысли были переплетены с фантазиями», а сам Федор Федорович хотел на волне реформы получить открываемую по его мысли должность помощника (инспектора) военного министра по военно-санитарной части. Александр Федорович так характеризовал Трепова: «Это был человек неглупый, доброжелательный, но суетливый и путаник; человек ловкий, ухватившийся за модное тогда военно-санитарное дело и мечтавший создать себе этим путем видное положение в военном ведомстве» [15, с. 71]. Не беремся оценивать данный комментарий, но разгоравшийся конфликт был на лицо. Редигер сознательно тормозил проведение реформы, которая, в конечном счете, и сошла на нет.

Несмотря на неудачи с военным министерством, карьера нашего героя неуклонно шла в гору. Оставаясь сенатором, Трепов с декабря 1908 г. стал киевским, подольским и вольнским генерал-губернатором (начальником Юго-Западного края). Он дослужился до генерала от кавалерии (31 декабря 1908 г.) и в июне 1909 г. был пожалован в генерал-адъютанты.

Именно во время треповского генерал-губернаторства в Киеве произошли события, по мнению многих историков, круто изменившие российскую историю. В 1911 г. Россия торжественно отмечала 50-летие отмены крепостного права. В Киеве были запланированы грандиозные мероприятия, связанные с открытием памятника Александру II, в присутствии Николая II и высших российских сановников. В начале лета 1911 г. Федору Федоровичу стало известно, что на время пребывания государя в Овруче, Киеве, Чернигове, Севастополе, Белгороде и в Крыму, «а равно в прилегающих к ним местностях» его охрана поручалась

товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, командиру Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенанту П. Г. Курлову. Данное обстоятельство вызвало справедливое негодование генерал-губернатора, который впоследствии вспоминал: «Подобное сообщение министра внутренних дел не могло не вызвать у меня чувства острой боли, так как лишение меня, главного начальника края, высокой чести охранять Священную особу Его Императорского Величества во время пребывания в пределах вверенного моему управлению края могло быть объяснено лишь недоверием ко мне Государя Императора. Наличие же такового недоверия исключало, по моему мнению, возможность дальнейшего занятия мною поста генерал-губернатора, правомочия коего как представителя Царя в данной местности зиждутся на полном доверии к нему Государя» [20, с. 120].

П. А. Столыпину пришлось немало постараться, чтобы погасить разгоравшийся конфликт и не допустить информирования Николая II о разногласиях, возникших среди высших чиновников по вопросу охраны императора [12, с. 419–425]. В итоге Федор Федорович отказался от желания уйти в отставку и заявил П. Г. Курлову о готовности «оказывать ему всякое содействие в деле охраны в гг. Киеве и Овруче при первой же его в том просьбе» [20, с. 121].

П. Г. Курлов впоследствии вспоминал, что после некоторых притирок ему удалось найти общий язык с киевским генерал-губернатором и в общем наладить совместную работу [10, с. 160–162].

29 августа Николай II, сопровождаемый свитой и высшими сановниками империи, прибыл в Киев. Ф. Ф. Треповым были приняты беспрецедентные меры по обеспечению безопасности августейшей особы. Еще 23 августа 1911 г. киевский генерал-губернатор выпустил обязательное постановление, гласившее: «1) Владельцы усадеб и домов в г. Киеве (достроенных и недостроенных), расположенных по пути следования Его Императорского Величества, во время проезда, обязываются: а) все ворота зданий и заборов, им принадлежащих, держать запертыми; б) на крыши, чердаки, заборы, деревья и к слуховым окнам никого не допускать и при каждых воротах иметь привратника, который должен впускать и выпускать только известных ему лиц; 2) Хозяева квартир, расположенных в тех же местностях, обязываются во время проезда Его Величества допускать к окнам и на балконы квартир, ими занимаемых, только лиц, ими приглашенных и хорошо им известных» [20, с. 660–661].

На следующий день Федор Федорович подписал тут же разосланное по городу «Извещение жителям г. Киева», кроме всего прочего гласившее: «29 сего августа Государь Император с Государыней Императрицей и августейшей семьей осчастливят своим посещением г. Киев. <...> Местные власти своевременно объявят и примут все надлежащие меры, необходимые для обеспечения общественного порядка, свободы движения и проезда по улицам. Выбегать навстречу к царскому экипажу, бросать цветы и подавать прошения при проезде по улицам воспрещается. Находящим необходимость прибегнуть к царской милости будет открыт доступ для подачи всеподданнейших прошений в императорском дворце, где в особо отведенном помещении прошения будут приниматься дежурным флигель-адъютантом. Будучи уверен, что властям не придется прибегать к мерам строгости, применяемым лишь в случаях нарушения порядка, я обращаюсь к верноподданнической преданности всех благомыслящих киевлян и прибывших в г. Киев на сии высокаторжественные дни и прошу содействовать должностным лицам в поддержании необходимого порядка путем неуклонного следования требованиям, предъявляемым сими последними лицами. Только при таком отзывчивом отношении населения к мероприятиям властей могут быть вполне обеспечены достойная встреча Их Императорских Величеств и радостное проведение предстоящих торжественных дней» [20, с. 661].

Особое внимание уделялось охране П. А. Столыпина, на которого революционерами-террористами была объявлена настоящая охота. Федор Федорович старался максимально обезопасить Петра Аркадьевича: премьер-министр поселился в доме генерал-губернатора, до приезда императора Трепов лично на своих лошадях и автомобиле сопровождал Столыпина. В целом же, Ф. Ф. Трепов отмечал: «Организации охраны как Его Величества, так и статс-секретаря Столыпина для меня оставались тайной; что касается охраны покойного министра в генерал-губернаторском доме, то могу заявить, что в швейцарской, в коридорах, в саду и на улице возле дома днем и ночью находились агенты охранного отделения, установленные по распоряжению подполковника Кулябко» [20, с. 122].

Однако, как известно, 1 сентября на П. А. Столыпина было совершено покушение, в результате которого он скончался. Кстати, то обстоятельство, что за охрану Николая II и его сопровождающих отвечал П. Г. Курлов, спасло карьеру Ф. Ф. Трепова. Вскоре Павел Григорьевич

был снят со всех должностей (лишь в 1914 г. он занял пост особо уполномоченного по гражданскому управлению Прибалтикой).

Интересно, что бывший в то время московским губернатором В. Ф. Джунковский в своих воспоминаниях обвинял в случившейся катастрофе в том числе и... самого П. А. Столыпина, оправдывая тем самым Ф. Ф. Трепова: «Неправильное по существу и логике решение Столыпина (по передаче функций охраны П. Г. Кулову. – П. Ш.), закрепленное высочайшим повелением, устранявшее местные власти, не замедлило сказаться и на деле» [4, с. 599].

Федор Федорович же 6 сентября получил от императора рескрипт следующего содержания: «Федор Федорович! Оказанный Нам за дни Нашего пребывания в древнем стольном городе Киеве и в других посещенных Нами местностях Юго-Западного края радушный прием всех слоев населения глубоко тронул Меня и Государыню Императрицу. Наше светлое настроение омрачено злодейским покушением в Моем присутствии на верного слугу Моего, доблестного исполнителя своего долга, председателя советов министров, но доходящее до Нас со всех сторон выражение искреннего возмущения по поводу совершенного злодеяния убеждает Нас в том, что все благомыслящее население Киева, как и прочих, посещенных Нами местностей, преисполненное одного желания торжественно встретить Своего Монарха, испытывает вместе с Нами чувства скорбного негодования. В памяти нашей неизгладимо сохранится навсегда выраженная Нам любовь к Родине и Престолу населения Киева, представителей края, дворянства, земства и крестьянства. <...> Поручаю вам объявить всему населению Юго-Западного края и города Киева Мою и Государыни Императрицы искреннюю благодарность за оказанный нам горячий прием» [18].

Более того, в тот же день, 6 сентября 1911 г. Ф. Ф. Трепов был награжден одной из высших наград Российской империи – Императорским орденом Святого Благоверного князя Александра Невского. В письме, написанном по этому случаю, Николай II отмечал: «В монаршем внимании к отлично-ревностной службе вашей и усиленным трудам, понесенным по должности киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, всемилоостивейше пожаловали мы вам препровождаемые при сем знаки императорского ордена нашего Святого Благоверного Великого князя Александра Невского с бриллиантовыми украшениями, кои повелеваем вам возложить на себя и носить по установлению. Пребываем к вам императорской милостью нашею неизменно благосклонны» [17, д. 208, л. 23].

Николай II и в дальнейшем сохранил доброе отношение к Ф. Ф. Трепову. Так, в числе многочисленных наград Федора Федоровича значился и полученный им 22 марта 1913 г. «Наследственный нагрудный знак для лиц, приносивших их императорским величествам личные верноподданнические поздравления по случаю 300-летия дома Романовых в дни юбилейных торжеств 21–24 февраля 1913 г.». А после упразднения Юго-Западного края, произошедшего 30 сентября 1914 г., император постарался смягчить Федору Федоровичу горечь отставки. Через пару недель из Царского Села было отправлено письмо, где глава государства обозначил причины ликвидации края в достижении его целей и особо подчеркнул: «Отдавая должное вашей ревностной в течение шести лет деятельности по управлению Юго-Западным краем, я, в ознаменование совершенного моего благоволения, изъявляю вам за понесенные плодотворные труды мою искреннюю признательность». Характерно, что в подлиннике документа к традиционной формулировке «пребываю к вам неизменно благосклонный» рукой царя было дописано «и благодарный Николай» [17, д. 208, л. 33].

Вскоре Федор Федорович назначается помощником начальника санитарной части действующей армии принца А. П. Ольденбургского. В. Ф. Джунковский, который был в те годы товарищем министра внутренних дел и командующим Отдельным корпусом жандармов, вспоминал, что неоднократно встречал Ф. Ф. Трепова на фронтах Первой мировой войны [4, с. 437, 443]. С октября 1916 г. Трепов стал военным губернатором «областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны» (Галиции).

31 марта 1917 г. генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов уволился со службы по расстроеному здоровью с мундиром и пенсией [11, с. 434] (справедливости ради нужно отметить, что от возглавляемой им области фактически ничего не осталось). Несомненно, не последним мотивом принятия этого решения стали круто изменившиеся социально-политические условия в России. Еще 21 марта 1917 г. он был лишен звания генерал-адъютанта в связи с упразднением всех военно-придворных званий.

Впоследствии Федор Федорович жил в эмиграции во Франции. 27 марта 1938 г. скончался в г. Ницце, погребен на русском кладбище Кокад (участок № 816). Выражением уваже-

ния к покойному была организованная Союзом Конногвардейцев 2 апреля 1938 г. панихида в парижском кафедральном соборе Александра Невского [21].

Ф. Ф. Трепов являлся примером искреннего служения Отечеству. Пройдя через три войны, отличившись и на гражданской службе, Федор Федорович навсегда остался патриотом, несмотря на тяжелые годы эмиграции. Как справедливо отмечалось в некрологе, опубликованном в брюссельской газете «Часовой», «удивительная доступность, благожелательное отношение ко всем без различия располагали к нему тех, с кем ему приходилось сталкиваться, и создавали ему ту широкую популярность, которой он пользовался везде, где бы ему ни приходилось бывать» [3].

Список литературы

1. Вятские губернские ведомости. 1894.
2. Вятский край. 1895.
3. Генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов // Часовой : орган связи русского воинства и национального движения за рубежом. Брюссель, 1938. 15 мая № 212. С. 20.
4. Джунковский В. Ф. Воспоминания / под ред. А. Л. Паниной : в 2 т. Т. 1. М. : Изд-во имени Сабашниковых, 1997. 734 с.
5. Журналы Вятской городской думы за 1894 г. Вятка, 1895. 246 с.
6. Журналы Вятской городской думы за 1895 г. Вятка, 1896. 356 с.
7. Журналы Вятской городской думы за 1896 г. Вятка, 1897. 315 с.
8. Журналы Вятской городской думы за 1900 г. Вятка, 1901. 200 с.
9. Журналы заседания высочайше учрежденной особой комиссии по выработке положения о военно-санитарном управлении армии (февр. – май 1906 г.). № 1–7. Б. м. : Б. и., 1906. 6 с.
10. Курлов П. Г. Гибель императорской России : Воспоминания. М. : Захаров, 2002. 301 с.
11. Мурзанов Н. А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг. : материалы для биографий. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. 736 с.
12. П. А. Столыпин : переписка / под ред. И. И. Демидова, А. Р. Соколова, В. В. Шелохаева. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 703 с.
13. Почетные граждане города Вятки : Исторические портреты / М. С. Судовиков, П. Н. Шарабаров, А. М. Рафиков [и др.]. Киров : НКО «Золотой фонд Вятки», КОУНБ им. А. И. Герцена, 2015. 480 с.
14. Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1904. 12 окт. № 122. С. 2.
15. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра : в 2-х т. Т. 2. М. : Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. 528 с.
16. Речи губернаторов при открытии губернских земских собраний. Вятка, 1915.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 9.
18. Северное слово. 1911. 8 сент. № 119. С. 1.
19. Судовиков М. С. Губерния Вятская : исторические очерки : к 210-летию со времени образования Вятской губернии. Киров : Экспресс, 2006. 128 с.
20. Тайна убийства Столыпина / под ред. И. И. Демидова, С. В. Мироненко, В. В. Шелохаева. М. : Российская политическая энциклопедия, 2003. 736 с.
21. Федор Федорович Трепов // Возрождение. Париж, 1938. 1 апр. № 4125. С. 2.
22. Центральный государственный архив Кировской области.
23. Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906 : биографический справочник. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 992 с.
24. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат: 11-е стереотип. изд. М. : Рус. библиогр. инст. Гранат, [б. г.]. Т. 23. Канабель – Каутский. 739 с.

Adjutant-general Fyodor Fyodorovich Trepov: touches to the portrait of a statesman

P. N. Sharabarov

PhD of historical Sciences, associate professor, senior researcher at the Scientific-research
Center of regional studies, Kirov regional scientific library named after A. I. Herzen.
Russia, Kirov. E-mail: pnsh84@mail.ru

Abstract. The article discusses the main milestones of the public service of F. F. Trepov, Jr. (1854–1938). On the basis of archival and published sources, his activities as Governor of Vyatka and Governor-General of the South-Western region are considered. Trepov's contribution to the social and economic development of Vyatka province was noted. Presented materials allow us to highly evaluate his achievements in the field of urban im-

provement, railway construction, promotion of trade and public initiatives. The circumstances of assigning the title of honorary citizen of the city of Vyatka to the Governor are considered. For the first time, Trepov's attempts to reform the military-sanitary Department in the Military Ministry of the Russian Empire are highlighted, his activities as Governor-General of the South-Western region are characterized during the visit of Emperor Nicholas II to Kiev and the assassination of Prime Minister P. A. Stolypin, and the relationship between the adjutant-general and the Emperor is analyzed. Such traits of Trepov's personality as diligence, patriotism, integrity and honesty are noted. Fyodor Fyodorovich's personal tragedy was the revolutionary events of 1917.

Keywords: governor F. F. Trepov, Jr., civil service, Russian Empire, Vyatka province, South-Western region, P. A. Stolypin, Nicholas II.

References

1. *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka provincial gazette. 1894.
2. *Vyatskij kraj* – The Vyatka region. 1895.
3. *General-ad'yutant F. F. Trepov* – Adjutant-general F. F. Trepov // *Chasovoj: organ svyazi russkogo vojnstva i nacional'nogo dvizheniya za rubezhom* – Sentry: the body of communication of the Russian army and the national movement abroad. Brussels. 1938. May 15, No. 212. P. 20.
4. *Junkovsky V. F. Vospominaniya* [Memoirs] / edited by A. L. Panina: in 2 vols. M. Sabashnikov Publishing House. 1997. 734 p.
5. *Zhurnaly Vyatskoj gorodskoj dumy za 1894 g.* – Magazines of the Vyatka city Duma for 1894. Vyatka. 1895. 246 p.
6. *Zhurnaly Vyatskoj gorodskoj dumy za 1895 g.* – Magazines of the Vyatka city Duma for 1895. Vyatka. 1896. 356 p.
7. *Zhurnaly Vyatskoj gorodskoj dumy za 1896 g.* – Magazines of the Vyatka city Duma for 1896. Vyatka. 1897. 315 p.
8. *Zhurnaly Vyatskoj gorodskoj dumy za 1900 g.* – Magazines of the Vyatka city Duma for 1900. Vyatka. 1901. 200 p.
9. *Zhurnaly zasedaniya vysochajshe uchrezhdennoj osoboj komissii po vyrabotke polozheniya o voenno-sanitarnom upravlenii armii (fevr. – maj 1906 g.)* – Logs of the meeting of the highly established special commission for the development of regulations on the military sanitary administration of the army (Feb. – May 1906). No. 1-7. B. M. : without ill. 1906. 6 p.
10. *Kurlov P. G. Gibel' imperatorskoj Rossii : Vospominaniya* [Death of Imperial Russia : Memoirs]. M. Zakharov. 2002. 301 p.
11. *Murzanov N. A. Slovar' russkih senatorov. 1711–1917 gg. : materialy dlya biografij* [Dictionary of Russian senators. 1711–1917 : materials for biographies]. SPb. Dmitry Bulanin. 2011. 736 p.
12. *P. A. Stolypin: perepiska* – P. A. Stolypin: correspondence / ed. by I. I. Demidov, A. R. Sokolov, V. V. Shelohaev. M. Russian political encyclopedia. 2004. 703 p.
13. *Pochetnye grazhdane goroda Vyatki: Istoricheskie portrety* – Honorary citizens of the city of Vyatka: Historical portraits / M. S. Sudovikov, P. N. Sharabarov, A. M. Rafikov [et al]. Kirov. Non-commercial organisation "Golden Fund of Vyatka", Kirov Regional Scientific library n. a. A. I. Herzen. 2015. 480 p.
14. *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* – Appendix to the Vyatka provincial gazette. 1904. 12 Oct. No. 122. P. 2.
15. *Rediger A. F. Istorija moej zhizni. Vospominaniya voennogo ministra : v 2-h t. T. 2* [History of my life. Memoirs of the Minister of war : in 2 vols. Vol. 2]. M. Kanon-press-TS ; Kuchkovo pole. 1999. 528 p.
16. *Rechi gubernatorov pri otkrytii gubernskih zemskih sobranij* – Speeches of governors at the opening of provincial zemstvo assemblies. Vyatka. 1915.
17. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* – Russian state historical archive. F. 1409. Inv. 9.
18. *Severnoe slovo* – The north word. 1911. 8 Sept. No. 119. P. 1.
19. *Sudovikov M. S. Guberniya Vyatskaya: istoricheskie ocherki: k 210-letiyu so vremeni obrazovaniya Vyatskoj gubernii* [Province of Vyatka: historical sketches: the 210th anniversary since the formation of the Vyatka province]. Kirov. Express. 2006. 128 p.
20. *Tajna ubijstva Stolypina* – The mystery of Stolypin's murder / ed. by I. I. Demidov, S. V. Mironenko, V. V. Shelokhaev. M. Russian political encyclopedia. 2003. 736 p.
21. *Fedor Fedorovich Trepov* – Fedor Fedorovich Trepov // *Vozrozhdenie* – Renaissance. Paris. 1938. 1 Apr. No. 4125. P. 2.
22. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* – Central state archive of the Kirov region.
23. *Shilov D. N., Kuz'min Yu. A. Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii. 1801–1906 : biograficheskij spravochnik* [Members of the State Council of the Russian Empire. 1801–1906 : biographical dictionary]. SPb. Dmitry Bulanin. 2006. 992 p.
24. *Enciklopedicheskij slovar' Russkogo bibliograficheskogo instituta Granat : 11-e stereotip. izd.* – Encyclopedic dictionary of the Russian bibliographic Institute Granat : 11th stereotype ed. M. Rus. bibliography. inst. Granat. [b. g.]. Vol. 23. Canabal – Kautsky. 739 p.

Культурная жизнь Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны на страницах республиканской печати

М. К. Осмаев

кандидат экономических наук, доцент кафедры журналистики, Чеченский государственный университет.
Россия, г. Грозный. E-mail: osmaev.movla@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена малоисследованному вопросу освещения культурной жизни Чечено-Ингушской АССР периода Великой Отечественной войны на страницах республиканской периодической печати. Внимание к этой проблеме вызвано тем, что духовное состояние многонационального населения республики являлось важным фактором устойчивости тыла воюющей страны. Анализ содержания публикаций о культурной жизни ЧИАССР на страницах республиканских и районных газет, в том числе и на чеченском языке, позволяет прийти к выводу о достаточно насыщенной культурной жизни республики, в которой заметную роль играл национальный (чечено-ингушский) компонент. Кроме того, удалось показать, что патриотический подъем, охвативший абсолютное большинство жителей Чечено-Ингушетии, весь период Великой Отечественной войны определял содержание и направленность культурной жизни ее многонационального населения, что также достаточно хорошо прослеживается на материалах периодической печати. Наконец, газетный материал позволяет проследить изменения в политико-воспитательной и культурно-образовательной деятельности партийно-государственных органов, поставивших в центр всей культурной жизни военно-патриотическую тематику, одновременно ставшей основой для духовного сплочения многонационального населения республики и мобилизации всех сил на отпор врагу.

Также выявлена большая интенсивность культурной жизни городского населения по сравнению с жителями сельских районов, особенно горных. Еще одним результатом интенсивной культурной жизни Чечено-Ингушетии стало рождение жанра военной лирики в чеченской и ингушской литературе, ранее в ней практически неизвестного.

Ключевые слова: Чечено-Ингушская АССР, Великая Отечественная война, культурная жизнь, культура, искусство, республиканская печать, районная печать, газеты, национальный компонент, депортация.

Одним из важных факторов, обеспечивших победу в Великой Отечественной войне, стало духовно-культурное состояние многонационального советского общества, сумевшего сплотиться перед лицом внешней угрозы. Несмотря на тяготы военного времени, культурная жизнь страны хотя и претерпела значительные изменения, но в целом оставалась достаточно интенсивной. Материалы республиканской печати за исследуемый период являются убедительным свидетельством интенсивности культурной жизни Чечено-Ингушской АССР, в которой важную роль играл национальный (чечено-ингушский) компонент.

Патриотический подъем, охвативший абсолютное большинство жителей Чечено-Ингушетии, все годы Великой Отечественной войны определял содержание и направленность культурной жизни ее многонационального населения, что достаточно хорошо прослеживается на материалах периодической печати.

Соответственно, в основу методологии исследования лег анализ фактического материала о культурной жизни ЧИАССР на страницах республиканских и районных газет.

Культурная жизнь в нормальных условиях получает вполне адекватное отражение в различных сторонах жизни общества, в том числе и в средствах массовой информации, какими в рассматриваемый период являлись, прежде всего, периодические печатные издания. В Чечено-Ингушетии военных лет издавались три республиканские газеты: «Грозненский рабочий» на русском языке, «Ленинан некъ» («Ленинский путь») на чеченском и «Сердало» («Свет») на ингушском языке, 13 районных и две фабрично-заводские газеты [1, с. 102].

Вместе с тем требования и обстоятельства военного времени, безусловно, отразились на содержании периодической печати Чечено-Ингушетии. При этом следует принять во внимание два немаловажных обстоятельства.

Во-первых, в газетах явления культурной жизни весь период Великой Отечественной войны освещались исключительно в плане их влияния на сплоченность многонационального населения Чечено-Ингушетии как важнейшего компонента устойчивости тыла.

Во-вторых, на газетных страницах обязательными стали публикации различных нормативных актов государственных органов власти, сводок Советского информационного бюро (Совинформбюро) и других материалов, освещающих ход военных действий на всех театрах Второй мировой войны. Что касается публикаций, посвященных жизни самой республики, то они носили ярко выраженный пропагандистско-агитационный характер. В наибольшей степени это характерно для первого и самого трудного этапа войны, продлившегося вплоть до середины 1943 года.

В довершение всего финансовые и материальные затруднения стали причиной того, что республиканские газеты значительную часть времени выходили только на двух страницах вместо обычных четырех. Что касается районных газет, то они имели еще и меньший формат. Принимая во внимание обязательность публикации государственных актов, выступлений руководителей государства и военных сводок, в отдельных номерах просто не оставалось места для освещения жизни республики или района.

Несмотря на эти обстоятельства, культурная жизнь Чечено-Ингушской АССР получила достаточно широкое отражение на страницах республиканской печати. На материалах периодической печати также хорошо просматриваются изменения в политико-воспитательной и культурно-образовательной деятельности партийно-государственных органов – центральное место в культурной жизни республики занимает военно-патриотическая тематика, ставшая основой для духовного сплочения многонационального населения республики и мобилизации всех сил на отпор врагу.

С началом войны республиканские и районные газеты систематически публикуют стихотворения на военно-патриотическую тематику республиканских поэтов, довольно разнообразных по содержанию. Авторами большинства из них являлись члены республиканского союза писателей. Среди опубликованных стихи Магомеда Гадаева «Идем на запад» [13, с. 1], «Песня о Чечено-Ингушской дивизии» [15, с. 2], «Всадники» [12, с. 2], «Мы дадим заем» [14, с. 1]; Арби Мамакаева «Родная земля» [35, с. 2]; Зайнди Муталибова «Встанем, джигиты, страну защищать» [41, с. 2], «Медсестре, идущей на войну» [42, с. 2]; Нурдина Музаева «Песня всадников» [38, с. 2], «Речь всадника» [39, с. 2].

В газетах, издававшихся на чеченском языке, стихи ингушских авторов печатались на языке оригинала, вполне доступном для чеченского читателя [43, с. 4; 69, с. 2].

Публиковались также стихи малоизвестных авторов [7, с. 4; 62, с. 2] и периодически издавались переводы с русского языка [23, с. 2].

В целом газетный материал позволяет проследить рождение жанра военной лирики в чеченской и ингушской литературе, ранее в ней практически неизвестный.

Большое внимание республиканская печать уделяла работе культурно-просветительных учреждений, которые в годы войны являлись важным звеном в проводимой государством агитационно-пропагандистской деятельности. При этом большинство публикаций носит критический характер и указывает на недостатки в работе изб-читален, библиотек и клубных учреждений. Наибольшее внимание указанной тематике уделяли районные газеты [2, с. 2; 17, с. 2; 53, с. 2; 68, с. 2].

Хотя установки республиканского обкома ВКП(б) в области организации идеологической и агитационно-пропагандистской работы одинаково распространялись на все районные партийные организации, следует отметить, что редакции разных районов уделяли неодинаковое внимание деятельности культурно-просветительных учреждений. Наиболее часто к проблемам учреждений культуры обращалась Веденская районная газета «Колхозное знамя». Так, в небольшой заметке 18 октября 1941 года сообщается, что районная библиотека успешно перестроила свою работу на военную тематику: оформлены соответствующие книжные выставки и книжные витрины; читателям в достаточном ассортименте предоставляются газетные и журнальные материалы, брошюры, книги. На книжных выставках широко представлены работы партийно-советских руководителей и «пролетарских» писателей: М. Горького, В. Маяковского и др. Подчеркивается, что зав. библиотекой Возняк является и хорошим агитатором [54, с. 2].

Критические замечания в адрес культурно-просветительных учреждений чаще всего связаны именно с плохой организацией агитационно-пропагандистской деятельности. На-

пример, в одной из заметок сообщается, что районные клубы и избы-читальни не уделяют этой работе должного внимания. В частности, наряду с драматическими, песенными и танцевальными кружками не созданы кружки по изучению военного дела, противохимической защиты и др., а вся работа районного клуба сводится к показу кинофильмов [11, с. 2].

Критические публикации о плохой работе Веденского районного клуба регулярно появлялись и в последующие годы. Например, в марте 1943 года районная газета вновь указывала на отсутствие кружковой и политико-просветительской работы [67, с. 2]. А в конце того же года газета сообщила об отсутствии порядка во время демонстрации кинофильмов и мелком мошенничестве с билетами на киносеансы [10, с. 2].

В целом из газетных публикаций вытекает, что деятельность культурно-просветительных учреждений держится на отдельных энтузиастах, таких как С. Висайханов, заведующий избой-читальней с. Эшилхотой, который за свой счет оформил подписку на газеты и журналы, ведет кружки по военной подготовке, политическому положению, закупает необходимую литературу, изготовил и украсил помещение портретами партийно-советских руководителей и сельчан-фронтовиков. При этом с июля 1942 года изба-читальня не финансируется [28, с. 2].

Не лучше обстоят дела и в большинстве равнинных районов. Так, Урус-Мартановская газета за годы войны опубликовала немало критических статей о недостатках в работе политико-просветительных учреждений района [40, с. 2; 21, с. 1; 56, с. 2].

Довольно часто критика носит персональный характер. Например, в адрес заведующей библиотекой парткабинета Урус-Мартановского райкома ВКП(б) [64, с. 2] или заведующей районной избой-читальней [24, с. 1].

Многочисленные нарекания вызывает работа районного клуба и кинотеатра, помещение которого требует серьезного ремонта, а имеющаяся киноаппаратура часто выходит из строя прямо во время сеансов [66, с. 2; 63, с. 2; 36, с. 2].

При этом помещение районного клуба используется для выступлений лекторов, направляемых из Грозного [55, с. 1; 34, с. 2].

Одновременно районная газета приводит примеры и правильно организованной деятельности культурно-просветительных учреждений [6, с. 2; 22, с. 2; 27, с. 1].

Некоторые публикации районных газет неожиданно проливают свет на работу отдельных лиц, ставших впоследствии известными в республике людьми. Например, в марте 1943 года Шатойская районная газета сообщила о молодежном кружке в с. Помятой, одним из руководителей которого был сельский учитель Крикунов [32, с. 2], в будущем профессор Чечено-Ингушского государственного университета.

Деятельность сельских учреждений культуры во время войны оставалась в поле зрения и республиканской газеты «Ленинан некъ» [4, с. 2; 3, с. 2; 37, с. 2; 49, с. 2; 5, с. 2; 26, с. 2 и др.].

На страницах республиканской печати отражена работа кружков художественной самодеятельности, многие из которых не закрывались, даже когда фронт достиг территории Чечено-Ингушетии в районе Малгобека. К концу 1942 года действовало 177 кружков художественной самодеятельности самой разной направленности (2864 участника), из которых 75 кружков и 1383 участника – в сельской местности. За год кружки художественной самодеятельности дали 5309 концертов, которые посетили 1 888 310 чел. [33, с. 37–38].

Летом 1943 года состоялся Всесоюзный смотр профсоюзной самодеятельности, объявленный Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС), к участию в котором велась подготовка во многих районах республики. В частности, в Гудермесском районе в центре всей подготовки находился клуб Железнодорожников, а районный смотр должен был пройти с 1 по 15 сентября [59, с. 2].

В феврале 1944 года было объявлено о проведении районных смотров художественной самодеятельности, которые должны были продлиться до 8 марта [25, с. 2].

В то же время республиканская печать, если и не освещала подробно, то хотя бы отмечала все заслуживающие внимания события в культурной жизни Чечено-Ингушетии. Например, летом 1943 года сообщалось об открытии в Грозном музыкальной школы и балетной студии. Тогда же началось создание драматической студии при Чечено-Ингушском национальном театре [58, с. 2].

В совокупности газетные публикации дают достаточно полное представление о деятельности культурно-просветительных учреждений и проблемах, с которыми они сталкивались.

Заметным событием стало республиканское совещание композиторов, прошедшее 17 января 1944 года, в работе которого приняли участие профессор М. Гольдштейн, заслуженные деятели искусств ЧИАССР А. М. Халебский и А. И. Александров, директор музыкального училища В. М. Граб и др. Тогда же при республиканском Союзе композиторов были созданы три секции: творческая (А. И. Александров), оборонная (Л. М. Соковнин), исполнительская (В. М. Граб). Также было объявлено о планах написания музыки к патриотическим стихам чечено-ингушских авторов и шефстве над художественной самодеятельностью [9, с. 2].

Достаточно много места уделялось театральной деятельности. Так, в августе 1941 года на базе Русского драматического театра им. М. Ю. Лермонтова создается эстрадный Театр народной героики и политической сатиры. Уже в сентябре театр должен был представить вторую программу, в которую вошли пьесы, скетчи, инсценировка рассказа М. Зощенко «Чучело», клоунада и песенные номера. С этой программой театр выезжал на гастроли в Гудермес и ст. Орджоникидзевскую [44, с. 4].

Так как в 1942 году русский театр был эвакуирован, в центре внимания республиканской печати оказался Чечено-Ингушский драматический театр, открывший зимний сезон 1941/42 гг. большим концертом-спектаклем по произведениям советских драматургов и композиторов, посвященным Великой Отечественной войне. В репертуар, наряду с пьесами советских драматургов, вошли произведения национальных авторов: «Тамара» И. Базоркина, «Сурхо – сын Ады» Г. Батукаева и М. Гадаева [48, с. 4].

Помимо крупных драматических произведений программа театра включала небольшие постановки и драматические этюды, перемежавшиеся концертными номерами. Так, один из театральных вечеров в конце 1941 года включал одноактную пьесу А. Мамакаева «Гнев», драматический этюд «Шахматная партия» Персонова и Добржинского, а также концертную программу [50, с. 2].

В самый канун 1942 года Чечено-Ингушский театр представил зрителям спектакль «Бэла» в постановке Н. Н. Агабековой по повести М. Ю. Лермонтова [51, с. 2].

На протяжении 1942–1943 гг. национальный театр подготовил немало новых постановок, большинство из которых получили положительную оценку со стороны театральных критиков [29, с. 2; 31, с. 2; 30, с. 2; 70, с. 4].

Национальный театр постоянно гастролировал по районам республики, что находило отражение в местной печати. Например, 31 августа 1942 года начались гастроли в Урус-Мартановском районе. Сельским зрителям были представлены постановки: «Адин Сурхо», «Храбрый Кикила», «Сигнал», «Случай на границе» и др., а также танцы и народные песни. В гастрольях участвовали заслуженные артисты республики Яраги Зубайраев, Мовждин Бадиеви др. [45, с. 2].

Летом следующего, 1943 года, Чечено-Ингушский театр создал две концертные бригады для гастролей по районам республики. Одна должна была выступить в Гудермесском, Курчалойском, Ножай-Юртовском, Саясановском, Веденском, Шалинском, Атагинском и Урус-Мартановском районах; другая – в Надтеречном, Ачалукском, Пригородном, Назрановском и Ачхой-Мартановском районах, а также в городе Малгобек и селении Пседах. Программы обеих бригад включали танцы, песни, разнообразные скетчи [52, с. 2].

Об успешных выступлениях артистов перед сельскими зрителями сообщали и районные газеты [60, с. 2].

В целом за первые два с половиной года войны театральные бригады дали более 900 спектаклей и концертов [16, с. 31].

Анализ печатных материалов военных лет не оставляет сомнений в подлинном расцвете театрального искусства в Чечено-Ингушской АССР, а росту его популярности, в том числе и у национального зрителя, способствовала практика постоянных гастролей по сельской местности.

Особую насыщенность культурной жизни Чечено-Ингушетии военной поры придавали гастроли различных творческих коллективов и знаменитых артистов. Так, в январе 1942 года в Грозном начались вечера московской эстрады «Юмор. Сатира. Смех» [8, с. 2]. Ровно через год, в январе 1943 года, по республике гастролировал Азербайджанский театр русской драмы [61, с. 4], одно из выступлений которого состоялось в г. Малгобеке [20, с. 4]. Весной успешно прошли гастроли Бакинского театра музыкальной комедии [47, с. 3]. Тогда же в республике побывали с концертами Заслуженная артистка РСФСР Орлова [19, с. 4] и солисты Государственного Академического Большого театра СССР М. Т. Семенова и В. Чабукиани [18, с. 4]. В

конце 1943 года в Грозном выступал Киевский Академический Русский театр, артисты которого 31 декабря провели бал-маскарад и весь сбор передали в фонд помощи семьям фронтовиков [46, с. 4].

В конце 1943 года готовился дать свои первые концерты восстановленный Чечено-Ингушский ансамбль песни и пляски [65, с. 4].

Не прошли мимо внимания республиканской печати и начавшиеся работы по реставрации картин из республиканского музея изобразительных искусств, в ходе которых намечалось восстановить до 200 художественных произведений [57, с. 4].

23 февраля 1944 года началась депортация чеченцев и ингушей с последующей ликвидацией Чечено-Ингушской АССР. Значительная часть ее территории передана в состав Дагестана, Грузии и Северной Осетии, а также создана Грозненская область, в состав которой вошло несколько районов Ставропольского края.

Таким образом, материалы периодической печати позволяют воссоздать хотя и не завершенную, но достаточно цельную и яркую картину культурной жизни Чечено-Ингушской АССР периода Великой Отечественной войны. Эта картина складывается из двух культурных компонентов: советского государственного и национального (чечено-ингушского), составляющих единое целое в рамках советского культурного феномена.

Следует также отметить заметную разницу в интенсивности культурной жизни городского и сельского населения – в городах она закономерно предстает более насыщенной.

В целом культурная жизнь Чечено-Ингушетии обогатилась новыми именами (Арби Мамакаев, Яраги Зубайраев, Ваха Татаев и др.) и произведениями военно-патриотической направленности.

Список литературы

1. *Абазатов М. А.* Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973.
2. *Арсанов Дж.* Изба-читальни болх тобина = Работа избы-читальни налажена // Колхозанбайракх = Колхозное знамя. 1941. 31 авг. № 66. С. 2. На чеч. яз.
3. *Атабаев М.* Библиотекехь болх дика дIахIоттийна = В библиотеке работа хорошо поставлена // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1942. 28 марта. № 74. С. 2. На чеч. яз.
4. *Атабаев М.* Культурни-серлонан болх тоба беа = Необходимо улучшить культурно-просветительную работу // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1942. 3 марта. № 52. С. 2. На чеч. яз.
5. *Ахметов М.* Алссам тIадам тIебахийта школийн а, изба-читальнийн а балхана = Особое внимание обратить на работу школ и изб-читален // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1943. 24 февр. № 45. С. 2. На чеч. яз.
6. *Байсултанов.* Юьртахь изба-читальни = Сельская изба-читальня // Колхозхо = Колхозник. 1943. 24 янв. № 7. С. 2. На чеч. яз.
7. *Бакраев З.* Нене = Матери // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 20 авг. № 196. С. 4. На чеч. яз.
8. Большой вечер московской эстрады // Грозненский рабочий. 1942. 6 янв. № 4. С. 2.
9. *Вахаев Р.* Композиторийн совещани = Совещание композиторов // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1944. 22 янв. № 16. С. 2. На чеч. яз.
10. *Веденски.* Ведана клубан болх тоба беа = Нужно улучшить работу клуба в Ведено // Колхозан байракх = Колхозное знамя. 1943. 29 дек. № 55. С. 2. На чеч. яз.
11. *Веденский Б.* Районни клубан белхан хьокъехь = О работе районного клуба // Колхозан байракх = Колхозное знамя. 1941. 28 окт. № 82. С. 2. На чеч. яз.
12. *Гадаев М.* Дошлой = Всадники // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1942. 27 февр. № 49. С. 2. На чеч. яз.
13. *Гадаев М.* ДуьйIалало малхбузе = Пойдем на запад // Сталински некъ = Сталинский путь. 1941. 15 июля. № 54. С. 1. На чеч. яз.
14. *Гадаев М.* Лур вай заем = Дадим заем // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1942. 21 апр. № 94. С. 1. На чеч. яз.
15. *Гадаев М.* Нохч-ГIалгIайн дивизин илли = Песня Чечено-Ингушской дивизии // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1942. 24 февр. № 47. С. 2. На чеч. яз.
16. *Гапаев А. С.* Чеченский драматический театр. Нальчик :Тетраграф, 2015.
17. *Гиреев А.* Юьртахь политико-серлонан болхтобарехьа = Об улучшении политико-просветительной работы на селе // Колхозанбайракх = Колхозное знамя. 1941. 16 дек. № 94. С. 2. На чеч. яз.
18. *Грин М.* Вечера мастеров советского балета // Грозненский рабочий. 1943. 28 мая. № 111. С. 4.
19. *Грин М.* Лауреат Сталинской премии Любовь Орлова в Грозном // Грозненский рабочий. 1943. 19 мая. № 105. С. 4.
20. *Грин М.* Первый концерт в освобожденном городе. Бригада из бакинского театра в Малгобеке // Грозненский рабочий. 1943. 20 янв. № 16 (6331). С. 4.

21. ГойтIахь изба-читальни оьшу = В Гойтах необходима изба-читальня // Колхозхо = Колхозник. 1942. 7 апр. № 26. С. 1. На чеч. яз.
22. Данилханов. Дика болх беш йолу изба-читальни = Хорошо работающая изба-читальня // Колхозхо = Колхозник. 1943. 1 июля. № 35. С. 2. На чеч. яз.
23. Долматовский Е. Нурадиловх лаьцна илли = Песня о Нурадилове // Колхозан байрахх = Колхозное знамя. 1943. 1 янв. № 1. С. 2. На чеч. яз.
24. Дудаев. Культурни уголокийн болх тIеман экъан тIе баккха = Работу культурных уголков направить на военную плоскость // Колхозхо = Колхозник. 1942. 11 апр. № 27. С. 1. На чеч. яз.
25. Ермолаев Л. Нохч-ГIалгIайчохьнан районошкxахь художественни самодеятельности хьажар = Смотр художественной самодеятельности в районах Чечено-Ингушетии // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1944. 20 февр. № 36. С. 2. На чеч. яз.
26. Изба-читальнеша болх ца бо = Избы-читальни не работают // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1943. 26 июня. № 132. С. 2. На чеч. яз.
27. Изба-читальниш дIаеллар = Открытие изб-читален // Колхозхо = Колхозник. 1944. 13 янв. № 2. С. 1. На чеч. яз.
28. И. Х. Эшилхотерачу изба-читальнешь = Об избе-читальне в Эшилхотое // Колхозан байрахх = Колхозное знамя. 1943. 18 нояб. № 51. С. 2. На чеч. яз.
29. Кречетова Е. Ади Сурхо // Грозненский рабочий. 1942. 15 марта. № 70. С. 2.
30. Кречетова Е. Накануне // Грозненский рабочий. 1942. 28 мая. С. 2.
31. Кречетова Е. Тамара // Грозненский рабочий. 1942. 25 апр. № 110. С. 2.
32. Кружко шен болх дIаболийна = Кружок начал свою работу // Сталински некъ = Сталинский путь. 1943. 21 марта. № 10. С. 2. На чеч. яз.
33. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941 – 1980 гг.) : сб. документов и материалов. Грозный, 1985.
34. Лекцехь = На лекции // Колхозхо = Колхозник. 1942. 17 окт. № 80. С. 2. На чеч. яз.
35. Мамакаев Iарби. Хьоме латта = Родная земля // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 26 авг. № 201. С. 2. На чеч. яз.
36. Маца хир ю Хьалха-Мартан тIехь культурни садоийла = Когда в Урус-Мартане появится культурный отдых / Жуков А. [и др.] // Колхозхо = Колхозник. 1943. 7 окт. № 49. С. 2. На чеч. яз.
37. Межидов. Буьззина дIахIоттабо изба-читальнийн болх = Полностью поставить работу изб-читален // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1942. 9 апр. № 84. С. 2. На чеч. яз.
38. Музаев Н. Дошлойн илли = Песня всадников // Сталински некъ = Сталинский путь. 1942. 21 февр. № 15. С. 2. На чеч. яз.
39. Музаев Н. Дошлочун къамел = Речь всадника // Сталински некъ = Сталинский путь. 1942. 6 янв. № 2. С. 2. На чеч. яз.
40. Мусаев. Изба-читальнешь культурни болх бац = В избе-читальне нет культурной работы // Колхозхо = Колхозник. 1942. 4 апр. № 25. С. 2. На чеч. яз.
41. Муталибов З. ГIовттур вай, мохкларба, кIентий = Встанем, джигиты, на защиту страны // Колхозан байрахх = Колхозное знамя. 1941. 16 авг. № 62. С. 2. На чеч. яз.
42. Муталибов З. ТIаме йоьдучу медйишига = Идущей на войну медсестре // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 21 окт. № 249. С. 2. На чеч. яз.
43. Муталиев Хь.-Б. ТIема илли = Военная песня // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 24 июля. № 173. С. 4. На чеч. яз.
44. Новая программа театра героики и сатиры // Грозненский рабочий. 1941. 4 сент. № 209. С. 4.
45. Нохч-ГIалгIайн театр Хьалха-Мартан тIехь = Чечено-Ингушский театр в Урус-Мартане // Колхозхо = Колхозник. 1942. 2 сент. № 68. С. 2. На чеч. яз.
46. Ночной бал-маскарад // Грозненский рабочий. 1943. 31 дек. № 264. С. 4.
47. Окончание гастролей бакинской музкомедии // Грозненский рабочий. 1943. 25 мая. № 109. С. 3.
48. Открытие сезона Чечено-Ингушского театра (Беседа с директором театра тов. Татаевым) // Грозненский рабочий. 1941. 5 дек. № 288 (5973). С. 4.
49. Ошаев М. Шуьйра яржае политико-серлонан учрежденийн сеть = Расширять сеть политико-просветительных учреждений // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1943. 9 янв. № 7. С. 2. На чеч. яз.
50. Пачхьалкхан Нохч-ГIалгIай драмтеатр = Государственный Чечено-Ингушский драмтеатр // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 21 дек. № 302. С. 2. На чеч. яз.
51. Пачхьалкхан Нохч-ГIалгIайн драмтеатр = Чечено-Ингушский государственный драмтеатр // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 25 дек. № 306. С. 2. На чеч. яз.
52. Районошна концерташ = Концерты в районах // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1943. 6 июля. № 139. С. 2. На чеч. яз.
53. Районерачу яртийн изба-читальнишкахь = Сельские избы-читальни района // Колхозхо = Колхозник. 1943. 24 март. № 21. С. 2. На чеч. яз.
54. Районни библиотекехь = В районной библиотеке // Колхозан байрахх = Колхозное знамя. 1941. 18 окт. № 79. С. 2. На чеч. яз.
55. Районни клубехь = В районном клубе // Колхозхо = Колхозник. 1942. 14 апр. № 28. С. 1. На чеч. яз.

56. Районехъ изба-читальниш яц = В районе нет изб-читален // Колхозхо = Колхозник. 1942. 16 дек. № 97. С. 2. На чеч. яз.
57. Реставрация картин в музее // Грозненский рабочий. 1944. 7 янв. № 5. С. 4.
58. Сапрыкин. Художественни самодеятельность – Иаламат боккха культурни ницкъ = Художественная самодеятельность – огромная культурная сила // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1943. 2 июля. № 136. С. 2. На чеч. яз.
59. Смотри художественной самодеятельности // Красное знамя. 1943. 12 авг. № 36. С. 2.
60. Успанов А. Нохч-Галггайн драмтеатран концерташ = Концерты Чечено-Ингушского драмтеатра // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1943. 13 окт. № 210. С. 2. На чеч. яз.
61. Фридман Я. Гастроли Азербайджанского театра русской драмы в Грозном // Грозненский рабочий. 1943. 14 янв. № 11. С. 4.
62. Халаев Ш. Фашизм йохор ю = Фашизм будет разбит // Сталински некъ = Сталинский путь. 1941. 22 июля. № 56. С. 2. На чеч. яз.
63. Халидов. Кино-театр // Колхозхо = Колхозник. 1943. 31 янв. № 9. С. 2. На чеч. яз.
64. Хузаев Б. «Шуна книжка... цаоьшу?» = «Вам книжка... не нужна?» // Колхозхо = Колхозник. 1944. 17 февр. № 7. С. 2. На чеч. яз.
65. Чечено-Ингушский ансамбль песни и пляски // Грозненский рабочий. 1943. 25 дек. № 260. С. 4.
66. Чираев А. Кино-театр // Колхозхо = Колхозник. 1942. 7 апр. № 26. С. 2. На чеч. яз.
67. Шахгириев А. Кхинцкъа-а клубан белхан хьокъехь = Еще раз о клубной работе // Колхозан байракх = Колхозное знамя. 1943. 7 марта. № 15. С. 2. На чеч. яз.
68. Э. А. Изба-читальнехъ болх дика бо = Изба-читальня хорошо работает // Сталински некъ = Сталинский путь. 1941. 11 окт. № 77. С. 2. На чеч. яз.
69. Яндиев Дж. Мазаевх дола илли = Песня о Мазаеве // Ленинан некъ = Ленинский путь. 1941. 3 авг. № 182. С. 2. На чеч. яз.
70. Яндиев Д., Базоркин И. Слуга двух господ // Грозненский рабочий. 1943. 28 мая. № 111. С. 4.

Cultural life of the Chechen-Ingush ASSR during the Great Patriotic War on the pages of the Republican press

M. K. Osmaev

PhD of Economic Sciences, associate professor of the Department of journalism, Chechen State University.
Russia, Grozny. E-mail: osmaev.movla@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the little-studied issue of coverage of the cultural life of the Chechen-Ingush ASSR during the Great Patriotic War on the pages of the Republican periodical press. Attention to this problem is caused by the fact that the spiritual state of the multi-ethnic population of the Republic was an important factor in the stability of the rear of the warring country. The analysis of the content of publications about the cultural life of ChIASSR on the pages of Republican and regional newspapers, including in the Chechen language, allows us to conclude that the cultural life of the Republic is quite rich, in which the national (Chechen-Ingush) component played a significant role. In addition, managed to show that patriotic enthusiasm that swept the vast majority of inhabitants of the Chechen-Ingush Republic, the entire period of the Great Patriotic War determined the content and focus of the cultural life of its multiethnic population, which is also quite clearly seen in the periodical press. Finally, the newspaper material allows us to trace changes in the political, educational, and cultural activities of the party and state bodies that put military and patriotic themes at the center of all cultural life, while simultaneously becoming the basis for spiritual unity of the multi-ethnic population of the Republic and mobilizing all forces to repel the enemy.

Also a greater intensity of cultural life of the urban population in comparison with the inhabitants of rural areas, especially mountain areas is revealed. Another result of the intensive cultural life of Chechen-Ingushetia was the birth of the genre of military lyrics in Chechen and Ingush literature, previously almost unknown in it.

Keywords: Chechen-Ingush ASSR, Great Patriotic war, cultural life, culture, art, republican press, district press, newspapers, national component, deportation.

References

1. Abazatov M. A. *Checheno-Ingushskaya ASSR v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuz* [Chechen-Ingush ASSR during the great Patriotic war of the Soviet Union]. Grozny. Chech.-Ing. book. 1973.
2. Arsanov Dzh. *Rabota izby-chital'ni nalazhena* [The work of the reading room is established] // *Kolhoznoe znamya* – Collective farm banner. 1941. 31 Aug. No. 66. p. 2. In Chechen.
3. Atabaev M. *V biblioteke rabota horosho postavlena* [In the library the work is organized well] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1942. March 28. No. 74. P. 2. In Chechen.

4. *Atabaev M. Neobhodimo uluchshit' kul'turno-prosvetitel'nyuyu rabotu* [There is a need to improve cultural and educational work] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1942. March 3. No. 52. P. 2. In Chechen.
5. *Ahmetov M. Osoboe vnimanie obratit' na rabotu shkol i izb-chitalen* [Special attention is to be paid to the work of schools and reading rooms] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1943. 24 Feb. No. 45. P. 2. In Chechen.
6. *Bajsultanov. Sel'skaya izba-chital'nya* [Village reading room] // *Kolhoznik* – Farmer. 1943. 24 Jan. No. 7. P. 2. In Chechen.
7. *Bakraev Z. Materi* [Mothers] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1941. 20 Aug. No. 196. P. 4. In Chechen.
8. *Bol'shoj vecher moskovskoj estrady* – Big evening of the Moscow stage // *Groznenskiy rabochij* – Grozny worker. 1942. 6 Jan. No. 4. P. 2.
9. *Vahaev R. Soveshchanie kompozitorov* [Meeting of the composers] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1944. 22 Jan. No. 16. P. 2. In Chechen.
10. *Vedenski. Nuzhno uluchshit' rabotu kluba v Vedeno* [There is a need to improve the work of the club in Vedeno] // *Kolhoznoe znamya* – Collective farm banner. 1943. 29 Dec. No. 55. P. 2. In Chechen.
11. *Vedenskiy B. O rabote rajonnogo kluba* [About the work of the district club] // *Kolhoznoe znamya* – Collective farm banner. 1941. 28 Oct. No. 82. P. 2. In Chechen.
12. *Gadaev M. Vsadniki* [The riders] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1942. 27 Feb. No. 49. P. 2. In Chechen.
13. *Gadaev M. Pojdem na zapad* [Let's go West] // *Stalinskij put'* – Stalin's way. 1941. July 15. No. 54. P. 1. In Chechen.
14. *Gadaev M. Dadim zaem* [We will give loan] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1942. 21 Apr. No. 94. P. 1. In Chechen.
15. *Gadaev M. Pesnya CHEcheno-Ingushskoj divizii* [The Song of the Chechen-Ingush division] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1942. 24 Feb. No. 47. P. 2. In Chechen.
16. *Gapaev A. S. Chechenskiy dramaticheskij teatr* [Chechen drama theatre]. Nalchik. Tetragraph. 2015.
17. *Gireev A. Ob uluchshenii politiko-prosvetitel'noj raboty na sele* [About the improvement of political and educational work in the countryside] // *Kolhoznoe znamya* – Collective farm banner. 1941. 16 Dec. No. 94. P. 2. In Chechen.
18. *Green M. Vechera masterov sovetskogo baleta* [Evenings of masters of the Soviet ballet] // *Groznenskiy rabochij* – Grozny worker. 1943. May 28. No. 111. P. 4.
19. *Green M. Laureat Stalinskoy premii Lyubov' Orlova v Groznom* [Winner of The Stalin prize Lyubov Orlova in Grozny] // *Groznenskiy rabochij* – Grozny worker. 1943. May 19. No. 105. P. 4.
20. *Green M. Pervyj koncert v osvobodzhennom gorode. Brigada iz bakinskogo teatra v Malgobeke* [The first concert in the liberated city. A team from the Baku theatre in the Malgobek] // *Groznenskiy Rabochiy* – Grozny worker. 1943. 20 Jan. No. 16 (6331). P. 4.
21. *V Goytah neobhodima izba-chital'nya* – In Goyty reading-room hut is required // *Kolhoznik* – Farmer. 1942. 7 Apr. No. 26. P. 1. In Chechen.
22. *Danilhanov. Horosho rabotayushchaya izba-chital'nya* [Well-functioning reading-room hut] // *Kolhoznik* – Farmer. 1943. July 1. No. 35. P. 2. In Chechen.
23. *Dolmatovskij E. Pesnya o Nuradilove* [The song about Nuradilov] // *Kolhoznoe znamya* – Collective farm banner. 1943. 1 Jan. No. 1. P. 2. In Chechen.
24. *Dudaev. Rabotu kul'turnyh ugolkov napravit' na voennuyu ploskost'* [Work of cultural corners is to be sent to a military plane] // *Kolhoznik* – Farmer. 1942. 11 Apr. No. 27. P. 1. In Chechen.
25. *Ermolaev L. Smotr hudozhestvennoj samodeyatelnosti v rajonah Checheno-Ingushetii* [Review of amateur art in the regions of Chechen-Ingushetia] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1944. 20 Feb. No. 36. P. 2. In Chechen.
26. *Izby-chital'ni ne rabotayut* – Reading rooms do not work // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1943. June 26. No. 132. P. 2. In Chechen.
27. *Otkrytie izb-chitalen* – Opening reading rooms // *Kolhoznik* – Farmer. 1944. 13 Jan. No. 2. P. 1. In Chechen.
28. *I. H. Ob izbe-chital'ne v Eshilhotoe* [About the reading room in Eshilhotoi] // *Kolhoznoe znamya* – Collective farm banner. 1943. 18 Nov. No. 51. P. 2. In Chechen.
29. *Krechetova E. Adi Surho* [Adi Surho] // *Groznenskiy rabochij* – Grozny worker. 1942. March 15. No. 70. P. 2.
30. *Krechetova E. Nakanune* [On the eve] // *Groznenskiy rabochij* – Grozny worker. 1942. May 28. P. 2.
31. *Krechetova E. Tamara* [Tamara] // *Groznenskiy Rabochiy* – Grozny worker. 1942. 25 Apr. No. 110. P. 2.
32. *Kruzhok nachal svoyu rabotu* – Hobby club started its work // *Stalinskij put'* – Stalin's way. 1943. March 21. No. 10. P. 2. In Chechen.
33. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Checheno-Ingushetii (iyun' 1941–1980 gg.) : sb. dokumentov i materialov* – Cultural construction in Chechen-Ingushetia (June 1941–1980) : collection of documents and materials. Grozny. 1985.
34. *Na lekcii* – At lectures // *Kolhoznik* – Farmer. 1942. 17 Oct. No. 80. P. 2. In Chechen.
35. *Mamakaev Iarbi. Rodnaya zemlya* [Native land] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1941. 26 Aug. No. 201. P. 2. In Chechen.
36. *Kogda v Urus-Martane poyavitsya kul'turnyj otдых* – When will cultural leisure appear in Urus-Martan / Zhukov A. [et al.] // *Kolhoznik* – Farmer. 1943. 7 Oct. No. 49. P. 2. In Chechen.
37. *Mezhidov. Polnost'yu postavit' rabotu izb-chitalen* – To put the work of reading rooms completely // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1942. 9 Apr. No. 84. P. 2. In Chechen.
38. *Muzaev N. Pesnya vsadnikov* [Song of riders] // *Stalinskij put'* – Stalin's way. 1942. 21 Feb. No. 15. P. 2. In Chechen.

39. Muzaev N. *Rech' vsadnika* [Speech of a rider] // *Stalinskij put'* – Stalin's way. 1942. 6 Jan. No. 2. P. 2. In Chechen.
40. Musaev. *V izbe-chital'ne net kul'turnoj raboty* [There is no culture work in the reading room] // *Kolhoznik* – Farmer. 1942. 4 Apr. No. 25. P. 2. In Chechen.
41. Mutalibov Z. *Vstanem, dzhigity, na zashchitu strany* [Stand, horsemen, to protect the country] // *Kolhoznoe znamya* – Collective farm banner. 1941. On Aug 16. No. 62. P. 2. In Chechen.
42. Mutalibov Z. *Idushchej na vojnu medsestre* [To the nurse going to war] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1941. 21 Oct. No. 249. P. 2. In Chechen.
43. Mutaliev H'.-B. *Voennaya pesnya* [War song] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1941. July 24. No. 173. P. 4. In Chechen.
44. *Novaya programma teatra geroiki i satiry* – New program of the theater of heroics and satire // *Groznenskiy rabochij* – Grozny worker. 1941. 4 Sept. No. 209. P. 4.
45. *Checheno-Ingushskij teatr v Urus-Martane* – Chechen-Ingush theatre in Urus-Martan // *Kolhoznik* – Farmer. 1942. 2 Sept. No. 68. P. 2. In Chechen.
46. *Nochnoj bal-maskarad* – Night masquerade ball // *Groznenskiy rabochij* – Grozny worker. 1943. 31 Dec. No. 264. P. 4.
47. *Okonchanie gastrolej bakinskoj muzkomedii* – The end of the tour of the Baku music comedy // *Groznenskiy Rabochiy* – Grozny worker. 1943. May 25. No. 109. P. 3.
48. *Otkrytie sezona Checheno-Ingushskogo teatra (Beseda s direktorom teatra tov. Tataevym)* – Opening of the season of the Chechen-Ingush theater (Conversation with the Director of the theater tov. Tataev) // *Groznenskiy Rabochiy* – Grozny worker. 1941. 5 Dec. No. 288 (5973). P. 4.
49. *Oshaev M. Rasshiryat' set' politiko-prosvetitel'nyh uchrezhdenij* [To expand the network of political and educational institutions] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1943. 9 Jan. No. 7. P. 2. In Chechen.
50. *Gosudarstvennyj Checheno-Ingushskij dramteatr* – The State Chechen-Ingush drama theatre // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1941. 21 Dec. No. 302. P. 2. In Chechen.
51. *Checheno-Ingushskij gosudarstvennyj dramteatr* – Chechen-Ingush state drama theatre // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1941. 25 Dec. No. 306. P. 2. In Chechen.
52. *Koncerty v rajonah* – Concerts in the districts // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1943. July 6. No. 139. P. 2. In Chechen.
53. *Sel'skie izby-chital'ni rajona* – Rural reading rooms of the district // *Kolhoznik* – Farmer. 1943. March 24. No. 21. P. 2. In Chechen.
54. *V rajonnoj biblioteke* – In the district library // *Kolhoznoe znamya* – Collective farm banner. 1941. 18 Oct. No. 79. P. 2. In Chechen.
55. *V rajonnom klube* – In the district club // *Kolhoznik* – Farmer. 1942. 14 Apr. No. 28. P. 1. In Chechen.
56. *V rajone net izb-chitalen* – The district has no reading rooms // *Kolhoznik* – Farmer. 1942. 16 Dec. No. 97. P. 2. In Chechen.
57. *Restavraciya kartin v muzee* – Restoration of paintings in the museum // *Groznenskiy rabochij* – Grozny worker. 1944. 7 Jan. No. 5. P. 4.
58. *Saprykin. Hudozhestvennaya samodeyatelnost' – ogromnaya kul'turnaya sila* [Amateur activity is a huge cultural force] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1943. July 2. No. 136. P. 2. In Chechen.
59. *Smotr hudozhestvennoj samodeyatelnosti* – Parade of Amateur performances // *Krasnoe znamya* – Red banner. 1943. 12 Aug. No. 36. P. 2.
60. *Uspanov A. Koncerty Checheno-Ingushskogo dramteatra* [Concerts of the Chechen-Ingush drama] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1943. 13 Oct. No. 210. P. 2. In Chechen.
61. *Friedman Ya. Gastrol'i Azerbajdzhanskogo teatra russkoj dramy v Groznom* [Tour of the Azerbaijani theater of Russian drama in Grozny] // *Groznenskiy rabochij* – Grozny worker. 1943. 14 Jan. No. 11. P. 4.
62. *Halaev Sh. Fashizm budet razbit* [Fascism will be defeated] // *Stalinskij put'* – Stalin's way. 1941. July 22. No. 56. P. 2. In Chechen.
63. *Halidov. Kino-teatr* [Cinema] // *Kolhoznik* – Farmer. 1943. 31 Jan. No. 9. P. 2. In Chechen.
64. *Husev B. "Vam knizhka... ne nuzhna?"* ["Do you need a book...?"] // *Kolhoznik* – Farmer. 1944. 17 Feb. No. 7. P. 2. In Chechen.
65. *Checheno-Ingushskij ansambl' pesni i plyaski* – Chechen-Ingush song and dance ensemble // *Groznenskiy rabochij* – Grozny worker. 1943. 25 Dec. No. 260. P. 4.
66. *Chiraev A. Kino-teatr* [Cinema] // *Kolhoznik* – Farmer. 1942. 7 Apr. No. 26. P. 2. In Chechen.
67. *Shahgiriev A. Eshche raz o klubnoj rabote* [One more time on club work] // *Kolhoznoe znamya* – Collective farm banner. 1943. March 7. No. 15. P. 2. In Chechen.
68. *E. A. Izba-chital'nya horosho rabotaet* [The reading-room is working well] // *Stalinskij put'* – Stalin's way. 1941. 11 Oct. No. 77. P. 2. In Chechen.
69. *Yandiev Dzh. Pesnya o Mazaev* [The song about Mazaev] // *Leninskij put'* – Lenin's path. 1941. 3 Aug. No. 182. P. 2. In Chechen.
70. *Yandiev D., Bazorkin I. Sluga dvuh gospod* [The servant of two masters] // *Groznenskiy Rabochiy* – Grozny worker. 1943. May 28. No. 111. P. 4.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 941/949

DOI 10.25730/VSU.2070.19.030

Генезис USAID*: институциональные и идеологические истоки (1949–1961 гг.)

С. Ю. Шенин

доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Россия, г. Саратов. ORCID: 0000-0002-4503-5923. E-mail: shenins@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса создания администрацией Дж. Кеннеди американского Агентства по международному развитию, а также исследованию его институциональных и идеологических основ. В контексте анализа эволюции структур внешней помощи в США после Второй мировой войны выделяются отдельные этапы этого процесса, даются оценки деятельности агентств помощи, анализируется их идеологическая направленность, изучается роль руководителей. Показано, что основной движущей силой эволюции было противоречие внутри американской элиты между группами интересов, защищавших конфликтную доктрину «взаимной безопасности» с одной стороны и глобалистскую концепцию «помощи развитию» с другой стороны. Соответственно, создание новых агентств помощи (TCA, MSA, FOA, ICA, AID), направленность и эффективность их деятельности зависели от баланса политических сил в администрации и конгрессе США, а также во многом от личных качеств руководителей данных структур. Дж. Кеннеди, являясь одним из самых последовательных сторонников ускоренной глобализации, а также учитывая опыт деятельности предыдущих агентств, при формулировании своей программы и создании Агентства по международному развитию сделал основную ставку на процесс скорейшей интеграции слаборазвитых стран в мировую экономику, максимальное наращивание «помощи развитию» и моральную мотивацию внешней помощи. Созданное его администрацией агентство объединило все важнейшие правительственные структуры в сфере предоставления помощи, являлось политически независимым и контролировало все виды помощи (техническую, экономическую, гуманитарную и отчасти военную), что позволяло эффективно координировать их деятельность.

Ключевые слова: Агентство международного развития, Дж. Кеннеди, Ф. Гамильтон, «помощь развитию», «взаимная безопасность».

Как известно, созданное в 1961 г. президентом США Джоном Кеннеди Агентство по международному развитию (USAID) существует уже более полувека, став одной из самых стабильных структур американской исполнительной власти. Эта устойчивость является следствием заложенных в фундамент агентства идеологических основ и институциональных особенностей, которые также появились не на пустом месте, а стали результатом пройденного американской программой помощи в предыдущие десятилетия сложнейшего и очень противоречивого эволюционного пути.

Необходимо отметить, что американская помощь слаборазвитым странам, наряду с торгово-экономической политикой, военной силой и дипломатией, уже во второй половине 1940-х гг. стала важнейшим инструментом строительства послевоенного мирового порядка, который в США виделся только как Pax Americana. Инструмент этот был настолько эффективен, что за право контролировать его в американском правительстве постоянно шли сражения различных групп интересов, которые защищали свои модели мирового порядка. Направленность и результаты этих политических сражений во многом определяли эволюцию как идеологических подходов, так и институционального устройства структур, отвечавших за предоставление внешней помощи.

© Шенин С. Ю., 2019

* United States Agency for International Development (Агентство США по международному развитию).

Первая американская государственная программа помощи слаборазвитым странам была объявлена в инаугурационной речи Г. Трумэна и получила название «пункта-4». Смысл этой программы заключался в необходимости дополнить «план Маршалла» и стать инструментом интеграции отсталых государств в процессы глобализации на основе их участия в международном разделении труда. Главным инструментом такой интеграции должна была стать дешевая техническая помощь, предполагавшая только «передачу знаний и умений» в производственной сфере с минимальным материальным компонентом [13, p. 234].

Для реализации программы было создано специальное правительственное агентство, получившее название Управление по техническому сотрудничеству (ТСА). Первому руководителю новой структуры Генри Беннету удалось сформулировать эффективную, но достаточно «дешевую» философию программы технической помощи и наладить ее работу во многих странах мира. Программу высоко оценивали законодатели.

Однако существовал и конкурирующий подход, основным сторонником и лоббистом которого являлся государственный секретарь Дин Ачесон. Последний был уверен, что помощь должна была направляться не на сбалансированное развитие отсталых стран через передачу знаний и умений (в условиях холодной войны это непозволительная роскошь), а непосредственно на «сдерживание» коммунизма, что, в свою очередь, требовало значительно больших объемов денег и предоставления экономической помощи в сфере производства для максимально быстрого социально-экономического развития [9, p. 35].

Колоссальный авторитет Г. Беннета среди законодателей позволил ТСА долгое время (с 1949 г. по 1951 г.) осуществлять свою программу технической помощи независимо от планов госдепартамента. Тем не менее в 1951 г., после начала Корейской войны, Ачесону как стороннику конфликтной модели построения нового мирового порядка удалось объединить управление всеми видами помощи (военной, экономической, гуманитарной, технической) в рамках нового Агентства по взаимной безопасности (MSA), философия которого базировалась на бескомпромиссной формуле «или с нами, или против нас» [14, p. 33].

ТСА в своей работе также отчасти было вынуждено отказаться от ориентации программ на экономическое развитие и перейти на рельсы «взаимной безопасности», т. е. обеспечения «сдерживания» коммунизма. Окончательно ТСА утратила самостоятельность после неожиданной смерти Г. Беннета в декабре 1951 г. Его преемники (Дж. Бингэм и С. Эндрюс) не могли сопротивляться напору Д. Ачесона, и уже весной 1952 г. агентство было полностью интегрировано в структуру и идеологию MSA [4, pp. 37–41].

Однако конфликтный метод строительства нового мирового порядка, раскол мира на два лагеря, который исповедовал и реализовывал госдепартамент, сокращал зону экономической активности для многих сегментов американского крупного бизнеса, который проявлял недовольство схемой «сдерживания». Этим сегментам необходимо было максимально расширить сферу своего влияния, включить туда регионы за «железным» и «бамбуковым» занавесами, а значит, заканчивать конфликты, войны, глобальную конфронтацию. Для реализации глобализационной стратегии эта часть бизнеса нашла своего лидера, Дуайта Эйзенхауэра, и привела его к власти в качестве президента США.

Приход к власти интернационалистского крыла Республиканской партии в лице Д. Эйзенхауэра в 1953 г. означал, по сути, глубокую модернизацию модели строительства нового мирового порядка, а значит, и его инструментария, в первую очередь помощи слаборазвитым странам. В этой ситуации Агентство взаимной безопасности должно было трансформироваться в новую структуру с более глобалистской философией, а помощь превратиться во вспомогательный инструмент поддержки частных американских корпораций, которые и должны были строить новую глобальную модель.

В результате уже в конце 1953 г. функции руководства программами военной, технической и экономической помощи перешли к единому координирующему суперагентству – Администрации внешних операций (FOA), при этом выполнение проектов на местах было передано американским учебным заведениям, частным и религиозным организациям. Руководителем нового агентства стал Гарольд Стассен – один из политических тяжеловесов, бывший кандидат в президенты и будущий, как многим казалось, наследник Эйзенхауэра, сторонник радикальной и максимально быстрой глобализации [11, pp. 506–507].

В рамках FOA Стассен приступил к трансформации общих принципов внешней помощи США. Во-первых, на место задач, связанных с сиюминутной военной безопасностью, на первый план стали выходить долгосрочные приоритеты экономического развития. Во-вторых,

как и обещал Эйзенхауэр бизнесменам, значительная часть средств была переброшена с европейского направления на азиатское. В-третьих, более экономный подход предполагал отказ от предоставления грантов в пользу кредитов. Наконец, были изменены принципы управления помощью – с небольших проектов технической поддержки акцент был смещен на масштабное экономическое планирование. Все вместе это способствовало переориентации американской помощи на интеграцию слаборазвитых стран, независимо от их политической ориентации, в глобальные экономические процессы [12].

Устремления Стассена были столь масштабны, что в конце 1954 г. он с величайшим энтузиазмом приступил к претворению своих принципов в жизнь в форме сверхамбициозного «плана Маршалла для Азии», который получил официальное название «арки свободной Азии» (AFAP). План указывал на необходимость «сдерживать» в Южной и Юго-восточной Азии не Москву, а Пекин, в то время как Япония должна была превратиться в «экономическую ось» региона.

Однако попытка реализации плана провалилась в самом начале. В мае 1955 г., пытаясь согласовать интересы стран-участниц на конференции в Симле (Индия), Стассен столкнулся с их нежеланием жертвовать двухсторонней американской помощью ради многостороннего подхода AFAP [1]. Для Стассена и FOA этот провал оказался последней каплей в чаше терпения Эйзенхауэра, который весной 1955 г. ликвидировал суперагентство, а его руководителя перевел на менее перспективную должность в администрации – секретаря по проблемам разоружения.

Однако параллельно с ликвидацией старой структуры президент начал создание нового более компактного и управляемого агентства внешней помощи – Администрации международного сотрудничества (ISA). Поскольку в тот момент позиции сторонников радикальной глобализации заметно ослабли (в первую очередь, из-за начала «советского мирного наступления»), то Эйзенхауэр был вынужден поставить во главе ISA Джона Холистера – представителя конкурирующего консервативного лагеря в администрации [3].

Став директором ISA, Дж. Холистер начал ликвидацию всего глобалистского наследия Стассена, что включало в себя сокращение «помощи развитию», снижения поддержки нейтральных и «социалистических» стран и т. д. Одновременно он переориентировал ресурсы программы на продвижение интересов сырьевых корпораций с помощью развития системы гарантий, распределения контрактов в пользу своих бизнес-протезе и т. д.

Однако «консервативный триумф» продолжался недолго. После того как в 1956 г. Эйзенхауэр был переизбран на пост президента, а демократы, в целом поддерживавшие стратегию радикальной глобализации, триумфально победили на выборах в конгресс, президент начал избавляться от ведущих консерваторов в администрации. В июле 1957 г. под жестким политическим давлением Холистер также был вынужден уйти в отставку [5].

Новый директор ISA Джеймс Смит, бывший военный летчик и помощник министра военно-морского флота (1953–1956 гг.), считался надежным сторонником глобалистской линии Эйзенхауэра. Являясь твердым республиканцем, он старался решать проблемы внешней помощи профессионально и прагматично, избегая политических интриг. Поскольку его горячо поддерживали даже демократы, он получил возможность вести ISA по-настоящему «двухпартийным» курсом. В результате новый директор смог существенно улучшить работу механизма предоставления помощи и инициировать крайне важные реформы внутри ISA. Однако, когда Смит попытался продвинуться по служебной лестнице, руководство республиканской партии, ссылаясь на его «двухпартийные настроения», заблокировало эти попытки. И хотя Эйзенхауэр пытался сохранить Смита на посту директора ISA, он ушел из администрации [7].

Следующая фигура для руководства ISA, которая могла бы устроить обе партии в конгрессе, была найдена с огромным трудом. Правда, бывший дипломат Джеймс Ридлбергер никогда не имел дела с внешней помощью, однако политически был приемлем даже для самых непримиримых критиков программы. Новый директор сконцентрировал все свои усилия на работе с конгрессом, оставив рутину руководства ISA своим заместителям [15, p. 2182].

Под руководством Ридлбергера в агентстве начался процесс давно ожидавшихся внешних реформ, которые должны были адаптировать задачи и структуру ISA к новым экономическим условиям, связанным с ухудшением внешнеторгового баланса США. В результате удалось привлечь многие страны Западной Европы к финансированию программ помощи на двухсторонней основе, а также создать многосторонние координационные механизмы [16, pp. 425–428].

Говоря о частых сменах руководителей агентств, необходимо отметить, что каждый новый этап развития программы помощи требовал появления лидера нового типа. Так, Гарри Беннет был ученым, Стэнли Эндрюс являлся профессиональным менеджером в сфере сельского хозяйства, Гарольд Стассен – политиком, Джон Холистер – бизнесменом и миллионером, Джеймс Смит – солдатом и, наконец, Джеймс Ридлбергер – дипломатом.

Джон Кеннеди, став президентом, в целом был нацелен на реализацию линии радикальных глобалистов из республиканской партии. В рамках этой политики президент-демократ планировал максимально увеличить «помощь развитию», объясняя свои планы стремительным ростом националистических настроений в слаборазвитых странах, а также активизацией «советского экономического наступления». Он настаивал на окончательном отказе от концепции «взаимной безопасности», разделявшей мир на основе принципа «свой-чужой», и предлагал вернуться к моральной мотивации внешней помощи, на которой базировался «пункт-4». Все эти идеи нашли отражение в специальном послании президента Конгрессу 22 марта 1961 г. [6, pp. 507–514].

В целом, во внешней политике Дж. Кеннеди экономическая помощь стала одним из важнейших компонентов программы форсированной глобализации, которая, как громогласно возвестили про-демократические газеты, дала старт «десятилетию развития». 4 сентября президент подписал Закон об иностранной помощи 1961 г., в рамках которого общий размер финансовых обязательств США должен был составить 4,253 млрд долл. [10].

В административном аспекте начатая реорганизация предполагала объединение всех агентств, которые занимались разными сторонами экономической помощи, в единое учреждение, действующее независимо от госдепартамента, но подчиняющееся ему только в политических вопросах. Фактически Кеннеди начал с того же, с чего в 1953 г. – Эйзенхауэр, а именно с планов создания суперагентства помощи.

Руководствуясь рекомендациями своих экспертов, в первую очередь Уолта Ростоу, новый президент сумел добиться объединения ICA, Фонда займов для развития (DLF) и Корпорации продовольственного кредита из Министерства сельского хозяйства в рамках Агентства международного развития (AID). Некоторые из советников Кеннеди полагали, что и Экспортно-импортный банк (EIB) также следует включить в консолидированную структуру. Однако в конечном итоге у EIB просто забрали функцию банковского кредитования на цели развития, оставив при этом традиционное право предоставлять краткосрочные кредиты для финансирования закупок товаров американского производства. Тем не менее две важные структуры помощи под названием «Корпуса мира» и «Продовольствия во имя мира» Кеннеди не смог интегрировать в AID – в отношении этих подразделений госдепартамент сохранил лишь координирующие функции [8].

Возглавить AID должен был директор с двумя заместителями (по планированию и оперативному управлению). Сама же внутренняя структура агентства должна была строиться по географическому принципу: для каждого из ключевых регионов развития (Дальний Восток, Ближний Восток и Южная Азия, Латинская Америка и Африка, Европа) создавался отдельный координирующий департамент. Как объяснил госсекретарь Дин Раск, управление иностранной помощью планировалось строить на основе «наделения властью ответственных и идентифицируемых личностей, а не безликих комитетов и распыленной бюрократии» [2].

Учитывая серьезное сопротивление новой программе помощи как в некоторых сегментах общественного мнения, так и в конгрессе, Кеннеди должен был найти такого руководителя нового агентства, который не вызвал бы отторжения у республиканцев. Такой фигурой стал нью-йоркский юрист Фуллер Гамильтон. Правда, в начале президент планировал назначить его директором ЦРУ, но оппозиция заставила Кеннеди изменить эти планы [17].

Показательно, что в годы Второй мировой войны Гамильтон возглавлял подразделение экономической войны в американском посольстве в Лондоне, работая совместно с У. Ростоу над выбором промышленных объектов в Германии в качестве целей для воздушных бомбардировок. После войны он стал ведущим юридическим консультантом Министерства юстиции, а затем занялся частной практикой в сфере международного права. Убежденный демократ, Гамильтон тем не менее имел прекрасные отношения с республиканцами, а в ходе многочисленных поездок по миру он приобрел обширные и глубокие знания о тех регионах, с которыми ему предстояло работать в агентстве.

Таким образом, Дж. Кеннеди уже в первые месяцы своего президентства уделил огромное внимание реализации новой программы помощи слаборазвитым странам. Ключевым

пунктом его программы стало создание универсального агентства – AID, что было необходимо для обеспечения скоординированного разворота всех компонентов программы в сторону постепенного отказа от доктрины «взаимной безопасности» и переходу к концепции «помощи развития». С другой стороны, президент учел опыт деятельности предыдущих агентств помощи (TCA, MSA, FOA и ICA), сохранил преемственность, «двухпартийный дух», в рамках которого первый администратор – юрист и экономист Ф. Гамильтон – получил необходимую поддержку обеих партий в конгрессе. В конечном итоге заложенные Кеннеди в фундамент AID принципы оказались настолько универсальными, что позволяют агентству успешно функционировать и в начале XXI века.

Список литературы

1. Asia as a Region // The New York Times. 1955. May 16.
2. *Belair F.* New Foreign Aid Plan Getting Underway // The New York Times. 1961. September 17.
3. Curious Choice // The Washington Post and Times Herald. 1955. May 2.
4. Document No. 9. Mutual Security Act of 1951, As Amended. US Congress. Committee on Foreign Relations (Senate). Development of Technical Assistance Programs. Background Information and Documents. Washington : GPO, 1954. Pp. 37–41.
5. Hollister Quits Foreign Aid Post // The New York Times. 1957. July 12.
6. Kennedy, John F. Foreign Aid. Message of the President to the Congress // Department of State Bulletin. 1961. Vol. XLIV. No. 1137. Pp. 507–514.
7. *Kenworthy E. Mr. Smith Leaves Washington after Alcorn Revises Scenario* // The New York Times. 1959. February 7.
8. *Kenworthy E.* A Single Agency for Aid Foreseen // The New York Times. 1960. November 15.
9. *McKinzie R. and Wilson T.* The Helping Hand // War on Hunger. A Report from the Agency for International Development. 1973. Vol. VII. No. 5. Pp. 35–42.
10. President Signs Foreign Aid Bill: Sees Authorization Setting Commitments for Funds // The New York Times. 1961. September 4.
11. *Rutton V.* United States Development Assistance Policy. The Domestic Politics of Foreign Economic Aid. Baltimore and London : The Johns Hopkins University Press, 1996.
12. *Schmidt D.* Foreign Aid Plan Taking New Form // The New York Times. 1955. July 1.
13. *Truman H.* Memoirs. Vol. II. Years of Trial and Hope. New York : Doubleday & Company, Inc., 1956.
14. U. S. Congress. House Report No 872. 82nd Congress, 1st Session. Washington : GPO, 1951.
15. U. S. Congress. House of Representatives. Mutual Security Appropriations for 1961 (And Related Agencies). Hearings before the Subcommittee of the Committee on Appropriations, 86th Congress, 2nd Session. Washington : GPO, 1961.
16. U. S. Congress. Senate. Mutual Security Act of 1960. Hearings before the Committee on Foreign Relations, 86th Congress, 2nd Session. Washington : GPO, 1960.
17. *Wicker T.* New York Lawyer Named to Head Foreign Aid Unit // The New York Times. 1961. September 21.

The genesis of USAID: institutional and ideological origins (1949–1961)

S. Yu. Shenin

Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of international relations and foreign policy of Russia, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky.
Russia, Saratov. ORCID: 0000-0002-4503-5923. E-mail: shenins@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to the study of the process of creation by the administration of J. Kennedy of the American Agency for international development, as well as research on its institutional and ideological foundations. In the context of the analysis of the evolution of foreign aid structures in the United States after the Second World War, separate stages of this process are identified, assessments of the activities of aid agencies are given, their ideological orientation is analyzed, and the role of managers is studied. It is shown that the main driving force of evolution was the contradiction within the American elite between interest groups that defended the conflicting doctrine of "mutual security" on the one hand and the globalist concept of "development assistance" on the other hand. Accordingly, the creation of new aid agencies (TCA, MSA, FOA, ICA, AID), the direction and effectiveness of their activities depended on the balance of political forces in the us administration and Congress, as well as largely on the personal qualities of the leaders of these structures. J. Kennedy, being one of the most consistent proponents of accelerated globalization, and taking into account the experience of previous

agencies, when formulating his program and creating The Agency for international development, placed the main emphasis on the process of rapid integration of underdeveloped countries into the world economy, the maximum increase in "development assistance" and the moral motivation of external assistance. The Agency created by his administration brought together all the most important government agencies in the field of assistance, was politically independent and controlled all types of assistance (technical, economic, humanitarian, and partly military), which allowed for effective coordination of their activities.

Keywords: Agency for international development, J. Kennedy, F. Hamilton, "development assistance", "mutual security".

References

1. Asia as a Region // The New York Times. 1955. May 16.
2. *Belair F.* New Foreign Aid Plan Getting Underway // The New York Times. 1961. September 17.
3. Curious Choice // The Washington Post and Times Herald. 1955. May 2.
4. Document No. 9. Mutual Security Act of 1951, As Amended. US Congress. Committee on Foreign Relations (Senate). Development of Technical Assistance Programs. Background Information and Documents. Washington : GPO. 1954. Pp. 37-41.
5. Hollister Quits Foreign Aid Post // The New York Times. 1957. July 12.
6. Kennedy, John F. Foreign Aid. Message of the President to the Congress // Department of State Bulletin. 1961. Vol. XLIV. No. 1137. Pp. 507-514.
7. *Kenworthy E.* Mr. Smith Leaves Washington after Alcorn Revises Scenario // The New York Times. 1959. February 7.
8. *Kenworthy E.* A Single Agency for Aid Foreseen // The New York Times. 1960. November 15.
9. *McKinzie R. and Wilson T.* The Helping Hand // War on Hunger. A Report from the Agency for International Development. 1973. Vol. VII. No. 5. Pp. 35-42.
10. President Signs Foreign Aid Bill: Sees Authorization Setting Commitments for Funds // The New York Times. 1961. September 4.
11. *Rutton V.* United States Development Assistance Policy. The Domestic Politics of Foreign Economic Aid. Baltimore and London: The John Hopkins University Press. 1996.
12. *Schmidt D.* Foreign Aid Plan Taking New Form // The New York Times. 1955. July 1.
13. *Truman H.* Memoirs. Vol. II. Years of Trial and Hope. New York: Doubleday & Company, Inc., 1956.
14. U. S. Congress. House Report No 872. 82nd Congress, 1st Session. Washington: GPO, 1951.
15. U. S. Congress. House of Representatives. Mutual Security Appropriations for 1961 (And Related Agencies). Hearings before the Subcommittee of the Committee on Appropriations, 86th Congress, 2nd Session. Washington: GPO, 1961.
16. U. S. Congress. Senate. Mutual Security Act of 1960. Hearings before the Committee on Foreign Relations, 86th Congress, 2nd Session. Washington: GPO, 1960.
17. *Wicker T.* New York Lawyer Named to Head Foreign Aid Unit // The New York Times. 1961. September 21.

Память о нацистских концентрационных лагерях в федеральной земле Рейнланд-Пфальц

А. М. Ермаков

доктор исторических наук, доцент, проректор по учебной работе, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: a.ermakov@yuspu.org

Аннотация. В статье рассматривается история нацистских концентрационных лагерей Остхофен и Хинцерт, государственная политика памяти в ФРГ, общественные инициативы по сохранению памяти об антифашистах и жертвах нацистских преступлений, а также роль мемориалов Остхофен и Хинцерт в гражданском образовании жителей федеральной земли Рейнланд-Пфальц. Раскрыта история создания концентрационных лагерей Остхофен и Хинцерт, показаны их функции в системе репрессивных органов гитлеровского государства, численность и категории узников, их распорядок дня, условия расквартирования и питания, обращение лагерной администрации и охранников с заключенными. Приводятся сведения о пребывании в концентрационных лагерях советских военнопленных, граждан Франции и Люксембурга. Выявлены особенности политики памяти французской оккупационной администрации, а также политики памяти правительства и ландтага федеральной земли Рейнланд-Пфальц. Проанализированы действия отдельных граждан и общественных организаций, направленные на противодействие забвению судеб немецких и иностранных антифашистов в концентрационных лагерях Остхофен и Хинцерт. Охарактеризованы формы и методики педагогической работы мест памяти Остхофен и Хинцерт, установлен круг адресатов их учебной и просветительской деятельности, показана специфика педагогической и просветительской работы мемориалов с различными группами посетителей. Приводятся сведения о роли немецких ученых-историков в становлении и функционировании мемориалов и учебно-просветительских центров в федеральной земле Рейнланд-Пфальц. Выделены этапы возникновения и развития мест памяти Остхофен и Хинцерт, показана их роль в системе гражданского образования современной ФРГ. Доказано, что целью просветительской и педагогической работы этих мемориалов является воспитание граждан, уважающих демократические государственные институты, права и достоинство человека, занимающих активную гражданскую позицию и отвергающих насилие, дискриминацию и ксенофобию.

Ключевые слова: историческая память, мемориальная культура, музейная педагогика, гражданское образование, концентрационные лагеря, нацистские преступления, Рейнланд-Пфальц.

После объединения Германии извлечение уроков из нацистского прошлого стало частью государственной политики ФРГ, которую реализуют как государственные инстанции на федеральном и региональном уровнях, так и общественные организации. Постоянной «работке» подвергается в том числе память о концентрационных лагерях, которые как никакой другой институт гитлеровского государства показывают изуверскую, антигуманистическую сущность национал-социализма и по праву считаются символом Третьего рейха в целом [5, с. 14]. Наряду с такими известными местами памяти, как Берген-Бельзен, Бухенвальд, Дахау, Заксенхаузен, Равенсбрюк, в современной ФРГ действуют и мемориалы регионального значения, выполняющие важные функции в непрерывном процессе гражданского образования в федеральных землях.

Через концентрационные лагеря Третьего рейха прошли 2,3 млн человек, 1,7 млн из них погибли [5, с. 10]. В нацистской Германии и в оккупированных гитлеровцами странах действовали 1 679 концентрационных лагерей и их филиалов [14, с. 1572–1579], в том числе семь из них располагались на территории современной федеральной земли Рейнланд-Пфальц. Земля Рейнланд-Пфальц образована в 1946 г. из областей южной части прусской Рейнской провинции, баварского округа Пфальц и южной части Гессена. Она находится на юго-западе Германии и граничит с федеральными землями Северным Рейном – Вестфалией, Баден-Вюртембергом, Гессеном, Саарландом, а также с Бельгией, Люксембургом и Францией. Как и вся территория нацистской Германии, земли Рейнланд-Пфальца были покрыты целой сетью лагерей, предназначенных для политических противников гитлеровского режима, военнопленных и лиц, неугодных в расовом отношении. Кроме упомянутых выше концентрационных лагерей, в Рейнланд-Пфальце располагались 66 полицейских лагерей, 6 шталагов, 7 «лагерей перевоспитания» и 4 трудовых лагеря для евреев.

В наши дни постоянные экспозиции в Рейнланд-Пфальце развернуты в местах расположения двух концентрационных лагерей – Остхофена и Хинцерта. Особый лагерь СС / концентрационный лагерь Хинцерт был внесен в федеральный список концентрационных лагерей под № 373 в 1967 г., началом его деятельности как концентрационного лагеря было признано 1 июля 1940 г. [13, с. 242]. В списке 1977 г. Хинцерт получил № 611, а время его функционирования было определено с 1 октября 1939 по 3 марта 1945 г. [14, с. 1812]. За № 1109 в этом же списке значится концентрационный лагерь Остхофен. Период его существования сначала был определен законодателем с 15 апреля до 20 ноября 1933 г. [14, с. 1831], а позднее продлен до 24 мая 1934 г. [15, с. 1577].

Первые узники в концентрационном лагере Остхофен, расположенном в пустующем здании мебельной фабрики, появились 6 марта 1933 г., но официальный статус лагерь получил только 1 мая, когда государственный комиссар полиции земли Гессен Вернер Бест издал соответствующее распоряжение. Остхофен предназначался для содержания лиц, арестованных полицией земли Гессен по политическим причинам на срок более одной недели. Сначала лагерь охраняла вспомогательная полиция, состоявшая из эсэсовцев и штурмовиков из Вормса и его окрестностей, а осенью 1933 г. появилась новая караульная команда – эсэсовцы из Дармштадта и Оффенбаха. Количество заключенных, содержащихся под «превентивным арестом», в Гессене было относительно небольшим. За весь период существования лагеря через него прошли около трех тысяч человек. Как правило, продолжительность ареста составляла 4-6 недель, хотя в отдельных случаях достигала одного года. В отличие от многих других концлагерей, в Остхофене не было случаев смерти, однако узники страдали от издевательств, пыток, плохих санитарно-гигиенических условий, холода и голода – питание состояло, главным образом, из жидкого неприправленного супа и хлеба. Хуже всего приходилось заключенным, находившимся под «усиленным арестом» в так называемом лагере № 2, организованном по соседству с фабрикой в здании старой мельницы.

История Остхофена знает два успешных побега узников. Первый побег 28 апреля 1933 г. совершил коммунист Вильгельм Фогель (1898–1989). Фогелю было приказано мыть машину коменданта лагеря. Оставшись на короткое время без присмотра, он запрыгнул в проезжавшую мимо машину и скрылся. 3 июля 1933 г. с помощью других заключенных и своей невесты из лагеря бежал социал-демократ Макс Чорницкий (1903–1945). Его семья попала под «превентивный арест», но побег имел и иные последствия: были усилены караулы концентрационных лагерей, введен запрет на посещение узников, подвергнуты наказаниям некоторые заключенные. Находясь в эмиграции в Париже, Чорницкий сообщил сведения об Остхофене писательнице-антифашистке Анне Зегерс.

Региональная пресса Гессена с мая 1933 г. регулярно сообщала о событиях в Остхофене, публиковала списки тех, кто был арестован и отправлен в концлагерь. Историки с полным основанием утверждают, что в Гессене не было никого, кто не знал бы о существовании концлагеря Остхофен. Газетные материалы были сильно приукрашены, но своей цели – запугать население – они, несомненно, достигали.

В июле 1934 г. Остхофен, один из немногих оставшихся ранних концлагерей, был закрыт, а находившиеся в нем 84 узника переведены в другие лагеря. Через два года здание фабрики было принудительно продано с торгов. До 1945 г. в нем производилась мебель, а после войны размещались винный склад и фирма по переработке пластиковых отходов.

Уроженка Майнца Анна Зегерс (Нетти Райлинг) в 1942 г. опубликовала в Мехико роман «Седьмой крест», написанный в 1938–1939 гг. [6]. Основываясь на материалах газет и сообщениях свидетелей, она рассказала историю побега семи заключенных из лагеря Вестхофен. Только одному из беглецов, Георгу Гейслеру, удалось оказаться в спасительной эмиграции в Нидерландах. «Вестхофен» стал символом злоупотреблений и убийств в концлагерях. В отличие от романа, в реальном Остхофене не было ни одного случая смерти. В романе побег совершен в 1937 г., когда концлагеря Остхофен уже не существовало. Однако на примере реакции различных групп населения Рейн-Гессена на приход нацистов к власти, на аресты друзей и соседей писательница создала аутентичную общую картину немецкого общества середины 1930-х гг. [9, с. 32–33]. Роман принес Анне Зегерс всемирную известность и до сих пор переиздается в нашей стране в отличие от художественных произведений других немецких антифашистов, написанных в период нацистского господства [1; 2; 4; 7; 8].

* * *

13 600 человек возрасте от 13 до 80 лет более чем из 20 стран Европы прошло через особый лагерь СС / концентрационный лагерь Хинцерт [25, с. 2]. Он был построен в 1938 г. и сначала использовался как лагерь трудового воспитания для наказания «неисправимых лентяев» и «пьяниц» – рабочих Организации Тодта, занятых на строительстве Западного вала и автобанов. 16 октября 1939 г. Хинцерт был преобразован в лагерь для лиц, находящихся под полицейским арестом, и «лагерь перевоспитания». 1 июля 1940 г. он был передан в ведение инспекции концентрационных лагерей СС, получил статус главного концентрационного лагеря и выполнял функции лагеря «повторного онемечивания», «превентивного ареста» и «трудового перевоспитания». 7 февраля 1942 г. он был подчинен Главному экономическому и административному управлению СС. Концентрационному лагерю Хинцерт были организационно подчинены 29 лагерей-филиалов, созданных главным образом в 1944 г. Наконец, 21 ноября 1944 г. лагерь формально утратил свою самостоятельность и сам превратился в филиал концентрационного лагеря Бухенвальд [12, с. 39].

С осени 1939 г. лагерный караул состоял из эсэсовцев, в 1943 г. к охране были привлечены полицейские и солдаты вермахта. Для Хинцерта была характерна большая текучка охранников в связи с призывом на военную службу и переводами в другие лагеря. Подвергалась большим колебаниям и численность караульной команды: если в конце 1940 г. в ней состояли 197 человек, то в июле 1944 г. – только 117 [25, с. 8]. Постоянной оставалась лишь жестокость охранников, основанная на чувстве собственного расового превосходства. Вновь прибывших заключенных в Хинцерте встречали бранью и побоями, вместо имен присваивали номера и сообщали, что в лагере все команды исполняются бегом. Лагерную повседневность определяли страх перед побоями, голод и изнурительный труд. Условия существования узников и распорядок дня принципиально не отличались от других концентрационных лагерей: подъем в 5 часов утра летом и в 6 часов зимой, зарядка, умывание, завтрак – хлеб с маргарином или мармеладом, эрзац-кофе. Тем, кто оставался на работы в лагере, в 12 часов давали суп. Работа продолжалась до 18 часов. На ужин в 19 часов вновь давали суп или только чай. В 21 час звучала команда «отбой».

В июле 1941 г. в Хинцерт были переведены 437 интернированных немцев, ранее служивших во Французском иностранном легионе. С мая 1942 по октябрь 1943 г. в лагерь поступило около 2 000 борцов Сопротивления из Франции, Бельгии и Нидерландов, арестованных в ходе акции «Мрак и туман». В июне 1943 г. в Хинцерт начали прибывать польские подневольные работники, арестованные за связи с «арийскими» женщинами [23, с. 57–59]. Хотя лагерь был рассчитан на пребывание 560 заключенных, в нем одновременно находилось от 1 200 до 1 500 узников. В годы Второй мировой войны Хинцерт оправдывал свое название «особый лагерь». Не будучи лагерем уничтожения, он не располагал газовыми камерами и крематориями, но в нем совершались казни небольших групп узников:

– 16 октября 1941 г. во исполнение «приказа о комиссарах» здесь сделали смертельные инъекции 70 советским военнопленным;

– 2–5 сентября 1942 г. в Хинцерте были расстреляны 20 граждан Люксембурга, приговоренных к смерти за организацию всеобщей стачки против введения всеобщей воинской повинности;

– в 1944 г. жертвами массового расстрела стали еще 23 гражданина Люксембурга, обвиненных в организации антигитлеровского Сопротивления.

Останки казненных закапывали в близлежащем лесу. Французская военная администрация оценивала общее число погибших в Хинцерте в 1 000 человек. К настоящему времени точно установлено, что помимо 113 казненных от побоев, пыток, недоедания и непосильного труда умерли 208 заключенных [23, с. 56–57].

В результате воздушного налета 22 февраля 1945 г. лагерь был частично разрушен, а в марте большинство узников отправили в Бухенвальд. Во время «марша смерти» трое заключенных погибли, остальные оказались на свободе после бегства охранников. Узников, оставшихся в лагере, в середине марта 1945 г. освободили американские войска [25, с. 6–7].

* * *

Начиная с 1948 г. власти федеральной земли Рейнланд-Пфальц предпринимали некоторые усилия по сохранению памяти о нацистских концентрационных лагерях. Однако в течение 40 лет активность властей сводилась к организации торжественных мероприятий на кладбище бывшего концентрационного лагеря Хинцерт и финансовой поддержке частных

инициатив. В этих условиях увековечение памяти жертв нацизма было делом отдельных активистов и общественных организаций. В 1972 г. по инициативе Карла Шрайбера группа бывших узников при поддержке Союза лиц, подвергавшихся преследованиям при нацистском режиме / Союза антифашистов объединилась в Кружок бывших узников лагеря. 27 мая 1972 г. у здания фабрики был проведен митинг, на котором бывшие заключенные поделились своими воспоминаниями. Жители города Остхофен отнеслись к происходящему враждебно и назвали выступавших клеветниками. Такая реакция объяснялась желанием стереть из памяти прошлое мебельной фабрики, ведь родственники многих жителей служили в лагере охранниками. После длительной тяжбы с владельцем здания Кружок бывших узников лагеря 18 ноября 1978 г. установил на внешней стене фабрики малоприметную бронзовую памятную доску с надписью «Здесь в 1933–1935 гг. был гессенский концентрационный лагерь Остхофен. Никогда снова!»

В 1979 г. увидела свет первая публикация о концлагере Остхофен, написанная Паулем Грюневальдом [21].

В 1982–1986 гг. за сохранение памяти о концентрационном лагере Остхофен активно выступали молодежная профсоюзная организация Рейнланд-Пфальца и Гессена, Союз за окружающий мир и охрану природы Рейнланд-Пфальца и Христианская служба мира из Франкфурта-на-Майне. Они предлагали взять здание фабрики под охрану как исторический памятник, установить на территории бывшего концлагеря обелиск, открыть центр документации, центр встреч и учебную мастерскую для безработной молодежи. Однако эти инициативы наталкивались на сопротивление администрации округа Вормс и городского совета Остхофена. 16 октября 1986 г. был создан «Союз содействия проекту Остхофен. Инициатива за центр документации, центр встреч и образовательную мастерскую бывшего концентрационного лагеря Остхофен» [19]. Членами-учредителями Союза стали Христианская служба мира, Молодежная профсоюзная организация Рейнланд-Пфальца, Кружок бывших узников лагеря, Союз лиц, подвергавшихся преследованиям при нацистском режиме / Союз антифашистов.

В 1986 г. профессор высшей школы Касселя Айке Хеннинг приступил к интервьюированию бывших заключенных, положив начало сбору источников по истории концлагеря.

В 1988 г. «Союз содействия» получил от ландтага Рейнланд-Пфальца дотацию на один год в размере 190 тысяч марок, и с 1 сентября в двух арендованных помещениях бывшего концентрационного лагеря Остхофен к работе приступили два сотрудника, которые осуществляли сбор архивных документов, педагогическое сопровождение молодежных встреч, разрабатывали программы учебных мероприятий и налаживали связи с общественностью. 30 октября 1989 г. была открыта первая выставка о лагере Остхофен, организованная «Союзом содействия». В мае 1991 г. правительство земли Рейнланд-Пфальца выкупило фабричные здания и прилегающую территорию за 1,15 млн марок.

Предоставление дотации побудило фракцию СДПГ в ландтаге Рейнланд-Пфальца выступить с инициативой создания в Остхофене мемориала, выполняющего функцию центра гражданского образования. После выборов в ландтаг 1991 г. было заключено коалиционное соглашение между СДПГ и СвДП, в котором говорилось, что «забота о мемориалах, таких как концентрационные лагеря Остхофен и Хинцерт, должна оставаться составной частью проработки нашего прошлого... Земельный центр политического образования должен проводить специальную просветительскую работу о периоде национал-социализма применительно к истории Рейнланд-Пфальца» [20].

В 1992 г. центр политического образования земли Рейнланд-Пфальц приступил к расширению мемориалов Остхофена и Хинцерта. Два года спустя начался систематический сбор документов из иностранных архивов, фотографий, свидетельств современников, микрофильмов и диамикрокарт об Остхофене и Хинцерте. С этой целью в 1996 г. был учрежден Центр документации Рейнланд-Пфальца о национал-социализме, располагавшийся сначала в Майнце, а с 2002 г. – в мемориале Остхофен. Центр документации и мемориал в Остхофене выполняют функции сбора и хранения документов, являются местом поминовения, площадкой для научных исследований и педагогической работы. Имеющиеся в Центре документальные материалы относятся к истории концентрационных лагерей Остхофен и Хинцерт, а также к истории земли Рейнланд-Пфальц при национал-социализме. Все собранные документы занесены в базу данных и доступны для исследовательской работы в читальном зале. Для помощи исследователям предназначена библиотека из 4 000 томов, посвященных, главным образом, истории Рейнланд-Пфальца в нацистский период. Все эти материалы предназначены

не только для ученых, они используются в педагогической работе со студентами и школьниками [10, с. 16].

В ноябре 1996 г. в мемориале Остхофен открылась временная экспозиция, а в мае 2004 г. – постоянная экспозиция «Преследование и Спротивление в Рейнланд-Пфальце, 1933–1945» с акцентом на концентрационные лагеря Остхофен и Хинцерт. Ее посетители знакомятся не только с судьбами узников и борцов Спротивления, но и с биографиями тех, кто осуществлял нацистский террор. Отдельный зал посвящен роману «Седьмой крест» и биографии Анны Зегерс. Выставка состоит из информационных стендов с текстами и фотографиями. В витринах с выдвигаемыми ящиками представлены биографические сведения о жертвах концлагерей, а на больших экранах показываются фильмы о событиях 1933–1945 гг. в Остхофене, Хинцерте и других населенных пунктах Рейнланд-Пфальца. Для получения дополнительной информации предназначены аудиостанции и интерактивные карты по истории национал-социализма в регионе, системе концлагерей и лагерям Остхофен и Хинцерт [10, с. 15].

На территории мемориала находится несколько скульптур, которые позволяют понять и почувствовать историю посетителям, не имеющим исторических знаний. Еще в 1990 г. франкфуртский скульптор Фридрих Вельге создал скульптуру «Извивающийся». В задней части зала, служившего баракком для узников, установлена инсталляция «Яма», созданная художницей из Майнца Феей Флек. Она посвящена расстрелу еврейских детей в Белой Церкви в августе 1941 г. Летом 2000 г. пять скульпторов поставили во дворе бывшего концлагеря 5 скульптур с названием «Насилие».

По иному сценарию развивалась история открытия мемориала в бывшем концентрационном лагере Хинцерт. Уже в 1945 г. люксембургцы установили здесь так называемый «хинцертский крест» и обелиск с надписями на французском и немецком языках. По распоряжению французской военной администрации сохранившиеся бараки были проданы, а площадь лагеря использована для сельскохозяйственных целей. Французская комиссия произвела эксгумацию останков жертв массовых казней и останков умерших узников. Останки опознанных жертв нацистского террора были направлены во Францию и Люксембург. Останки 217 человек, которых не удалось идентифицировать или отправить на родину, были захоронены на мемориальном кладбище, открытом весной 1946 г. на месте бывших помещений караульной команды. Одновременно началось строительство кладбищенской капеллы, которая была открыта 4 ноября 1948 г.

В 1960 г. на кладбище появилась бронзовая табличка с фамилиями погибших и странами их происхождения. В 1982 г. была установлена памятная доска на капелле, потом к ней добавились еще две: от французской и от люксембургской стороны. На французской доске, установленной 27 октября 1997 г., говорится: «Французским гражданам, депортированным в ходе акции “Мрак и туман”. Узникам особого лагеря СС / концлагеря Хинцерт. Никакой ненависти, но и никакого забвения». Центральным памятником кладбища стал открытый 11 октября 1986 г. памятник бывшего узника Люсьена Верколье. На латыни и на немецком языке на памятнике написано: «Преисполнен человечности, мира и справедливости». С 1983 г. школьники гимназии Хермескайль под руководством Фолькера Шнайдера занимались проектной работой по истории лагеря и обращением с ней. В 1986 г. по инициативе школы был установлен обелиск в честь убитых советских военнопленных.

В 1989 г. был основан «Союз содействия центру документации и центру встреч бывшего концентрационного лагеря Хинцерт». В настоящее время в нем состоит 9 католических и молодежных организаций, а также 60 частных лиц [18]. В 1991–1992 гг. центр политического образования земли Рейнланд-Пфальц по инициативе земельного правительства разработал концепцию мемориала, в 1994 г. появилась информационная система «Места бесчеловечности», которая рассказывала о пунктах близ лагеря и их историческом значении. В 1997 г. в юго-восточной части кладбища была установлена информационная доска на четырех языках (английском, немецком, французском и польском), которая кратко поясняла исторический контекст этого захоронения.

В 2002 г. все четыре фракции ландтага Рейнланд-Пфальца проголосовали за инициативу земельного центра политического образования и «Союза содействия» о создании в Хинцерте мемориала и центра встреч. Был проведен международный архитектурный конкурс на здание центра документации с участием архитекторов из Германии, Франции, Бельгии, Люксембурга. На конкурс было представлено 28 проектов, которые оценивало жюри в составе архитекторов, историков, бывших узников из Люксембурга и Франции. Победу одержал проект

Вольфганга Лорха и Николауса Хирша из Саарланда. Федеральное и земельное правительства выделили на строительство 3,18 млн евро [25, с. 3].

10 декабря 2005 г., в день прав человека в мемориале Особый лагерь СС / концентрационный лагерь Хинцерт была открыта постоянная экспозиция. На церемонии открытия присутствовали премьер-министр Рейнланд-Пфальца Курт Бек, премьер-министр Великого герцогства Люксембургского Жан-Клод Юнкер, генеральный консул Французской Республики, генеральный консул Нидерландов, дипломатические представители Польши, России, Сербии и Черногории. Лейтмотивом всех выступлений звучали слова: «Никогда снова фашизм! Никогда снова война!» [22].

Разработкой концепции экспозиции руководил известный исследователь истории национал-социализма, профессор Технического университета Берлина Вольфганг Бенц, материалы для экспонирования предоставляли многочисленные организации и учреждения Франции, Люксембурга, Германии, в том числе Федеральный архив. Кроме большого выставочного пространства в здании есть помещения для семинаров и обсуждения, в которых могут работать группы до 35 человек, и помещение земельного центра политического образования. Здание приспособлено для работы со школьными классами, группами молодежи и взрослых из Германии и из-за рубежа. Экспозиция позволяет получить информацию об истории концентрационного лагеря с помощью документов, фотографий, фильмов и прежде всего многочисленных свидетельств современников. Она состоит из семи тем:

- 1) Вводная информация о концлагере Хинцерт;
- 2) История лагеря;
- 3) Узники;
- 4) Преступники и преступления;
- 5) Убийства в Хинцерте (Убийство советских военнопленных в 1941 г.; Убийство граждан Люксембурга после стачки 1942 г.; Убийства борцов Сопротивления из Люксембурга);
- 6) Лагерная повседневность;
- 7) Художественные свидетельства.

На выставке действует система аудиогuida на английском и французском языках. Тексты на стендах тоже можно прослушать на этих языках.

В радиусе 5 км от лагеря расположены десять мест, которые напоминают о страданиях узников Хинцерта или убийстве различных групп заключенных – «места бесчеловечности»:

- Бывшая кварцитовая каменоломня (место расстрела в 1942 г.)
- Обелиск жертвам стачки 1942 г.
- Жертвам стачки из Люксембурга 1942 г. (у бывшей массовой могилы)
- Убитые советские военнопленные 1941 г. (информация на обелиске)
- Массовая могила советских военнопленных (у ямы)
- Жертвы приказа «Мрак и туман» 1942/43 г. (у ямы)
- Обелиск борцам Сопротивления 1944 г.
- Люксембургские борцы Сопротивления 1942 г. (у бывшей массовой могилы)
- Бывшее кладбище узников 1942–1944 гг.
- Ямы для запланированной массовой ликвидации 1944 г.

При хорошей погоде посетители могут объехать их на автобусе.

«Большинство современных немцев воспринимает концлагеря, Освенцим и Холокост как единое целое», – пишет израильский историк Николаус Вахсман [5, с. 18]. Его мнение подтверждается и сотрудниками мемориалов Остхофен и Хинцерт, которые отмечают удивление посетителей, не обнаруживших в бывшем концлагере газовых камер, крематориев и иных доказательств массовых убийств. Это широко распространенное заблуждение служит в Остхофене и Хинцерте исходным пунктом для педагогической работы [17, с. 8]. Многие учителя отмечают, что изучение истории «в аутентичном месте» имеет очень большое значение, а один педагог сказал о мемориале Остхофен, что один час пребывания здесь равноценен 10 урокам в школе. Доступная информация о количестве посетителей мемориалов отсутствует, автору удалось выяснить лишь то, что мемориал Остхофен в 2016 г. посетили 13 тысяч человек, главным образом школьников и молодых людей.

Работа с исторической памятью рассматривается в обоих мемориалах как интегральная составная часть гражданского образования молодежи и людей старшего возраста. При этом педагогические работники убеждены в том, что информацию о нацистском прошлом нельзя

навязывать. В этом случае у граждан возникнет отторжение к знакомству с историей национал-социализма и концентрационных лагерей, посещение мемориалов превратится в выхолощенный ритуал, а эмпатия жертвам нацистского террора будет неискренней, показной. Поэтому в педагогической деятельности обоих мемориалов делается акцент на изучение биографий жертв и их страданий в нацистских лагерях, а также на действия тех, кто совершал преступления. В более широком плане сохранение памяти о концентрационных лагерях служит развитию и укреплению демократических убеждений, уважения прав человека, побуждает к активной гражданской позиции. Гражданское образование в мемориалах Остхофен и Хинцерт основано на том, что «извлечение уроков из истории» не работает само по себе, что, несмотря на горький опыт национал-социализма, в Германии и других странах не исчезли проявления враждебности к отдельным группам людей, неприятия свободного и демократического общества, неуважения прав человека. Поэтому темами бесед с посетителями мемориалов является не только история нацистских концентрационных лагерей, но и проблемы современности: межкультурное воспитание, миграционная педагогика, демократия, права человека [24, с. 6].

Основной формой педагогической и просветительской деятельности мемориалов являются экскурсии. В Остхофене они проводятся для групп от 10 человек и адаптируются под исторические знания, уже имеющиеся у школьников того или иного класса или типа школы. Экскурсия длится 3-3,5 часа, включая перерывы. Она начинается с вводной беседы по истории лагеря, которая проводится в форме диалога. Демонстрируются фотографии (и документальные фильмы с одним из современников). Затем проводится прогулка по территории лагеря и посещение экспозиции «Преследование и Сопротивление в Рейнланд-Пфальце, 1933–1945». После этого еще раз проводится беседа с группой, даются ответы на ранее заданные или новые вопросы, посетители обмениваются впечатлениями. В мемориале могут одновременно проводиться экскурсии для трех школьных классов. По предварительной договоренности возможны экскурсии на английском языке. Отдельные экскурсионные программы составлены для учеников начальной школы (6-10 лет) и учащихся школ для отстающих. Школьные классы и молодежные группы из Рейнланд-Пфальца могут получить от земельного центра политического образования дотацию на проезд в размере 50% стоимости поездки.

Экскурсия в Хинцерте проводится в течение 2,5-3 часов, в течение которых экскурсовод дает общие сведения о нацистской системе концентрационных лагерей, создании, функциях и роли концентрационного лагеря Хинцерт, посетители осматривают постоянную экспозицию и территорию мемориала, с помощью экскурсовода они определяют, где находились различные лагерные постройки. В завершение посетители задают вопросы, обмениваются впечатлениями и мнениями.

В обоих мемориалах проводятся бесплатные экскурсии для всех желающих. В Остхофене – каждое первое воскресенье месяца, в Хинцерте – каждый первый и третий понедельник месяца [16, с. 10–11].

Педагогическая и просветительская деятельность мемориалов выходит далеко за рамки классических экскурсий. Для отдельных групп предлагаются специальные экскурсии с акцентами, обязательно связанными с концлагерем Остхофен:

– «Полиция при национал-социализме» – рассматривается роль полиции на начальном этапе нацистского господства и ее роль в создании концлагеря Остхофен, биографии полицейских, жертв, преступников, история полиции во время Второй мировой войны и в послевоенное время на региональных примерах. Аудитория – группы служащих полиции, органов юстиции, взрослых и старших школьников.

– «Концлагерь Остхофен в литературе – “Седьмой крест” Анны Зегерс»: сходства и различия Вестхофена и Остхофена. Желательно предварительное прочтение романа.

– «Профсоюзные активисты в концлагере Остхофен»: многодневная биографическая мастерская, на которой из документов и материалов составляются биографии. Преследование и Сопротивление профсоюзов. Предлагается 11 биографий. Аудитория – представительства молодых работников, доверенные лица профсоюзов, заинтересованная молодежь и взрослые.

– «Еврейские узники в концлагере Остхофен» (Новая. Было 146 узников-евреев).

В последние годы возрастает значение проектных дней продолжительностью не менее 5 астрономических часов и проектных недель, которые позволяют получить углубленные знания о структурах национал-социализма и мотивах действующих лиц. Их цель – дать инструменты, которые помогут разобраться в политических и морально-этических вопросах

современности. Исторические факты соотносятся с актуальными общественно-политическими вопросами, собственная личность осознается как актер исторического процесса. Примеры тем: «Концлагерь Остхофен в прессе (газетные сообщения 1933–1934 гг.)», «Узники – биографии и рассказы заключенных», «Руководство лагеря и охранники», «Сопrotивление национал-социализму», «Развитие мемориала». С методической точки зрения работа может быть организована как писательская мастерская (диалогическое письмо) через креативное рисование и конструирование, сценическое изображение или ролевую игру, работу с кино- и фотодокументами, работу с биографиями. Для группы могут быть подобраны документы о людях, которые проживали конкретно в их населенном пункте. Работа с такими документами, которые не подвергались обработке, в отличие от школьных учебников, напечатаны на машинке и содержат сокращения, пригодна для учащихся старших классов, студентов, стажеров. При этом используются не заранее подготовленные папки, а материалы из архива, библиотеки, медиатеки. Для работы над проектами предназначено четыре оборудованных помещения [16, с. 12–13].

В мемориале Хинцерт тематика проектных дней определяется отдельно для каждой группы школьников. Как правило, работа над проектом начинается с посещения участниками мемориального кладбища, капеллы и памятника с использованием тематической папки «Поиск следов в Хинцерте». После этого школьники получают задание и самостоятельно знакомятся с постоянной экспозицией мемориала. Затем им предлагается обсудить результаты и, работая в малых группах, выразить свое отношение к концентрационному лагерю с помощью рисунков или скульптур [11].

В апреле 2012 г. в Остхофене проводился геокэшинг, участники которого в игровой форме получили информацию об истории и функциях лагеря, заключенных, охранниках и лагерной администрации.

Несколько раз в год мемориалы проводят курсы повышения квалификации для учителей, специалистов по образованию молодежи и образованию взрослых по истории, мемориальной педагогике, актуальным темам. В Остхофене темами таких курсов являются «Жизнь евреев в Германии», «Иудаизм и ислам», «Педагогические возможности работы с антициганизмом», «Практическое преподнесение истории в миграционном обществе», «Работа с современниками событий», «Возможности замены романа “Седьмой крест”».

Мемориал Остхофен не только работает с организованными группами, но и предоставляет возможность углубиться в историю концентрационного лагеря индивидуальным посетителям. На территории мемориала расположены 6 стендов с текстами, которые содержат информацию о событиях и значении отдельных мест в истории лагеря, а также QR-коды, позволяющие получить дополнительные сведения о назначении некоторых помещений и сооружений во время существования концлагеря. Помимо этого, индивидуальные посетители могут получить дополнительную информацию о нацистском периоде в Рейнланд-Пфальце с помощью специальных компьютеров на «станции углубления» [10, с. 16–17].

Учителя могут бесплатно получить в мемориалах три кейса для использования на уроках и внеурочной работы, разработанные другими образовательными и просветительскими центрами: «Анна Франк и все остальные» (подборка литературы о национал-социализме для детей и молодежи и сопровождающие педагогические материалы), «Дети о Холокосте» (материалы по театральной педагогике), «Разделять историю(и). Изучение национал-социализма методами межкультурной педагогики» (документы и дидактическими материалы к ним).

Память о нацистских концентрационных лагерях сохраняется на сайтах земельного центра политического образования и сайтах союзов содействия мемориалам Остхофен и Хинцерт. Кроме того, проводится активная издательская деятельность. Мемориалы и земельный центр политического образования публикуют научные исследования, работы по музейной педагогике, воспоминания узников. Часть из них можно получить бесплатно на бумажном носителе или в электронной форме. В 2008 г. земельный центр политического образования Рейнланд-Пфальца выпустил на DVD документальный 29-минутный фильм «В начале стояло насилие. Концентрационный лагерь Остхофен, 1933–1934» на немецком и английском языках. Ежегодно в Остхофене и Хинцерте проводятся десятки лекций, семинаров и курсов для всех желающих. В 2018 г. ежегодный читательский праздник «Франкфурт читает книгу», проводимый в регионе Рейн-Майн, был посвящен роману Анны Зегерс «Седьмой крест».

Таким образом, память о нацистских концентрационных лагерях в Рейнланд-Пфальце с 1970-х гг. сохранялась по инициативе отдельных граждан и общественных организаций. По-

сле объединения Германии, когда началась современная «фаза активной культуры памяти» [3, с. 351], «переработка» нацистского прошлого стала частью государственной политики, проводить которую уполномочен земельный центр политического образования. Ключевую роль в извлечении уроков из нацистского прошлого в федеральной земле Рейнланд-Пфальц играют мемориалы, созданные на месте бывших концентрационных лагерей Остхофен и Хинцерт. Целью просветительской и педагогической работы этих мемориалов является воспитание граждан, уважающих демократические государственные институты, права и достоинство человека, занимающих активную гражданскую позицию и отвергающих насилие, дискриминацию и ксенофобию. Акцент в работе мемориалов делается на воспитание молодежи, прежде всего школьного возраста. Государственное финансирование и взносы благотворителей дают возможность не только организовывать разнообразную работу со школьниками, студентами, учителями, взрослыми посетителями в мемориалах, но и распространять знания о нацистских концентрационных лагерях в сети Интернет, издавать общедоступную научную и популярную литературу, вовлекать широкую общественность в процесс извлечения уроков из нацистского прошлого.

Список литературы

1. Беймлер Г. Лагерь смерти Дахау. М. : Изд-во ЦК Мопр СССР, 1933. 38 с.
2. Биллингс К. Заключенный № 880. М. : Гослитиздат, 1936. 179 с.
3. Борозняк А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX века и начала XXI века М. : Политическая энциклопедия, 2014. С. 351.
4. Бредель В. Испытание. М. : Гослитиздат, 1935. 255 с.
5. Вахсман Н. История нацистских концлагерей. М. : Центрполиграф, 2017. 783 с.
6. Зеерс А. Седьмой крест. М. : Иностранная литература, 1949. 398 с.
7. Лангхофф В. Болотные солдаты. М. : Художественная литература, 1936. 254 с.
8. Хорнунг В. Дахау. Л. : Художественная литература, 1938. 417 с.
9. Adeoso M.-S. Wo Georg Heislars Flucht begann // Frankfurter Rundschau. 2018. 16. April. Pp. 32–33.
10. Arenz-Morch A., Ruppert-Kelly V. Die Gedenkstätte KZ Osthofen // Blätter zum Land. 1. Affl. Osthofen, 2010. 19 p.
11. Beispielhafter Verlauf eines Projekttagess in der Gedenkstätte Hinzert. URL: <https://www.gedenkstaette-hinzert-rlp.de/index.php?id=1148&L=0>.
12. Benz W. Die Verortung des SS-Sonderlager / KZ Hinzert im System der Konzentrationslager // Das SS-Sonderlager / KZ Hinzert und die Verwaltungszentralen des KZ-Systems. Mainz ; Hinzert: Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz, 2012. Pp. 36–50.
13. Bundesgesetzblatt. 1967. Teil I.
14. Bundesgesetzblatt. 1977. Teil I.
15. Bundesgesetzblatt. 1982. Teil I.
16. Dehoff R., Ruppert-Kelly M. Die pädagogische Angebote der Gedenkstätte KZ Osthofen // «Nicht in der Art, wie man KZ eigentlich kennt» – Die Pädagogik in der Gedenkstätte Osthofen. Mainz ; Osthofen : Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz, 2017. Pp. 10–17.
17. Dehoff R., Ruppert-Kelly M. Vorwort // «Nicht in der Art, wie man KZ eigentlich kennt» – Die Pädagogik in der Gedenkstätte Osthofen. Mainz ; Osthofen : Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz, 2017. Pp. 8–10.
18. Förderverein Gedenkstätte KZ Hinzert e. V. URL: <http://www.lagrlp.de/index.php/mitglieder/70-wittlich-foerdereverein-gedenkstaette-kz-hinzert-e-v>.
19. Förderverein Projekt Osthofen e. V. URL: <http://projektosthofen-gedenkstaette.de/index.php>.
20. Gedenkstättenarbeit des Landes Rheinland-Pfalz. URL: <https://www.gedenkstaette-osthofen-rlp.de/index.php?id=1081&L=1>.
21. Grünwald P. KZ Osthofen. Materialien zur Geschichte eines fast vergessenen Konzentrationslagers. Frankfurt am Main : Röderberg-Verlag, 1979. 80 p.
22. Hinzert – ein anderer Lernort. Eröffnung des neuen Dokumentationszentrums an der Gedenkstätte SS-Sonderlager / KZ Hinzert. Mainz : Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz, 2007. 27 p.
23. Klasen K. Allgegenwärtig? Die Geheime Staatspolizei und das SS-Sonderlager / KZ Hinzert. Mainz ; Hinzert : Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz, 2015. 152 S.
24. Kukatzki B. Grußwort // «Nicht in der Art, wie man KZ eigentlich kennt» – Die Pädagogik in der Gedenkstätte Osthofen. Mainz ; Osthofen : Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz, 2017. Pp. 6–7.
25. Welter B., Bader U. Die Gedenkstätte SS-Sonderlager / KZ Hinzert // Blätter zum Land. 3. Affl. Osthofen, 2013. 19 p.

Memory of the Nazi concentration camps in the Federal state of Rheinland-Pfalz

A. M. Ermakov

Doctor of Historical Sciences, associate professor, Vice-rector for academic affairs, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: a.ermakov@yspu.org

Abstract. The article examines the history of the Nazi concentration camps Osthofen and Hinzert, the state policy of memory in Germany, public initiatives to preserve the memory of anti-fascists and victims of Nazi crimes, as well as the role of memorials Osthofen and Hinzert in the civil education of residents of the Federal state of Rheinland-Pfalz. The author reveals the history of the Osthofen and Hinzert concentration camps, shows their functions in the system of repressive bodies of the Hitlerite state, the number and categories of prisoners, their daily routine, the conditions of quartering and feeding, and the treatment of prisoners by the camp administration and guards. Information is given about the stay of Soviet prisoners of war, citizens of France and Luxembourg in concentration camps. The features of the memory policy of the French occupation administration, as well as the memory policy of the government and the Landtag of the Federal state of Rheinland-Pfalz are revealed. The article analyzes the actions of individual citizens and public organizations aimed at countering the oblivion of the fate of German and foreign anti-fascists in the Osthofen and Hinzert concentration camps. Forms and methods of pedagogical work memory locations Osthofen and Hinzert are characterized, a circle of addressees of their educational and outreach activities, specificity of pedagogical and educational work of memorials to different groups of visitors is stated. The article provides information about the role of German scientists and historians in the formation and functioning of memorials and educational centers in the Federal state of Rheinland-Pfalz. The stages of origin and development of places of memory Osthofen and Hinzert are highlighted, and their role in the system of civil education in modern Germany is shown. It is proved that the purpose of educational and pedagogical work of these memorials is to educate citizens who respect democratic state institutions, human rights and dignity, take an active civil position and reject violence, discrimination and xenophobia.

Keywords: historical memory, memorial culture, Museum pedagogy, civic education, concentration camps, Nazi crimes, Rheinland-Pfalz.

References

1. *Beimler G. Lager' smerti Dachau* [Dachau death camp]. M. Central Committee of the MOPR of the USSR. 1933. 38 p.
2. *Billinger K. Zaklyuchennyj № 880* [Prisoner № 880]. M. Goslitizdat. 1936. 179 p.
3. *Boroznyak A. I. Zhestokaya pamyat'. Nacistiskij rejh v vospriyatii nemcev vtoroj poloviny XX veka i nachala XXI veka* [Cruel memory. The Nazi Reich in the perception of Germans in the second half of the XX century and the beginning of the XXI century]. M. Political encyclopedia. 2014. 351 p.
4. *Bredel V. Ispytanie* [Trial]. M. Goslitizdat. 1935. 255 p.
5. *Wachsmann N. Istoriya nacistiskih konclagerej* [History of Nazi concentration camps]. M. Tsentrpoligraf. 2017. 783 p.
6. *Zegers A. Sed'moj krest* [Seventh cross]. M. Foreign literature. 1949. 398 p.
7. *Langhoff V. Bolotnye soldaty* [Bog soldiers]. M. Khudozhestvennaya Literatura. 1936. 254 p.
8. *Hornung V. Dachau* [Dachau]. Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura. 1938. 417 p.
9. *Adeoso M.-S. Wo Georg Heislers Flucht begann // Frankfurter Rundschau*. 2018. 16. April. Pp. 32-33.
10. *Arenz-Morch A., Ruppert-Kelly V. Die Gedenkstätte KZ Osthofen // Blätter zum Land*. 1. Affl. Osthofen, 2010. 19 p.
11. Beispielhafter Verlauf eines Projekttag in der Gedenkstätte Hinzert. Available at: <https://www.gedenkstaette-hinzert-rlp.de/index.php?id=1148&L=0>.
12. *Benz W. Die Verortung des SS-Sonderlager / KZ Hinzert im System der Konzentrationslager // Das SS-Sonderlager / KZ Hinzert und die Verwaltungszentralen des KZ-Systems*. Mainz; Hinzert: Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz, 2012. Pp. 36-50.
13. Bundesgesetzblatt. 1967. Teil I.
14. Bundesgesetzblatt. 1977. Teil I.
15. Bundesgesetzblatt. 1982. Teil I.
16. *Dehoff R., Ruppert-Kelly M. Die pädagogische Angebote der Gedenkstätte KZ Osthofen // "Nicht in der Art, wie man KZ eigentlich kennt" – Die Pädagogik in der Gedenkstätte Osthofen*. Mainz; Osthofen: Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz, 2017. Pp. 10-17.
17. *Dehoff R., Ruppert-Kelly M. Vorwort // "Nicht in der Art, wie man KZ eigentlich kennt" – Die Pädagogik in der Gedenkstätte Osthofen*. Mainz; Osthofen: Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz, 2017. Pp. 8-10.
18. Förderverein Gedenkstätte KZ Hinzert e. v. Available at: <http://www.lagrlp.de/index.php/mitglieder/70-wittlich-foerderverein-gedenkstaette-kz-hinzert-e-v>.

19. Förderverein Projekt Osthofen e. v. Available at: <http://projektosthofen-gedenkstaette.de/index.php>.
20. Gedenkstättenarbeit des Landes Rheinland-Pfalz. Available at: <https://www.gedenkstaette-osthofen-rlp.de/index.php?id=1081&L=1>.
21. *Grünwald P.* KZ Osthofen. Materialien zur Geschichte eines fast vergessenen Konzentrationslagers. Frankfurt am Main: Röderberg-Verlag, 1979. 80 p.
22. Hinzert – ein anderer Lernort. Eröffnung des neuen Dokumentationszentrums an der Gedenkstätte SS-Sonderlager / KZ Hinzert. Mainz: Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz. 2007. 27 p.
23. *Klasen K.* Allgegenwärtig? Die Geheime Staatspolizei und das SS-Sonderlager / KZ Hinzert. Mainz; Hinzert: Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz, 2015. 152 p.
24. *Kukatzi B.* Grußwort // "Nicht in der Art, wie man KZ eigentlich kennt" – Die Pädagogik in der Gedenkstätte Osthofen. Mainz; Osthofen: Landeszentrale für politische Bildung Rheinland-Pfalz. 2017. Pp. 6–7.
25. *Welter B., Bader U.* Die Gedenkstätte SS-Sonderlager / KZ Hinzert // Blätter zum Land. 3. Affl. Osthofen, 2013. 19 p.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 970

DOI 10.25730/VSU.2070.19.032

К вопросу о конфликтах низкой интенсивности в стратегии США*

Д. А. Садаков

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0003-4308-7276. E-mail: rstk2005@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования в научном обороте термина «конфликты низкой интенсивности». Это понятие появилось в поствьетнамскую эру в риторике американских политиков и военных в качестве эвфемизма для вооруженных противостояний с партизанским движением или повстанцами. В январе 1986 г. госсекретарь Дж. Шульц назвал данный тип конфликтов важнейшим вызовом, с которым США будут сталкиваться как минимум до конца XX века. Понятие «конфликт низкой интенсивности» используется и в американских официальных документах, в частности в полевом уставе сухопутных войск США. В то же время ученые, занимавшиеся данной проблематикой, отмечали размытость и туманность данного термина. В статье предпринята попытка описать спектр мнений различных отечественных и зарубежных исследователей по вопросу об определении термина «конфликты низкой интенсивности», в том числе авторов коллективной монографии Института США и Канады РАН «Конфликты низкой интенсивности в американской военно-политической стратегии в начале XXI века», изданной в 2018 г.

Ключевые слова: конфликты низкой интенсивности, США, борьба с терроризмом, историография, насилие.

Проблематика конфликтов низкой интенсивности является сегодня высокоактуальной. Во многом это связано с тем, что Россия принимает прямое или опосредованное участие в целом ряде подобных противостояний по всему миру (Сирия, Ливия, Венесуэла, ЦАР, Украина). В значительном числе случаев одним из оппонентов Российской Федерации выступают Соединенные Штаты Америки. Критическое значение в этих условиях приобретает умение разобраться в стратегии противостоящей державы и правильно оценить значение предпринимаемых ею политических шагов. Не следует забывать, что в том числе и просчеты США в анализе стратегии РФ обусловили первоначальный успех действий Кремля, к примеру, на Украине в 2014 г. и в Сирии с 2015 г. по настоящее время. В США проработка стратегии в отношении конфликтов низкой интенсивности началась еще в 1980-х гг. администрацией президента Р. Рейгана. В январе 1986 г. госсекретарь Дж. Шульц назвал данный тип конфликтов важнейшим вызовом, с которым США будут сталкиваться как минимум до конца XX века [10].

В этих условиях принципиальное значение приобретает вопрос о выборе четких критериев для определения понятия «конфликт низкой интенсивности». В полевом уставе сухопутных войск США конфликт низкой интенсивности трактуется как «политико-военная конфронтация между противостоящими государствами и группами». Этот термин выражает «промежуточное состояние между большой войной и рутинным мирным соревнованием, зачастую предусматривает затяжную борьбу принципов и идеологий. Конфликт низкой интенсивности простирается от подрывных действий до применения вооруженных сил, ведется при помощи комбинации политических, экономических, информационных и военных инструментов. Конфликты низкой интенсивности часто локализованы, обычно в странах третьего мира, они могут иметь последствия для региональной и глобальной безопасности» [3, с. 6; 13].

В то же время детальное определение конкретных параметров понятия «конфликт низкой интенсивности» легло на плечи науки. Еще в конце 1980-х гг. этот термин стал подвергаться кри-

© Садаков Д. А., 2019

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501).

тике. Например, Дж. Клингаман, один из авторов работы «Конфликты низкой интенсивности в третьем мире», подчеркнул, что «отсутствие концептуальной ясности, присущее столь относительному термину», исключает успех любых попыток «дать более точное определение и усложняет процесс формирования политики». Этот исследователь обращал внимание на то, что понятие «конфликт низкой интенсивности» появилось в поствьетнамскую эру как эвфемизм, когда такие классические понятия как «повстанческое движение» и «партизанская война» у многих людей вызывали стойкие ассоциации с горькой судьбой авантюризма в американской внешней политике. Тем не менее Клингаман признавал, что это понятие выходит за рамки эвфемизма и обозначает отдельный класс тесно связанных между собой нетрадиционных конфликтов, лежащих вне поля действия обычных стратегий и механизмов реагирования [16, pp. 163–165].

Как отметил майор австралийской армии Дж. Роббс, автор труда о теории конфликтов низкой интенсивности, изданного в Колледже подготовки командных и штабных кадров Корпуса морской пехоты США, «границы, отделяющие конфликт низкой интенсивности от мирного соревнования и конфликта более высокого уровня размыты. Каждый конфликт должен быть детально проанализирован для того, чтобы точно определить его подлинную природу» [13, chapter 2].

Сам Роббс приводит определение полковника армии США Р. Тейлора, который охарактеризовал конфликт низкой интенсивности как «среду соперничающих интересов, где организованное насилие используется для достижения результата и влияния на него, где задействованы все элементы национальной мощи, где военная составляющая применяется в основном для достижения политических, экономических и информационных результатов, где вооруженное насилие применяется непрямо или оно ограничено по времени и задачам». В качестве примера операций такого рода Роббс выделяет повстанческие и контрповстанческие действия, терроризм и контртерроризм, принуждение к миру и поддержание мира, операции в чрезвычайных ситуациях мирного времени [13, chapter 2].

Подполковник ВВС США Д. Дин в работе «Роль ВВС в конфликтах низкой интенсивности» отталкивался от определений, общепринятых в американских официальных документах и обоснованных в трудах американского политолога С. Саркесяна, но дал широкую трактовку этому понятию, которая включала комплекс мер поддержки участника вооруженного конфликта от демонстрации военной силы до развертывания авианосных групп и формирования объединенных военных подразделений. Так или иначе это определение подразумевало наличие «нации-хозяйина», столкнувшейся с нетрадиционной военной угрозой и нуждающейся в поддержке США. При этом Дин исключал из этого понятия борьбу против терроризма [7, pp. 2–6].

Таким образом, несмотря на широту понятия «конфликт низкой интенсивности», их неизменным атрибутом является наличие компонента прямого насилия, или, в отдельных случаях, острого кризиса. В дальнейшем представители науки и военные теоретики продолжали работать с термином «конфликты низкой интенсивности». В частности, Дж. Шлайт в 1992 г. подверг критике их восприятие как исключительно малых войн и акцентировал внимание на не связанных с ведением боевых действий компонентах военной силы – разведке, информационной войне, оказании различных видов поддержки сторонам конфликта. Тем не менее, следуя профильным разработкам Объединенного Комитета Начальников Штабов США, Шлайт перечислял четыре категории конфликтов малой интенсивности, в целом совпадающие с выделенными ранее Роббсом. Также этот автор предлагал добавить в данный список операции по борьбе с производством и торговлей наркотиками [14, p. 5].

В условиях указанной неопределенности в практически каждой выходящей в 2000-е гг. работе на тему конфликтов низкой интенсивности делается попытка дополнить и усовершенствовать определение этого термина, сохраняя опору на теоретические разработки 1980-х гг. Так, исследователь И. Моллой указывает на то, что ведение конфликта низкой интенсивности является проявлением многосторонней стратегии, включающей в себя как скрытую, так и открытую составляющие. При этом Моллой ссылается на определение полковника Г. Саммерса, который характеризует подобные противостояния как «неядерные ситуации, варьирующиеся от терроризма и кризиса до революций и контрреволюций, требующих смешанных политических, экономических, военных и иных ответов со стороны США, направленных на поддержку союзников, но не означающих прямого участия вооруженных сил США в войне [11, pp. 18–19].

Большой интерес представляет вышедшая в 2001 г. статья сотрудника японского Национального института оборонных исследований Е. Катаямы «Редефиниция концепта конфлик-

та низкой интенсивности», вышедшая в 2001 г. Автор отмечает, что сегодня данный термин представляет собой туманное понятие, используемое для обозначения любых вооруженных конфликтов, кроме ядерных и конвенционных войн между крупными державами. Катаяма предлагает внести ясность и выделяет пять ключевых элементов, присущих подобным противостояниям. Главным является контроль политиков над действиями военных. Вторым аспектом связан с той самой «низкой интенсивностью» – число непосредственных участников боевых действий, а также жертв невелико, на военные операции накладываются существенные ограничения. В-третьих, операции противника должны носить тайный характер, врага должно быть сложно выявить на фоне гражданского населения. Также Катаяма подчеркивает важность психологических факторов и обращает внимание на специфику тактики стороны «мятежников» [9, pp. 57, 62–64].

В работах отечественных авторов термин «конфликт низкой интенсивности» также неоднократно применялся. К примеру, И. А. Василенко определяет его как «военное столкновение ниже порога стратегической войны, без подключения основных военных сил противоборствующих сторон» [1, с. 5]. Связанное с боевыми действиями наполнение, следуя американским определениям данного термина, используют в своих работах С. В. Самгин [5] и Д. Г. Евстафьев [2]. С. А. Сакун и вовсе отождествляет это понятие с термином «малые войны» [4, с. 3–4].

Событием для отечественной историографии стал выход в 2018 г. коллективной монографии «Конфликты низкой интенсивности в американской военно-политической стратегии в начале XXI века», подготовленной сотрудниками Института США и Канады РАН. Работа состоит из введения, двух разделов и заключения. Источниковую базу исследования составили официально опубликованные документы военных и дипломатических ведомств США и других стран, официальные заявления представителей военного и внешнеполитического истеблишмента США, работы сотрудников аналитических центров, материалы СМИ.

Уже во введении приводится определение данного понятия, использованное в Полевом уставе армии США. В то же время большая часть данного раздела посвящена раскрытию понятия «гибридная война» [3, с. 6–11], которое имеет отношение к термину «конфликт низкой интенсивности», но не тождественно ему. Более того, сегодня отдельные исследователи рассматривают гибридную войну как следующую после «низкой интенсивности» стадию развития конфликта [8, р. 4]. Надо полагать, что по этой причине в главе об американской концепции ПРО определение конфликтам низкой интенсивности пришлось давать повторно. Там оно принадлежит перу политического аналитика фонда «Heritage» Д. Сильверштайна, который в 1990 г. отмечал, что конфликт низкой интенсивности может не приобретать форму вооруженного противостояния, ограничившись политическим маневрированием и информационной войной, а одним из инструментов конфликтующих сторон может быть мобилизация «крупной вооруженной силы, оснащенной ядерными вооружениями» [3, с. 38]. В конце этой главы делается вывод о том, что «под конфликтом низкой интенсивности можно понимать не только действия против повстанцев и террористов, но и ситуацию, когда одна сторона использует вооруженные силы для запугивания и оказания давления, а другая сторона использует свои войска для снижения уверенности противника в успехе его нападения, в частности ракетной атаки» [3, с. 55]. На наш взгляд, этот вывод выглядит, по меньшей мере, дискуссионным, поскольку подразумевает чрезвычайно широкую трактовку термина. Стоит отметить, что в своей работе Сильверштайн говорил в первую очередь о локальных конфликтах на территории третьих стран и не включал в понятие «конфликт низкой интенсивности» конкурентные, но не враждебные действия между странами. Что касается ядерного оружия, то аналитик лишь допускал его использование в качестве инструмента давления в подобных конфликтах, но не призывал рассматривать проблемы стратегического ядерного сдерживания как проявление конфликтов низкой интенсивности [15].

Первый раздел озаглавлен «Эволюция американской военно-политической стратегии в начале XXI века». В нем рассматриваются два перспективных военно-стратегических начинания, призванных дополнить арсенал США, – концепция глобального «молниеносного» удара и программа противоракетной обороны. В первом случае речь идет о создании перспективных военных систем по трем направлениям: неядерная ударная ракета, гиперзвуковой летательный аппарат, перспективное гиперзвуковое оружие [3, с. 25]¹. В случае реализации и постановки на

¹ Стоит отметить, что проблематика научно-технического развития США в области военного космоса является сегодня весьма актуальной. См.: [6].

вооружение хотя бы одной из этих разработок Вашингтон получит в свое распоряжение еще один инструмент, который можно будет применять в том числе и в конфликтах низкой интенсивности. Что касается программы противоракетной обороны, то уже сегодня она является важным фактором в отдельных конфликтах низкой интенсивности, однако она касается главным образом стран, обладающих хотя бы минимальным ракетным потенциалом.

Если говорить об эволюции стратегии США исключительно в контексте развития военного инструментария, первому разделу монографии недостает материалов, посвященных менее экзотическим и более широко применимым элементам арсенала США в конфликтах низкой интенсивности – ударным и разведывательным беспилотникам, новым высокоточным средствам поражения, эволюции подходов к применению сил специальных операций, общевойсковых подразделений, иррегулярных формирований.

Второй раздел монографии посвящен региональным аспектам американской военной стратегии и ее адаптации к конфликтам низкой интенсивности. Данная проблематика рассматривается на примере конфликтов низкой интенсивности в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Большой Центральной Азии и в Арктике. В разделе представлены разнообразные материалы, которым, однако, присуща некоторая фрагментарность. Особенно это заметно на примере главы, посвященной Ближнему Востоку. В частности, описание американских действий в Ираке хронологически доведено до 2008 г. [3, с. 100], а события в Ливии рассматриваются до момента убийства М. Каддафи [3, с. 106]. В итоге формируется впечатление о политике США в регионе как о череде военных авантюр без внятной объединяющей их стратегии. В то же время имеющее ключевое значения для региона стратегическое противостояние США и Ирана, полем для которого выступают, к примеру, конфликты низкой интенсивности в Сирии, Палестине, Йемене и Ираке, упоминается лишь отдельных упоминаний.

Принимая во внимание актуальность избранной для анализа проблемы и количество географических локаций конфликтов низкой интенсивности, несколько озадачивает отсутствие в работе глав о военно-политических акциях США в Африке южнее Сахары и в Латинской Америке – регионах, где Вашингтон является одним из ключевых участников целого ряда подобных противостояний (Венесуэла, Колумбия, Сомали и проч.). В то же время огромное внимание уделяется вопросам стратегического противостояния великих держав в отдельных «избранных» регионах мира. В полной мере это проявляется в шестой главе, посвященной военной политике США в Арктике [3, с. 153].

В целом, коллективная монография посвящена в большей степени специфике американской военной стратегии в отдельных регионах мира, а конфликты низкой интенсивности рассматриваются преимущественно как специфические варианты конкретных способов ее проявления. В то же время в рассматриваемой работе представлен актуальный и обладающий большой практической ценностью анализ военно-политического курса США, который наверняка заинтересует специалистов в области международных отношений и внешней политики, действующих дипломатов, историков, политологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Возвращаясь к проблеме понятия «конфликты низкой интенсивности», можно отметить необходимость осуществления дальнейших исследований на указанную тематику. Вопрос об определении и критериях этого термина в коллективной монографии «Конфликты низкой интенсивности в американской военно-политической стратегии в начале XXI в.» ставится, однако полноценный ответ на него так и не дается. В условиях, когда политика многих современных государств строится вокруг манипуляции терминами и игры словами (к примеру, такими как «война», «демократия» и «терроризм»), внесение ясности в научный понятийный аппарат, разработка типологии конфликтов низкой интенсивности и их структуры с выделением восходящей и нисходящей фаз представляются важными и актуальными задачами.

Список литературы

1. Василенко И. А. Конфликты низкой интенсивности и «бархатные революции» как технологии современной геополитики // Вестник Московского университета. 2006. № 6. Серия: Политические науки. С. 5–13.
2. Евстафьев Д. Ограниченные вооруженные конфликты и проблемы безопасности России // ПИР-Центр. Научные записки. 1996. № 2. С. 3–27.
3. Конфликты низкой интенсивности в американской военно-политической стратегии в начале XXI века. М., 2018.

4. Сакун С. А. Вооруженные силы России в конфликтах низкой интенсивности: информационное обеспечение // Проблемы безопасности. 2008. № 3. С. 3–4.
5. Самгин С. В. Концепция конфликтов низкой интенсивности: политические универсалии и специфика РФ : дис. ... канд. полит. наук. М., 1998.
6. Юнгблуд В. Т., Збоев А. В. Советско-американские переговоры 1978–1979 гг. по запрещению противоспутникового оружия // Международные процессы. 2019. Т. 17. С. 6–21.
7. Dean D. The Air Force Role in Low-Intensity Conflict. Maxwell Air Force Base, 1986.
8. Kasapoğlu C., Doruk E. From Low-Intensity Conflict To Hybrid Warfare: MANPADS At The Hands of PKK // EDAM Foreign Policy and Security Paper Series. 2016. № 4. Pp. 1–12.
9. Katayama Y. Redefinition of the Concept of Low-Intensity Conflict // NIDS Journal of Defense and Security. 2002. № 3. Pp. 56–72.
10. Low intensity conflict: war by another name. CIA FOIA Electronic Reading Room. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP89G00720R000600710001-6.pdf>.
11. Molloy I. Rolling back Revolution. The Emergence of Low Intensity Conflict. L. ; Sterling, 2001.
12. Operations In Low Intensity Conflict: Fb 7-98. URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/army/fm/7-98/F798_2.htm#REF4h4.
13. Robbs J. Low Intensity Conflict: A War By Any Other Name. Quantico, 1988.
14. Schlight J. Low Intensity Conflict // Army History. 1990. № 16. Pp. 5–6.
15. Silverstein D. Preparing America to Win Low-Intensity Conflicts | The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/middle-east/report/preparing-america-win-low-intensity-conflicts>.
16. Ware L. Low intensity conflict in the Third World. Maxwell Air Force Base, 1988.

On the issue of low-intensity conflicts in the US strategy

D. A. Sadakov

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4308-7276. E-mail:rstk2005@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problem of using the term "low-intensity conflicts" in scientific terms. This concept appeared in the post-Vietnam era in the rhetoric of American politicians and the military as a euphemism for armed confrontations with the guerrilla movement or rebels. In January, 1986, Secretary of state J. D. Schultz called this type of conflict the most important challenge that the United States would face at least until the end of the XX century. The concept of "low-intensity conflict" is also used in American official documents, in particular in the field Charter of the US army. At the same time, scientists who dealt with this problem noted the vagueness and nebula of this term. The article attempts to describe the range of opinions of various domestic and foreign researchers on the definition of the term "low-intensity conflicts", including the authors of the collective monograph of the Institute of the United States and Canada of the Russian Academy of Sciences "Low-intensity conflicts in American military-political strategy at the beginning of the XXI century", published in 2018.

Keywords: low-intensity conflicts, the United States, the fight against terrorism, historiography, violence.

References

1. Vasilenko I. A. Konflikty nizkoj intensivnosti i "barhatnye revolyucii" kak tekhnologii sovremennoj geopolitiki [Low-intensity conflicts and "velvet revolutions" as technologies of modern geopolitics] // Vestnik Moskovskogo universiteta – Herald of the Moscow University. 2006. No. 6. Series: Political Sciences. Pp. 5–13.
2. Evstaf'ev D. Ogranichennyye vooruzhennyye konflikty i problemy bezopasnosti Rossii [Limited armed conflicts and security problems in Russia] // PIR-Centr. Nauchnye zapiski – PIR-Center. Scientific notes. 1996. No. 2. Pp. 3–27.
3. Konflikty nizkoj intensivnosti v amerikanskoj voenno-politicheskoj strategii v nachale XXI veka – Low-intensity conflicts in American military-political strategy at the beginning of the XXI century. M. 2018.
4. Sakun S. A. Vooruzhennyye sily Rossii v konfliktah nizkoj intensivnosti: informacionnoe obespechenie [Russian Armed forces in low-intensity conflicts: information support] // Problemy bezopasnosti – Security problems. 2008. No. 3. Pp. 3–4.
5. Samgin S. V. Konceptiya konfliktov nizkoj intensivnosti: politicheskie universalii i specifika RF : dis. ... kand. polit. nauk [Concept of low-intensity conflicts: political universals and specifics of the Russian Federation : dis. ... PhD of Polit. Sciences]. M. 1998.
6. Yungblud V. T., Zboev A. V. Sovetsko-amerikanskije peregovory 1978–1979 gg. po zapreshcheniyu protivospuznikovogo oruzhiya [Soviet-American negotiations of 1978–1979 on the prohibition of anti-satellite weapons] // Mezhdunarodnyye processy – International processes. 2019. Vol. 17. Pp. 6–21.

7. *Dean D.* The Air Force Role in Low-Intensity Conflict. Maxwell Air Force Base. 1986.
8. *Kasapoğlu C., Doruk E.* From Low-Intensity Conflict To Hybrid Warfare: MANPADS At The Hands of PKK // EDAM Foreign Policy and Security Paper Series. 2016. No. 4. Pp. 1–12.
9. *Katayama Y.* Redefinition of the Concept of Low-Intensity Conflict // NIDS Journal of Defense and Security. 2002. No. 3. Pp. 56–72.
10. Low intensity conflict: war by another name. CIA FOIA Electronic Reading Room. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP89G00720R000600710001-6.pdf>.
11. *Molloy I.* Rolling back Revolution. The Emergence of Low Intensity Conflict. L.; Sterling, 2001.
12. Operations In Low Intensity Conflict: Fb 7-98. Available at: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/army/fm/7-98/F798_2.htm#REF4h4.
13. *Robbs J.* Low Intensity Conflict: A War By Any Other Name. Quantico, 1988.
14. *Schlight J.* Low Intensity Conflict // Army History. 1990. No. 16. Pp. 5–6.
15. *Silverstein D.* Preparing America to Win Low-Intensity Conflicts | The Heritage Foundation. Available at: <https://www.heritage.org/middle-east/report/preparing-america-win-low-intensity-conflicts>.
16. *Ware L.* Low intensity conflict in the Third World. Maxwell Air Force Base, 1988.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 903.02-033.64(470.342)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.033

Фаянсовые заводы на территории Орловского уезда Вятской губернии во второй половине XIX века

А. С. Евшин¹, А. О. Кайсин²

¹студент, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: yevshin99@mail.ru

²заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: akai_slob@mail.ru

Аннотация. В Вятской губернии во второй половине XIX века существовало несколько частных фаянсовых заводов. О данных предприятиях писали историки и краеведы XX – начала XXI века, но публикации ограничивались короткими заметками в областных и районных газетах. В истории фаянсовой промышленности остается множество белых пятен из-за отсутствия полноценного анализа архивных материалов. Целью данной работы является ликвидация «белых пятен» в истории фаянсовой промышленности в Вятской губернии на основе уже полученных сведений, а также архивных материалов ЦГАКО и работ Губернского статистического комитета. На основе проведенной работы были сделаны следующие выводы. В Вятской губернии во второй половине XIX века существовало три фаянсовых завода. В работе установлены достаточно точные привязки фаянсовых заводов к местности, что в дальнейшем будет служить отправной точкой в археологических исследованиях. Проведение археологических работ должно решить проблему, связанную с нехваткой готовых фаянсовых изделий местных производителей.

Ключевые слова: фаянсовые заводы, посуда, Орловский уезд Вятской губернии.

XIX век ознаменован ростом частных фарфоровых, фаянсовых предприятий в России. В Вятской губернии во второй половине XIX века открывается несколько частных фаянсовых заводов. О данных предприятиях писали как современники, так и историки и краеведы XX и XXI веков, но по-прежнему остается множество белых пятен в исследовании этой темы. На данный момент неизвестны границы существования предприятий, их точное количество, остаются неясными и масштабы данных заведений.

Анализируя работы историков и краеведов XX и XXI веков, мы выявили следующую особенность: публикации ограничивались короткими заметками в областных и районных газетах, а также упоминаниями в общих изданиях об истории Вятки и Орловского района [6, с. 4; 44, с. 3]. Обратимся к накопленному материалу по истории фаянсового производства в Вятской губернии.

Впервые о фаянсовых заводах Вятской губернии написал П. Н. Луппов в газете «Кировская правда» за 11 декабря 1940 года. В тексте приводится информация о заводах Токарского и Казаринова со ссылкой на «исторический архив». В очень сжатом виде помещены сведения о местах расположения данных предприятий, добычи глины, о выпускаемой продукции, количестве работников на одном из предприятий, некоторые ключевые даты из жизни заводов. Заканчивается статья призывом к возобновлению фаянсовой промышленности в области: «Все эти сведения дают основания поставить перед работниками облпромсовета и кустарно-промысловой кооперацией вопрос о том, не следует ли заняться возобновлением производства фаянсовых изделий на территории области» [7, с. 1].

Следующая публикация в газете на тему фаянсовых заводов появляется лишь через 58 лет под авторством В. С. Жаравина. Впервые перед широкой общественностью предстает фотография фаянсовой тарелки с клеймом производства Мечислава Андреевича Токарского, хранящаяся на тот период в кировском музее «Вятская кунсткамера». Жаравин приводит сведения из рекламы, размещенной в «Вятских губернских ведомостях» за 1865 год. Также про-

слеживается информация из архивных фондов ЦГАКО и «Памятных книжек» Вятской губернии. Данная статья открывает неизвестные факты из истории фаянсового завода М. А. Токарского, купленного матерью Токарского у Михаила Васильевича Изергина, располагавшегося в городе Орлове [6, с. 4].

Уже через год выходит совместная статья В. С. Жаравина и М. В. Целищева о фаянсовом заводе А. И. Казаринова. В тексте приводятся воспоминания жителя деревни Мошкиной Мельницы Ивана Степановича Мошкина. Благодаря этому у нас появляется достаточно точная информация о месте расположения завода: «На границе деревень Мошкиной и Дресвы был небольшой заводик». В. С. Жаравин строит свое описание на основе сведений земского статиста Н. Н. Романова, который сам бывал на предприятии А. И. Казаринова, и статьи П. Н. Луппова в «Кировской правде» [44, с. 3].

Также о фаянсовых заводах говорится в статье 10 тома научно-популярной Энциклопедии земли Вятской «Глиняная посуда и гончарный промысел». В ней Л. А. Сенникова и Н. Л. Зайцева приводят сведения И. А. Козаченко из очерка «Кустарные промыслы», а также используют труд Романова [13, с. 86].

О Мечиславе Андреевиче Токарском и его семье писал В. С. Любимов [9, с. 355–357; 8, с. 291]. Основные сведения о фаянсовом заводе М. А. Токарского приведены на основе рекламы завода, объявлений о покупке и дарении, размещенных в «Вятских губернских ведомостях», и статьи П. Н. Луппова.

Также имеются отрывочные упоминания о фаянсовом заводе в Шалеговой волости, который числился в 1883 г. за А. З. Мамаевым [1, с. 25; 45, с. 355]. Данный факт, вероятнее всего, был переписан из памятной книжки и календаря Вятской губернии за 1883 год [11, с. 74–75].

Таким образом, после краткого библиографического анализа работ историков и краеведов мы понимаем, что существовало как минимум два или три фаянсовых завода и было как минимум пять предпринимателей: М. В. Изергин, С. Н. Токарская, М. А. Токарский, А. И. Казаринов и А. З. Мамаев. Авторами были накоплены архивные, этнографические, музейные, а также историографические материалы по фаянсовой промышленности в Вятской губернии во второй половине XIX века. Но, несмотря на серьезную работу историков, на данный момент отсутствует труд, который объединял бы все накопленные сведения. Также остается множество белых пятен из-за отсутствия полноценного анализа архивных материалов. Целью данной работы является ликвидация белых пятен в истории фаянсовой промышленности в Вятской губернии на основе уже полученных сведений, а также архивных материалов ЦГАКО и работ Губернского статистического комитета. Изложение информации в тексте построено по географическому принципу отдельно по каждому из существующих предприятий.

Завод в г. Орлове под управлением М. В. Изергина (1864–1865 гг.)

В 1864 г. Михаилом Васильевичем Изергиным, купцом 2 гильдии, было налажено производство фаянсовой посуды в городе Орлове, на левой стороне Орловской улицы [5, с. 3]. Завод располагался на двух участках земли, отведенных от города на заводские строения, общей площадью 3600 кв. саженей (16 388,1 кв. м) [5, с. 3]. Количество работников равнялось 10, из которых четверо были мастерами [31, л. 1157]. Сумма выработки, не считая затрат на материалы, зарплаты рабочим и другие расходы, составила 386 рублей [30, л. 34]. Торговля велась только на территории Вятской губернии [43, л. 187].

По неизвестным нам причинам уже в 1865 г. завод с принадлежащими ему всеми возведенными строениями, имуществом и местом был продан вдове и надворной советнице Софье Николаевне Токарской за 1600 рублей [2, с. 3]. Благодаря сведениям из Вятских губернских ведомостей мы знаем, что 1 сентября 1865 года была заключена крепость на проданный завод [2, с. 3].

Таблица 1

Статистические сведения по заводу М. В. Изергина на 1864 год

[30, л. 34; 31, л. 1157]

Дата	Сумма выработки	Кол-во работников
1864	386 р.	10: 4 мастера, 6 рабочих

Завод в г. Орлове под управлением С. Н. Токарской и М. А. Токарского (1865–1871 гг.)

Для увеличения продаж после покупки завода Софья Николаевна Токарская размещает рекламу в трех выпусках «Вятских губернских ведомостей» [2; 3; 4, с. 6]. Из этой рекламы мы узнаем, что завод выпускал «разного рода фаянсовую и полуфаянсовую посуду, белую и печатную разными красками, а также посуду с глазурью разных цветов». Приводятся цены и виды различной фаянсовой продукции, кроме того, говорится, что завод принимал «разного рода заказы по образцам». «С требованиями гг. покупатели благоволят обращаться в контору завода в г. Орлове ежедневно с 8 до 3 часов утра, где можно видеть и образцы покупки». Уже из этих реклам видно, что производством фактически руководил сын С. Н. Токарской Мечислав Андреевич, так как именно он значился владельцем в заглавии первой рекламы и во всех рекламных текстах. Вскоре он получает и формальные права, 13 октября, совершена дарственная запись на подаренный, титулярною советницей Софьей Николаевной Токарской сыну своему фаянсовый завод [5, с. 3].

Мечислав Андреевич был сыном чиновника-поляка Андрея Андреевича Токарского, уроженца Минской губернии, который прибыл в 1840 году на службу в Вятскую губернию. М. А. Токарский родился около 1823 года. Окончил на родине Борисовское уездное училище. В 1841-м принят по собственной просьбе на службу в Вятскую казенную палату, в 1850-м стал помощником яранского окружного начальника [41, л. 24об., 29]. Служил в Вятской палате государственных имуществ, был начальником Малмыжского окружного управления. На период вступления в права владельца фаянсового завода Мечиславу Андреевичу было около 42 лет, он уже был женат и имел дочь [42, л. 55об.].¹

Благодаря данным, собранным губернским статистическим комитетом, мы знаем весь процесс производства – от мест, где добывалась глина, до того, где и за сколько покупали готовые изделия. Предприятие работало круглый год и все начиналось с того, что для производства фаянсовой и полуфаянсовой посуды закупались три главных элемента: глинозем, мергель и кварц [16, л. 1184]. Самая подробная информация сохранилась за последний год существования предприятия – 1870, поэтому будут приводиться цифры за этот период. Количество заказываемых пудов говорит и о соотношении данных элементов в самом фаянсе: глинозем – 1600 пудов (26 209 кг), мергель – 1000 пудов (16 380 кг), кварц – 200 пудов (3 276 кг). Из коих 1200 пудов глинозема привозилось из «Слободского уезда из казенных дач, расположенных вблизи Холуницкого завода, состоящего в расстоянии от 160 до 200 верст» [16, л. 1184об.]. Остальное количество – 400 пудов лучшего глинозема привозится из Кунгурского уезда Пермской губернии. Мергель добывался на земле, принадлежащей городу Орлову в расстоянии одной версты, а кварц доставлялся казенными крестьянами Орловского уезда Тохтинской волости на расстоянии 25 верст. Также при производстве использовались: песок, хрусталь, соль, свинец, олово, мышьяк, поташ, бура и огнеупорные краски [19, л. 454об., 455].

После того как все нужные материалы поступали на завод, начинался сам процесс изготовления фаянсовых изделий. У нас имеются сведения, что завод располагался в 4 деревянных зданиях (с одним основным, где располагался горн) [19, л. 454об., 455; 16, л. 1183]. Первоначально шел процесс подготовки материалов к обработке: глинозем замачивался в чане, а мергель и кварц разбивались ручными молотами в мелкие частицы, после чего перемалывались в жерновых и разводились водой [16, л. 1190]. Затем мергель и кварц в виде сгущенной жидкости измалывались каменными жерновами в чане вместе с глиноземом, действовавшими силою лошади посредством устроенной машины. Далее полученная жидкость сливалась в отдел паровой печи, внизу которой имелась особая печь для топлива. Отверстие, в которое сливается масса, закладывалось плотно кирпичами с замазыванием щелей, и потом происходила закладка в нижнюю печь дров и их постепенный розжиг. Топка это постепенно поддерживалась подкладкой дров и продолжалась от 14 до 16 часов, после чего с прекращением топки печь остужалась. Полученная уже выпаренная и густая масса поступала в точильную мастерскую [16, л. 1190об.]. Рабочими эта масса тщательно вымешивалась и поступала на особо устроенные круги, на которых мастера точильщики движением ног, рук и некоторых инструментов подготавливали часть на гипсовых формах, а частью от руки посуду. Таким образом, полученная в сыром состоянии посуда через некоторое

¹ Информация из архива о семье Токарских предоставлена Т. А. Дворецкой.

время «завяливается и высушивается», а потом в особо подготовленных тиглях устанавливалась в двухэтажную печь, названную горном. В этой печи посуда в тиглях устанавливалась пирамидально, отверстие, через которое ставилась посуда, закладывалось. С нижнего этажа в четыре отверстия подкладывались дрова, которые зажигались одновременно с постепенным увеличением жара. С окончанием топки, длившейся от 13 до 16 часов, печь потом целые сутки остужалась [16, л. 1205].

На первых этапах производства получалась посуда красноватого цвета, происходящего от самородной примеси окиси железа, из-за использования неочищенных материалов, как то: глинозем, мергель и кварц. Для улучшения белизны и чистоты выпускаемой продукции материалы очищались водою посредством отмачивания тех материалов в сыром состоянии [16, л. 1207].

В не самый производительный 1870 год было изготовлено 39 920 (по другим данным 32 720) различных изделий на сумму 2 400 рублей [19, л. 454об., 455; 19, л. 1183, 1184]. В этот год на предприятии работало всего 6 человек, из которых один был мастером [38, л. 299]. По другим данным 7 местных жителей, из которых двое были мастерами [16, л. 1183, 1184]. В мастера преимущественно подготавливались и обучались подмастерья из вольных мальчиков [16, л. 1206об.]. Мастера и рабочие зарабатывали от 3 до 10 рублей в месяц, в зависимости от количества изготовленной продукции.

Сбыт изделий производился преимущественно в Вятской и частью в Вологодской губернии [19, л. 454об., 455]. В губернском городе Вятке торговля велась на Семеновской и Никольской ярмарках, а в г. Котельниче – на Архангельской ярмарке [16, л. 1206].

По неизвестным нам причинам завод М. А. Токарского в 1871 году закрывается [10, с. 26–27]. Год, предшествующий закрытию, ознаменован двумя событиями, которые могли прямо или косвенно повлиять на решение о прекращении выпуска фаянсовой и полуфаянсовой продукции. 16 апреля 1870 года умирает мама владельца завода С. Н. Токарская [15, л. 3]. Именно она подарила фаянсовый завод М. А. Токарскому, и, возможно, именно ее смерть заставляет сына закрыть завод. Также в 1870 году открывается фаянсовый завод А. И. Казаринова в Шалеговой волости при деревне Дресва [16, л. 1183, 1184]. Он размещался в 33 верстах (35 км) от уездного города Орлова, т. е. в непосредственной близости от завода М. А. Токарского [16, л. 260]. Кроме того, анализ статистических сведений по заводу М. А. Токарского показывает, что завод, достигнув своего максимума по сумме выработки в 1868 году, начинает постепенно сбавлять темпы производительности. Это может быть связано со снижением спроса на продукцию завода и конкуренцией с крупнейшими заводами России, у которых уже была налажена поставка фаянсовой продукции в Вятскую губернию.

На сегодняшний день в Кировском областном краеведческом музее (КОКМ) в главной экспозиции находятся кувшин и супница производства М. А. Токарского (рис. 1). На двух изделиях имеются сколы, но монохромный растительный декор почти не поврежден. Хорошо просматривается клейма с коронами, выполненная тем же цветом, что и сами изделия. Кроме того, в фондах музея также имеются фрагменты посуды, найденные школьной экспедицией в первой половине XX века в г. Орлове.

О значимости фаянсового завода М. А. Токарского говорит следующий факт. При учреждении промышленно-строительного музея в Санкт-Петербурге при строительном училище Министерства внутренних дел организовывается сбор материалов с различных регионов России. Прошение об оказании содействия процессу сбора материалов присылается и Вятскому губернатору в 1866 году, а само объявление о сборе материалов помещается в газете «Северная почта» [36, л. 7]. В это время отправляются запросы на различные предприятия, в том числе и на фаянсовый завод М. С. Токарского, с просьбой прислать выпускаемую продукцию с пояснениями [36, л. 35]. На данный момент не обнаружен факт ответа предпринимателя и наличия фаянсовой продукции в списке отправленного материала в Санкт-Петербург, но сама ситуация показывает, что выпускаемая фаянсовая продукция имеет не только утилитарное назначение. Если бы изделия имели плохую репутацию в Вятке, то ответственные за отправку образцов местной фабричной промышленности не стали бы писать письмо на фаянсовый завод М. А. Токарского с просьбой прислать выпускаемую продукцию.

Таблица 2

Статистические сведения по заводу М. А. Токарского на период 1865–1870 гг.
[32, л. 35, 36; 33, л. 577; 34, л. 283; 35, л. 15; 37, л. 336; 38, л. 11, 43, 178, 141, 299; 39, л. 10; 16, л. 1183, 1184]

Дата	Сумма выработки	Кол-во работников
1865	1200 р.	15: 5 мастеров, 10 рабочих
1866	3500 (1700) р.	18
1867	5000 р.	16: 6 мастеров, 10 рабочих
1868	6040 (1550) р.	13: 7 мастеров, 6 рабочих (14)
1869	3000 р.	10: 1 мастер, 9 работников
1870	2400 р.	6: 1 мастер, 5 рабочих (7: 2 мастера, 6 рабочих)

Рис. 1. Фаянсовый кувшин и супница производства завода М. А. Токарского (1865–1871 гг.) из фондов КОКМ. Фотографии 1а и 2а взяты с сайта Государственного каталога музейного фонда РФ

Завод в Шалеговской волости под руководством А. И. и М. А. Казариновых (1870–1882 гг.)

В 1870 г. был открыт фаянсовый завод орловского купца 2-й гильдии Андрея Игнатьевича Казаринова [26, л. 478]. Со временем, а именно с 1878 г., владельцем завода числится сын А. И. Казаринова Михаил Андреевич Казаринов [27, л. 334]. Предприятие располагалось в двух деревянных зданиях при деревне Дресва, на казенной земле [16, л. 260; 18, л. 478об.]. Земля площадью 900 кв. сажень (4097 кв. м) была арендована на 12 лет за 10 руб. в год [16, л. 260, 1191].

На предприятии работали мужчины и женщины, а также взрослые и подростки [16, л. 1183, 1184]. Работники набирались как из других губерний, так и из местных жителей [16, л. 260]. Так, например, заведение состояло под управлением мастера, приглашенного из Московской губернии [12, с. 181]. Неместные мастера и рабочие проживали и ночевали в особо устроенной избе [18, л. 65об.]. Надо также отметить, что сам завод работал не круглый год, а только 10 месяцев [16, л. 260].

Белая глина закупалась в Кунгурском уезде Пермской губернии, а также в Глазовском, Слободском и Орловском уезде Вятской губернии [17, л. 124об.; 16, л. 1191]. Прочие материалы (хрусталь, свинец, кремь и т. д.) в незначительном количестве закупались в лавках городов Вятки и Орлова [17, л. 124об.].

Благодаря сведениям земского статиста Николая Никаноровича Романова, мы располагаем сведениями, которые по разным причинам не попадали в документы. Так, например, мы узнаем об устройстве механизма для размалывания глины: «В верхнем, под крышею, отделении довольно высокого деревянного здания, куда ведет наружный бревенчатый въезд, устроено в горизонтальном положении большое деревянное колесо. Колесо это вертится силою одной лошади и в то же время двигает шестерню и колеса в нижнем отделении здания. Посредством этого механизма разведенная водою глина растирается жерновым камнем в деревянном заторе» [12, с. 181].

Не оставляет без внимания автор и описание дальнейшего способа работы с полученной массой: «Из этого затора или деревянного чана жидкость выливается постепенно в резервуар, устроенный в довольно большом очаге или печи, которая находится тут же и посто-

янно топится. Оставленная на ночь, в резервуаре разведенная и растертая в воде глина сгущается, превращается в тесто, из которого затем и приготавливаются различной величины круги. Из этих глиняных кругов, когда они совершенно мягки, и выделяется посуда (блюда, тарелки) на гипсовых формах. Порчи бывает немало, как при выделке посуды в сыром виде, так в особенности при последующем обжигании ее» [12, с. 182].

Количество выпускаемой продукции было высоким. Уже в первый год работы завода было выпущено 12 500 фаянсовых изделий на сумму 600 рублей [16, л. 1183, 1184]. В то же время большая часть полученной прибыли уходила на «жалование и харчи рабочим, покупку глины, дров, развоз изделий, корм лошадям, освящение и т. п.» [14, с. 542]. Продажа фаянсовой продукции осуществлялась в окрестных поселениях и базарах, а также в городах Вятке, Орлове, Котельниче и в слободе Кукарке [18, л. 63].

1881 год являлся последним годом работы фаянсового завода Казариновых. Можно выделить ряд тому причин. Во-первых, к 1882 году истекает срок аренды, рассчитанный на 12 лет [16, л. 260]. Во-вторых, еще Н. Н. Романов упоминал: «Заведение пока не приносит значительного дохода владельцу, так как изделия имеют небольшой сбыт, хотя они, по-видимому, могут вполне удовлетворять потребности скромного домашнего обихода, напр., небогатого сельского духовенства и вообще небогатых жителей городов и сел, исключая, разумеется, огромное большинство крестьян, которым белая глина приходится не по средствам» [12, с. 182]. В-третьих, он же отмечает оказываемую конкуренцию крупными производителями: «Заведению в Шалеговской волости приходится конкурировать своими изделиями на вятских рынках с такими же изделиями известной Гжели, Московской губернии, которые продаются намного дороже, но зато они и лучше Шалеговских» [12, с. 182]. В итоге мы видим, что, несмотря на продолжительность существования фаянсового завода Казариновых, он не смог достигнуть объемов производства завода в г. Орлове под управлением М. А. Токарского и был закрыт в 1882 году.

Таблица 3

Статистические сведения по заводу А. И. и М. А. Казариновых на период 1870–1881 гг.
[38, л. 299, 601, 750об., 863, 931; 16, л. 260; 17, л. 124; 27, л. 334; 18, л. 63; 20, л. 25; 21, л. 31об.; 22, л. 35об.; 23, л. 35об.; 24, л. 197об.]

Дата	Сумма выработки	Кол-во работников
1870	600 р.	7
1871	600 р.	8
1872	900 р.	5
1873	300 р.	7
1874	613 р.	5
1875	655 р.	4
1876	710 (670) р.	7: 1 мастер, 6 рабочих
1877	680 р.	7: 1 мастер, 6 рабочих
1878	680 р.	7
1879	710 р.	8: 1 мастер, 7 рабочих
1880	1300 р.	7
1881	2 завода: общая сумма 1800 р.	2 завода: 9 работников

Рис. 2. Фаянсовая тарелка производства завода под управлением А. И. Казаринова (1870–1878 гг.) из фондов КОКМ. Фотографии 1а и 1б взяты с сайта Государственного каталога музейного фонда РФ

Завод в Шалеговской волости под руководством А. З. Мамаева (1881–1885 гг.)

Фаянсовый завод крестьянина Алексея Захаровича Мамаева (русский, образования не получал) был открыт в 1881 году и располагался в Шалеговской волости Орловского уезда [28, л. 446, 447об.]. Предприятие просуществовало всего 5 лет и работало ограниченное количество времени в году. Так, например, в 1885 году предприятие работало только с октября по апрель [29, л. 427]. Периодичность работы была характерна и для завода Казариновых, что могло быть связано с расположением данных предприятий при займище² Алексея Хренова [40, л. 340; 14, с. 540].

Завод Алексея Мамаева располагался в одном деревянном здании на территории, равной 9 квадратным сажням (40,97 кв. м) [29, л. 427; 28, л. 446]. Предприятие располагало небольшой машиной для размолы глины и горном. Процесс производства не отличался от производства на других заводах. Разве только жерновая машина приводилась не силой лошади, а действовала приводом от одного человека [40, л. 340]. Изделия изготавливались силой одного мастера и одного рабочего. Мастером работал сам владелец предприятия – Алексей Мамаев. Работники ночевали на заводе [28, л. 447об.].

Материалы для производства (белая глина, хрусталь, свинец, соль, кремний) закупались в Слободском, Глазовском и Орловском уезде, а также в г. Орлове и частью в г. Вятке [40, л. 340; 28, л. 446об.]. Предприятие не смогло развиваться, и самым производительным стал 1883 год, когда было изготовлено около 2000 изделий из фаянса на сумму 125 р. 80 к. [40, л. 340]. Из-за маленькой производительности сведения о заводе за 1882, 1883, 1885 год не заносились в отчеты вятского губернатора, но они сохранились в архивных делах, рассказывающих о заводах и фабриках Вятской губернии. Готовые изделия (чашки, тарелки, блюда, миски, солонки и т. д.) продавались на местных базарах и частью в гг. Орлове, Вятке, Котельниче и в слободе Кукарке [28, л. 447]. Информация о работе предприятия на период после 1885 года не выявлена.

Таблица 4

Статистические сведения по заводу А. З. Мамаева на период 1881–1885 гг.

[40, л. 340; 28, л. 446об., 447; 29, л. 426; 24, л. 197об.; 25, л. 16об.]

Дата	Сумма выработки	Кол-во работников
1881	2 завода: общая сумма 1800 р.	2 завода: 9 работников
1882	105 р.	2: 1 мастер, 1 рабочий
1883	125 р. 80 к.	2: 1 мастер, 1 рабочий
1884	180 р.	2
1885	14 р. 60 к.	1

Таким образом, на основе полученных сведений мы можем сделать ряд выводов. Во-первых, в Вятской губернии во второй половине XIX века существовало три фаянсовых завода. Все они располагались в Орловском уезде. Владельцами были шесть человек: М. В. Изергин, С. Н. Токарская, М. А. Токарский, А. И. Казаринов, М. А. Казаринов и А. З. Мамаев. Среди некоторых из них было и совместное управление (например, Казариновы). Во-вторых, на данный момент мы располагаем небольшим набором посуды из фондов КОКМ, о заводе должны говорить не только архивные документы и записи современников, но и готовые изделия произведенные предприятием. Решить проблему можно, начав археологическое изучение территорий, на которых заводы располагались. Точное местоположение указанных предприятий так же было приведено в нашей статье. Проведение археологических работ должно решить проблему, связанную с нехваткой готовых фаянсовых изделий местных производителей.

Список литературы

1. Вахонин С. Г. Истоки: краеведческие очерки. Оричи, 1996. 74 с.
2. Вятские губернские ведомости. 1865. № 58. 1 октября.
3. Вятские губернские ведомости. 1865. № 59. 5 октября.
4. Вятские губернские ведомости. 1865. № 60. 8 октября.
5. Вятские губернские ведомости. 1865. № 69. 9 ноября.
6. Жаравин В. С. Фаянс из Орлова // Кировская правда. 1998. 5 дек. № 225. 4 с.
7. Луппов П. Н. Фаянсовые заводы в бывшей вятской губернии // Кировская правда. 1940. 11 дек. № 286. 1 с.

² Займище – полоса земли у реки, заливаемая весенним разливом.

8. Любимов В. А. Старая Вятка. Имена, даты, судьбы... Киров : Кировская областная типография, 2017. 480 с. : ил.
9. Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Начало. Киров : Кировская областная типография, 2014. 832 с. : ил.
10. Обзор Вятской губернии за 1871 год. 1872. 140, [66] с.
11. Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1884 год: год 5-й [1883]. II, 292, III с.
12. Романов Н. Н. Статистическое описание Орловского уезда Вятской губернии. Вятка, 1876. 360 с., 1 л. карты.
13. Сенникова Л. А., Зайцева Н. Л. Глиняная посуда и гончарный промысел // Энциклопедия земли вятской. Т. 10. Ремесла. Киров : Областная писательская организация, 2000. С. 79–95.
14. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. XII. Вятская губерния. С-Петербург, 1884.
15. ЦГАКО. Ф. 24. Оп. 9е. Д. 407.
16. ЦГАКО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 353.
17. ЦГАКО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 558.
18. ЦГАКО. Ф. 547. Оп. 1. Д. 902.
19. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1 т. 1. Д. 196.
20. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 553.
21. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 858.
22. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 879.
23. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 895.
24. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 919.
25. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 972.
26. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 354.
27. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 838.
28. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1006.
29. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1014.
30. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 161.
31. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 162.
32. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 186.
33. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 187.
34. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 204.
35. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 207.
36. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 222.
37. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 233.
38. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 241.
39. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 251.
40. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 956.
41. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 576.
42. ЦГАКО. Ф. 628. Оп. 21. Д. 19.
43. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 160.
44. Целищев М. В., Жаравин В. С. В Шалегове делали фаянсовую посуду, конкурирующую с гжелью // Искра. Оричи, 1999. 20 мая. № 61. 3 с.
45. ЭЗВ. Киров, 2002. Т. 1. Кн. 2. Села. Деревни. 638 с.

Faience factories on the territory of Oryol district of Vятka province in the second half of the XIX century

A. S. Evshin¹, A. O. Kaisin²

¹student, Vятka State University. Russia, Kirov. E-mail: yevshin99@mail.ru

²the head of the research archaeological laboratory, Vятka State University.
Russia, Kirov. E-mail: akai_slob@mail.ru

Abstract. In the Vятka province in the second half of the XIX century, there were several private faience factories. Historians and local historians of the XX – early XXI century wrote about these enterprises, but publications were limited to short notes in regional and district newspapers. In the history of the faience industry, there are many white spots due to the lack of a full analysis of archival materials. The purpose of this work is to eliminate "white spots" in the history of the faience industry in the Vятka province on the basis of the information already received, as well as archival materials of the Central State Archive of Kirov region and the works of the Provincial statistical Committee. Based on this work, the following conclusions were made. In the Vятka

province in the second half of the XIX century, there were three faience factories. The work established fairly accurate links of faience factories to the area, which will serve as a starting point in archaeological research in the future. Conducting archaeological work should solve the problem associated with the lack of finished faience products of local manufacturers.

Keywords: faience factories, tableware, Oryol district of Vyatka province.

References

1. Vahonin S. G. *Istoki: kraevedcheskie ocherki* [Istoki: local history essays]. Orichi. 1996. 74 p.
2. *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka provincial gazette. 1865. No. 58. October 1.
3. *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka provincial gazette. 1865. No. 59. October 5.
4. *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka provincial gazette. 1865. No. 60. October 8.
5. *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka provincial gazette. 1865. No. 69. November 9.
6. Zharavin V. S. *Fayans iz Orlova* [Faience from Orlov] // Kirov truth. 1998. 5 Dec. No. 225. 4 p.
7. Luppov P. N. *Fayansovyye zavody v byvshej vyatskoj gubernii* [Faience plants in the former Vyatka province] // *Kirovskaya Pravda* – Kirov truth. 1940. 11 Dec. No. 286. 1 p.
8. Lyubimov V. A. *Staraya Vyatka. Imena, daty, sud'by...* [Old Vyatka. Names, dates, fates ... Kirov. Kirov regional printing house. 2017. 480 p.
9. Lyubimov V. A. *Staraya Vyatka. Kvartal za kvartalom. Pervaya chast'. Nachalo.* [Old Vyatka. City block by city block. Part one. The beginning]. Kirov. Kirov regional printing house. 2014. 832 p.
10. *Obzor Vyatskoj gubernii za 1871 god* – Review of Vyatka province for 1871. 1872. 140, [66] p.
11. *Pamyatnaya knizhka i kalendar' Vyatskoj gubernii na 1884 god: god 5-j [1883]* – Memorial book and calendar of Vyatka province for 1884: year 5 [1883]. II, 292, III p.
12. Romanov N. N. *Statisticheskoe opisanie Orlovskogo uезда Vyatskoj gubernii* [Statistical description of the Oryol district of the Vyatka province]. Vyatka. 1876. 360 p., 1 sh. maps.
13. Sennikova L. A., Zajceva N. L. *Glinyanaya posuda i goncharnyj promysel* [Earthenware and pottery] // *Enciklopediya zemli vyatskoj. T. 10. Remesla* – Encyclopedia of Vyatka land. Vol. 10. Mechanical arts. Kirov. Regional writers' organization. 2000. Pp. 79–95.
14. *Trudy komissii po issledovaniyu kustarnoj promyshlennosti v Rossii* – Proceedings of the Commission for the study of cottage industry in Russia. Is. XII. Vyatka province. St. Petersburg. 1884.
15. Central State Archive of Kirov region (CSAKR). F. 24. Inv. 9e. File 407.
16. CSAKR. F. 547. Inv. 1. File 353.
17. CSAKR. F. 547. Inv. 1. File 558.
18. CSAKR. F. 547. Inv. 1. File 902.
19. CSAKR. F. 574. Inv. 1 vol. 1. File 196.
20. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 553.
21. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 858.
22. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 879.
23. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 895.
24. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 919.
25. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 972.
26. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 354.
27. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 838.
28. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 1006.
29. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 1014.
30. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 161.
31. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 162.
32. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 186.
33. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 187.
34. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 204.
35. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 207.
36. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 222.
37. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 233.
38. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 241.
39. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 251.
40. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 956.
41. CSAKR. F. 582. Inv. 139. File 576.
42. CSAKR. F. 628. Inv. 21. File 19.
43. CSAKR. F. 574. Inv. 1. File 160.
44. *Celishchev M. V., Zharavin V. S. V Shalegove delali fayansovuyu posudu, konkuriruyushchuyu s gzhel'yu* [In Shalegov they produced faience ware, competing with Gzhel] // Spark. Orichi. 1999. May 20. No. 61. 3 p.
45. ESV. Kirov. 2002. Vol. 1. Book 2. Villages. Countryside. 638 p.

Взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди и Льва Толстого на этнокультурные особенности народов

В. А. Поздеев

доктор филологических наук, профессор кафедры русской
и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: slavapozd@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди и Льва Николаевича Толстого на некоторые этнокультурные аспекты. Актуальность работы обусловлена тем, что на данный момент в существующих исследованиях не в полной мере раскрыты особенности репрезентации этих аспектов в произведениях Ганди и Толстого. Объектом исследования являются произведения Толстого и Ганди, в которых раскрыты этнокультурные особенности народов, а также их изменения и факторы, оказывающие влияние на них. Автором использованы следующие методы и подходы: биографический, предполагающий интерпретацию произведения как отражение биографических и личностных особенностей Ганди и Толстого; проблемно-тематический и сравнительно-сопоставительный. Ганди в своих статьях, в автобиографической книге «Моя жизнь», описывая этнокультурные и религиозные особенности, в своей биографии отражает специфику индийской национальной жизни (обряды, стереотипы в поведении, в еде, в одежде). Л. Н. Толстой в публицистике, дневниках, художественных произведениях так или иначе показывает элементы народной традиции в одежде, еде, психологии. Анализ произведений двух великих мыслителей Индии и России раскрывает мировоззренческие цели авторов, что позволяет выявить личностные и творческие элементы текстов. Показано, что Ганди уделяет большое внимание политическим аспектам, так как для него это было важно, а Л. Н. Толстой больше сосредоточен на этических проблемах народной жизни. В итоге можно сделать вывод, что элементы, отраженные писателями в произведениях разного жанра, имеют национальную специфику. Ганди и Толстой по-разному приходят к осмыслению и включению в свои произведения этнических, культурных и религиозных традиций.

Ключевые слова: Мохандас Карамчанд Ганди, Лев Толстой, этнокультурные особенности, этнические маркеры, народная традиция.

Этническая история России и Индии складывалась под воздействием различных социально-исторических и культурных факторов [2; 3]. В современной этнологии, фольклористике, этнолингвистике большое внимание уделяется взаимодействию этнических традиций, которые во многом определяют отношения в «сложных» регионах. Россия и Индия уникальны в географическом и этническом отношении. Они заселены с давних пор народами с разной материальной и духовной культурой. Это своеобразные «перекрестки» потоков переселенцев, взаимодействия этносов и религий. На протяжении совместного проживания этнических групп в Индии, как и в России, многое в материальной и духовной культуре сделалось «общим», однако этнические маркеры сохраняются и до сегодняшнего дня.

Проблема взаимосвязей Индии и России была актуальна в различные периоды истории этих стран. Факт огромного влияния литературного и философского наследия Льва Толстого и Мохандаса Ганди на мировую культуру совершенно бесспорен. Исследователи философии и художественного творчества этих деятелей отмечали сильные и слабые стороны, развитие и пересечение их взглядов [9; 10; 11]. Философско-религиозные взгляды Л. Н. Толстого и Мохандаса Карамчанда Ганди наложили отпечаток на их восприятие этнокультурных особенностей народов. Как писал С. Серебряный, «индийская реальность слишком сильно отличается от привычной нам европейской и нашей собственной, российской; описание индийской реальности (в частности, истории) словами европейских языков требует бесконечных уточнений, оговорок и переопределения терминов» [13, с. 337]. В книге Т. Н. Загородниковой «Индия

и Серебряный век русской культуры. Очерки русско-индийских взаимоотношений» рассказы-вается о письмах от индийцев, приславших письма в Ясную Поляну Л. Н. Толстому, о переводах и театральных постановках, на основе этих материалов исследователь показывает, какой образ русского писателя сложился в Индии [8].

В своих работах Л. Н. Толстой и Ганди последовательно придерживались принципа единства человеческого рода, хотя каждый народ имел свои этнокультурные особенности. Они понимали, что особенности разных этносов отражали как общее, типологическое, так и оригинальное в быту, нравах, обрядах.

Этнокультурные маркеры, которые репрезентируют принадлежность к тому или иному этносу, представляют собой языковые и диалектные, этнографические и фольклорные компоненты традиции, складывавшиеся на протяжении многих веков. К этнокультурным маркерам, помимо языка, можно отнести одежду, пищу, постройки, средства передвижения, ремесла и многое другое. Этнокультурные маркеры меняются в процессе взаимодействия с различными этносами, изменениями в культурной жизни, с развитием технического прогресса.

Однако Ганди и Л. Толстой не проявляли пристального, можно сказать, «научного» интереса к этнографическим реалиям, хотя были хорошо знакомы с особенностями быта и обычаев своих народов. При этом можно с уверенностью говорить, что элементы этнокультурных маркеров присутствуют в различных произведениях Л. Толстого и Ганди. Как отмечал современный литературовед А. Л. Фокеев, «культурный процесс литературно-общественной мысли эпохи не мог не повлиять на раннюю литературную деятельность Толстого. Культурно-исторические факторы общественно-литературного процесса времени побуждали писателя к изучению устного народного творчества и разработке темы народа. Литература соприкасалась с этнографией, но выходила за ее пределы. Этнография выступала элементом народного быта, фиксируя реалистическую манеру изображения. Толстой в своих ранних произведениях включился в процесс изучения и воспроизведения народной жизни, поиски русского национального типа, в том числе и в фольклорно-этнографическом их проявлении» [19, с. 36–37].

Ганди в книге «Моя жизнь» описал свои воспоминания, наблюдения об этнокультурных особенностях индийцев. Индия – многонациональная страна, крупнейшие народы: хиндустанцы, телугу, маратхи, бенгальцы, джат, тамилы, гуджаратцы, каннара, пенджабцы – имеют не только свой язык, но и сложившиеся этнокультурные особенности. Очень важно подчеркнуть, что чаще всего этнокультурные аспекты проявляются в контексте произведений. На настоятельную необходимость исследования контекста указывал еще известный русский ученый Михаил Бахтин: «В какой мере можно раскрыть и прокомментировать смысл (образа, символа)? Только при помощи другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно. Возможна либо относительная рационализация смысла (обычный научный анализ), либо углубление его при помощи других смыслов (философско-художественная интерпретация) – углубление путем расширения далекого контекста» [1, с. 207].

Ганди в своих воспоминаниях в основном размышляет о своей жизни, но в контексте приводит очень много интересных этнографических фактов. Например, Ганди вспоминает о своем браке – это один из наиболее ярких эпизодов в его жизни, но с другой стороны – это и фиксация этнокультурных особенностей народа. «В Катхиаваре существует два различных обряда – обручение и заключение брака. Обручение – это предварительное обещание родителей мальчика и девочки соединить их браком. Обещание это может быть нарушено. Смерть мальчика не влечет за собой вдовства для девочки. Это соглашение между родителями, и детей оно совершенно не касается. Часто они даже не знают о нем». В книге указано, что в семилетнем возрасте писатель был обручен трижды, но две девочки, «которых [для него] выбрали, умерли одна за другой» [6, с. 47]. Как отмечает Ганди, что брак для индусов является обрядом очень важным и в то же время затратным. Часто затраты на брачные обряды даже разоряли родителей жениха и невесты. Ганди говорил о длительности подготовки к свадьбе, это время уходит на изготовление одежды и украшений, на добывание денег для обедов. «Каждый старается перещеголять другого числом и разнообразием предлагаемых блюд. Женщины, обладающие красивыми голосами и совсем безголосые, поют, не давая покоя соседям, до хрипоты, а иногда даже заболевают от этого. Соседи относятся ко всему этому шуму и гаму, ко всей грязи, остающейся после пиршества, совершенно спокойно, потому что знают: придет время и они будут вести себя точно так же» [6, с. 47].

В этом воспоминании Ганди опирается на знание не только обрядов, но и на этнопсихологические особенности народа, то есть на национальный характер. «Национальный характер

народа, мысли, литературы – писал Георгий Гачев, – очень «хитрая» и трудно уловимая «материя». Ощущаешь, что он есть, но как только пытаешься его определить в слова, он часто улетаывается, и ловишь себя на том, что говоришь банальности, вещи необязательные, или усматриваешь в нем то, что присуще не только ему, а любому, всем народам. Избежать этой опасности нельзя, можно лишь постоянно помнить о ней и пытаться с ней бороться – но не победить» [7, с. 55]. Ганди в книгах «Хинд Саварадж», «Сатьяграха в Южной Африке», «Мой Толстой», «Статьи и речи» писал, что «Индию обвиняют в том, что ее народ настолько нецивилизован, невежествен и флегматичен, что невозможно побудить его к каким-либо переменам. В действительности это обвинение направлено против наших достоинств. Мы не осмеливаемся менять то, что мы испытали практикой и нашли истинным. Многие навязывали Индии свои советы, но она остается непоколебимой. В этом ее красота, это ее якорь спасения» [4].

Ганди размышляет о своей женатой жизни, в которой он видел проявление некоторых этнических стереотипов и правил. Жена Ганди Кастурбай была неграмотна. Он пытался обучить ее грамоте. Юношеская страстная любовь, как он писал, «не оставляла времени для этого». Отмечал этнокультурную черту, характерную для индусов, что «в присутствии старших [он] не осмеливался не только разговаривать, но даже встречаться с ней» [6, с. 50]. Ганди с некоторой отрицательной коннотацией отмечал, что в Катхиаваре существовал и до известной степени существует и теперь бессмысленный и варварский обычай укрываться пардой.¹ В оценке Ганди этого обычая звучит осуждение: «бессмысленный и варварский обычай». Из таких небольших информационных об этнокультурных особенностях складываются у Ганди взгляды на свой этнос.

В этих взглядах большое место занимает осмысление религиозных аспектов этнокультурных особенностей. В книге «Моя жизнь» Ганди рассказывает о своих обетах, например, об обете не есть мясо, не пить молоко. Например, «в Гуджарате, – писал Ганди, – был силен джайнизм. Его влияние чувствовалось повсюду и при всяких обстоятельствах. Нигде в Индии и даже за ее пределами не наблюдается такого отвращения к мясной пище, как среди джайнов и вишнуитов Гуджарата. Я вырос и воспитывался в этих традициях. Кроме того, я был очень предан родителям, и я понимал, что они будут глубоко потрясены, если узнают, что я ел мясо». Кастурбай приготовила «сладкую пшеничную кашу не на гхи, а на растительном масле, а также приберегла для меня полную чашу мунга» [6, с. 56].

Важным элементом в этнокультурных аспектах являлось обычное право. Так, Ганди отмечал, что «жена индуса не может требовать развода в судебном порядке. Закон ей не поможет. И потому я не могу забыть и простить себе, что доводил жену до отчаяния» [6, с. 59]. Важно подчеркнуть, что Ганди не случайно обращается к теме брака и положению девушки и женщины в Индии: «ведь страна, где существуют сотни девочек-вдов, где женят двухлетних детей, где двенадцатилетние девочки становятся матерями и хозяйками, где практикуется многожудие, где в обычае практика нийоги, где во имя религии девушки посвящают себя проституции, где во имя религии режут баранов и коз, – это тоже Индия. Считаете ли вы и это символами той цивилизации, которую вы описали?» [4].

В теории и практике сатьяграхи Ганди отводил особое место свадеши. В этом тоже проявляется этнокультурный аспект деятельности Ганди: прежде всего, возрождение ремесел, в частности, ткачества.

Ганди своей деятельностью хотел сделать индийских женщин нужными для страны, а для этого возродить ручное прядение, ткачество – это можно воспринимать как возрождение этнокультурных традиций. «Моя работа должна заключаться и заключается лишь в организации производства домотканой материи и в нахождении средств для сбыта кхади. Поэтому все мое внимание сосредоточено на производстве кхади. Я стою за эту форму свадеши, потому что только таким способом смогу обеспечить работой полуголодных, безработных индийских женщин. Думаю предоставить этим женщинам возможность производить пряжу и одевать население Индии в кхади, выработанную из этой пряжи» [4].

Одним из явных этнокультурных пережитков являлось кастовое устройство индийского общества, оно также нашло отражение в воспоминаниях Ганди: «Ни один мод-бания не бывал в Англии, а если я осмелился на это, меня следовало призвать к ответу. Созвали общее собрание касты и вызвали меня» [6, с. 70].

¹ «Парда» – это значит «занавеска». Обычай «парны» соблюдается в основном мусульманками, согласно канонам ислама. В Хайдарабаде, мусульманском центре, этот обычай очень распространен. Занавеска отделила добрую половину человеческого рода от настоящей жизни, от общественных интересов.

В этнополитическом аспекте Ганди считал необходимым решать индусско-мусульманский вопрос не только в плоскости религиозной, но и в области повседневной жизни. Он призывал преодолеть религиозные и этнокультурные различия: принимать друг от друга воду, садиться за один стол для приема пищи, вступать между собой в браки.

В национальном сознании взаимосвязь человека и культуры как в архаической, так и в христианской, буддийской этике мыслилась не только абстрактно, но на уровне вещного, бытового мира.

Надо отметить, что Лев Толстой также был вовлечен в непосредственное наблюдение за народными обычаями, культурными особенностями разных слоев России. Эти наблюдения нашли отражение в различных художественных и публицистических произведениях. Лев Толстой почти в каждом произведении так или иначе раскрывал этнокультурные особенности русского народа. Можно взять его большие романы, повести, рассказы, публицистические произведения или дневники – в каждом из них есть описания или упоминания элементов народной культуры.

В 1847 г. в дневнике писатель разбирает «Наказ» Екатерины Великой. Толстой соглашался с Екатериной: «Потом она говорит, что в многонаселенных странах машины, заменяющие руки работников, часто не нужны и пагубны, а что для ввозимых рукоделий чрезвычайно нужно употреблять машины, ибо те народы, которым мы продаем их, могут купить такие же товары у соседственных народов. Я думаю совершенно напротив, машины для рукоделий, внутри государства общающихся полезнее машин для рукоделий вывозимых товаров» [17, с. 10]. Ганди же, напротив, писал: «У нас такие же хижинки, какие были в прежние времена, и наше национальное воспитание остается таким же, как и прежде. В нашем жизненном укладе не было соперничества, которое отравляет существование. Каждый занимался своим делом или ремеслом и получал положенную плату. Дело не в том, что мы не знали, как изобрести машины, но наши предки знали, что, если мы будем к этому стремиться, мы станем рабами и утратим наш моральный облик. Поэтому после долгого размышления они решили, что мы должны делать только то, что мы можем сделать нашими руками и ногами» [4].

В «Исповеди» Л. Толстой размышляет о своей жизни, о тех переломных моментах, которые были у него. Так, после того как писатель приехал из-за границы и начал осмысливать свою деятельность, деятельность своего круга, он увидел несправедливость, суету, отсутствие смысла жизни. Толстой задумывался и об истинной вере. Поэтому он писал: «И я стал сблизиться с верующими из бедных, простых, неученых людей, с странниками, монахами, раскольниками, мужиками <...>, я видел, что вся жизнь этих людей проходила в тяжелом труде» [18, с. 145]. Ганди в статье «Мой Толстой» писал: «Еще одна великая идея Толстого – “труд ради хлеба насущного”. Каждый должен в поте лица зарабатывать свой хлеб; жестокая нищета в мире объясняется тем, что люди уклоняются от этой своей обязанности. <...> Верить для Толстого означало трудиться. И на склоне лет этот человек, проживший жизнь в холе и неге, занялся тяжелым физическим трудом. Он стал сапожником и крестьянином, работал, не разгибаясь по восемь часов в день. Но физический труд не притупил его могучего интеллекта – напротив, он лишь придал ему остроту и блеск...» [4].

Как отмечал современный исследователь жизни и творчества Л. Н. Толстого, «столкновение с жизнью разрушило те, в значительной мере идиллические, представления о взаимоотношениях помещика и крестьянина, которые сложились у Толстого с ранних лет и нашли воплощение в повести «Детство» (1851–1852) в образе покорной и преданной господам Натальи Савишны. Потерпев неудачу в осуществлении своих филантропических планов, Толстой, однако, приобрел другое: подлинное знание русской деревни. Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы» [11].

В Записных книжках за 1879 год Толстой помещает записи народных слов и выражений. Н. И. Страхов вспоминал, что Толстой «стал удивительно чувствовать красоту народного языка и каждый день делает открытия новых слов и оборотов» [14, с. 548]. А в записях 1881 года представлены характеристики народных типов, с которыми Толстой встречался: вдовы и вдовцы, солдаты и солдатки, монахи-шатуны и погорельцы, мужики старые и молодые, дети-сироты. Л. Н. Толстой в своих произведениях не только обращал внимание на русский этнос, но и вывел целый ряд образов представителей других народов России. Такие типы представлены уже в неоконченной повести «Тихон и Маланья» (вариант «Идиллии»), над которой

писатель работал в 1861–1862 гг. Это произведение он обозначил как повесть из крестьянской жизни. В отрывке «Идиллии» есть воспоминания о том, как Маланью выдали замуж: «По старинному порядку, выдали ее замуж в 15 лет. Она была девочка. В первое время, когда она, бывало, несет с солдаткой ушат воды, то, как лозинка, качается. И мужа своего совсем не любила, только боялась. Когда он подходил к ней, она начинала плакать, щипать и даже кусать его. Так что первое время все плечи, все руки у него в синяках были. Так она не любила его два года. Но так как баба она была красивая и смиренная и из дому хорошего, то ее не принуждали к тяжелой работе, и она понемножку, года через три или четыре, стала выравниваться, повзросла, раздобрела, раздумянилась, перестала бояться – стала привыкать, привыкать и так наконец привыкла к мужу, что плакала, когда отец его в город усылал» [15, с. 406].

Наиболее ярко в этой повести раскрывается знание писателя крестьянского быта, деревенских реалий. Важным элементом народной жизни была одежда, поэтому Толстой уделял большое внимание тому, как были одеты крестьяне. Одежда была для писателя своеобразным маркером достатка крестьян: «Шли старики большими, широкими шагами (шагами рабочего человека), в белых, заново вымытых онучах и новых лаптях, которые с палочками, которые так, по одному и попарно; шли мужики молодые, в сапогах; староста Михеич шел в черном, из фабричного сукна кафтане; шел длинный, худой и слабый, как плетень, Ризун, Фоканыч хромой, Осип Наумыч бородастый. Шли дворовые, мастеровые в свитках, лакеи в немецких платьях, дворовские бабы и девки в платьях с подзонтиками, как говорили мужики» [16, с. 396]. «Вон идет худая разряженная баба, убрана, как богачка, а Тихон знает, что это самая последняя, заваливающая баба, которую муж уж давно бить перестал. Идет приказчица с зонтиком, расфрантилась, и работница их, Василиса, в красной занавеске. А вот Матрешкин, дворовый, красную кумачовую рубаху вчера купил в городе, надел, да и сам не рад, как народ на него дивится» [16, с. 396–397].

Не только социальное положение отражали элементы одежды, но гендерное: «Шли девочки табунками, в желтых и красных сарафанах, ребята в подпоясанных армячках, согнутые старушки в белых чистых платках, с палочками и без палочек» [16, с. 396]. Особое внимание Толстой обращает не только на одежду, но как ведут те или иные персонажи: «А Маланька шла точно так же, как и другие бабы, ни наряднее, ни чуднее, ни веселее других. На ней была понева клетчатая, обшитая золотым галуном, белая, шитая красным рубаха, гарусная занавеска, красный платок шелковый на голове и новые коты на шерстяных чулках. Другие были в сарафанах, и в поддевах, и в цветных рубахах, и в вышивных котах. Так же, как и другие, она шла, плавно и крепко ступая с ноги на ногу, помахивая руками, подрагивая грудью и поглядывая по сторонам своими бойкими глазами» [16, с. 397].

Жизнь русского крестьянина была невыносима без лошади и коровы, без хорошего хозяйства. Однако крестьяне вынуждены были платить оброк и поэтому уходили на заработки, в частности нанимались ямщиками. Так, Л. Толстой описывает, как выглядели почтовые лошади: «У пристяжных были гривы заплетены с оборочками, корневая, знакомая ему чалая, была высоко подтянута головой под дугу... Лошади были гладки и не потны. Ямщик был курчавый, в новом кафтане и шляпе» [16, с. 391].

Элементы быта простого народа писатель противопоставлял благам цивилизации. Как отмечал И. В. Польский, Лев Николаевич, сделав физический труд «привычным условием своей жизни», перешел на такие условия, которые не стесняли при физическом труде [8]. Л. Толстой даже в отвлеченных размышлениях о бедности и богатстве приводит некоторые бытовые детали: «Вместо сладкого, жирного, утонченного, сложного, пряного, на что тянуло прежде, стала нужна и более всего приятна самая простая пища: щи, каша, черный хлеб, чай вприкуску»² [18, с. 377]. Крестьянская еда являлась отражением не только русской народной кухни, но также была свидетельством особенностей национальной традиции: социальной, религиозной, сезонной (календарной). Так, в повести упоминаются пироги, щи – традиционная еда русских. Например, «жили же исправно и мясо ели», тем самым Толстой подчеркивает, что это зажиточная семья. Или летом, когда для крестьянина самая напряженная страда, собираясь на покос, «забрали хлеба, квасу, огурцов, котелочки, круп и поехали на неделю» [15, с. 415].

Л. Толстой всегда восхищался народным творчеством, духовным богатством народа, поэтому в его произведениях крестьянские персонажи выражали свои думы, мысли, надежды в песнях. Толстой изображает, как во время сенокоса «разрядились бабы, с песнями на работу, с песнями домой» [15, с. 408].

² Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 16. М., 1983. С. 377.

В художественных и публицистических произведениях Толстого и Ганди можно видеть их богатое представление об этнокультурном контексте, о народном характере, народных стереотипах. Историко-этнографический контекст образуется посредством включения в художественную ткань повествования не только различных сюжетных, образных, стилистических, языковых приемов, но также важных этнографических реалий. Можно говорить о том, что в сложной повествовательной системе Ганди и Толстого эти элементы могут рассматриваться как своеобразные этноэстетические микроединицы, в которых представлены поэтическая, эмоциональная, философская, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре народа.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М. : Худ. литература, 1986. 543 с.
2. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация: История, религия, философия, эпос, литература, наука, встреча культур. М. : Восточная литература, 2007. 494 с.
3. Владимирский А. В. Великий Ганди. Праведник власти. М. : Яуза : ЭКСМО, 2013. 352 с.
4. Ганди М. Мой Толстой // Ганди М. Революция без насилия. URL: <https://www.litres.ru/mahatma-gandi/revoluciya-bez-nasiliya/chitat-onlayn/page-2> (дата обращения: 16.02.2020).
5. Ганди М. Революция без насилия. URL: <https://www.litres.ru/mahatma-gandi/revoluciya-bez-nasiliya/chitat-onlayn/page-2> (дата обращения: 16.02.2020).
6. Ганди М. К. Моя жизнь. М. : Наука, 1959. 443 с.
7. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М. : Советский писатель, 1988. 233 с.
8. Загородникова Т. Н. Индия и Серебряный век русской культуры. Очерки русско-индийских взаимоотношений. М. : Изд-во Института востоковедения РАН, 2018. 236 с.
9. Полонская Л. Р. Махатма Ганди: смысл жизни // Новая и новейшая история : журнал. 1991. № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/ессе/gandhi.htm> (дата обращения: 16.02.2020).
10. Польский И. В. Идеи Льва Толстого в контексте радикальной критики цивилизации // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 159–172.
11. Сайфуллаева М. И. Лев Толстой всегда современен // Гений русской литературы – Л. Н. Толстой. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=236 (дата обращения: 16.02.2020).
12. Сарбаш Л. Н. Инонациональное в творчестве Л. Н. Толстого: некоторые аспекты творческой рецепции Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 204–211.
13. Серебряный С. Лев Толстой в восприятии М. К. Ганди // Вопросы литературы. 2009. № 5. Сентябрь-октябрь. С. 333–362.
14. Страхов из письма Н. Я. Данилевскому от 23 сентября 1879 г. // Русский вестник, 1901. № 1. С. 138. Цит. по: Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1985. Т. 21. С. 548.
15. Толстой Л. Н. Идиллия // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1979. Т. 3. С. 405–429.
16. Толстой Л. Н. Тихон и Маланья // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1979. Т. 3. С. 391–404.
17. Толстой Л. Н. Дневники. 1847 // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1985. Т. 21. С. 7–21.
18. Толстой Л. Н. Исповедь // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 16. С. 106–165.
19. Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тип творчества, история развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 46 с.

The views of Mohandas Karamchand Gandhi and Lev Tolstoy on the ethno-cultural peculiarities of the peoples

V. A. Pozdeyev

Doctor of Philology, professor of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University, Russia, Kirov. E-mail: slavapozd@yandex.ru

Abstract. The article examines the views of Mohandas Karamchand Gandhi and Lev Tolstoy on some ethnocultural aspects. The relevance of the work is due to the fact that currently existing studies do not fully disclose the features of the representation of these aspects in the works of Gandhi and Tolstoy. The object of the research is the works of Tolstoy and Gandhi, which reveal the ethnocultural characteristics of peoples, as well as their changes and factors that influence them. The author uses the following methods and approaches: biographical, which implies the interpretation of the work as a reflection of the biographical and personal characteristics of Gandhi and Tolstoy; problem-thematic and comparative. Gandhi in his articles, in his autobiographical book "My life", describing ethno-cultural and religious features, in his biography reflects the specifics of Indian national life (rituals, stereotypes in behavior, in food, in clothing). L. N. Tolstoy in journalism, diaries, and works of art somehow shows elements of folk tradition in clothing, food, and psychology. The analysis of the

works of two great thinkers of India and Russia reveals the authors' worldview goals, which allows us to identify personal and creative elements of the texts. It is shown that Gandhi pays great attention to political aspects, since it was important for him, and L. N. Tolstoy is more focused on the ethical problems of people's life. As a result, we can conclude that the elements reflected by writers in works of different genres have national specifics. Gandhi and Tolstoy have different approaches to understanding and including ethnic, cultural and religious traditions in their works.

Keywords: Mohandas Karamchand Gandhi, Lev Tolstoy, ethnocultural features, ethnic markers, folk tradition.

References

1. Bahtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles]. M. : Hud. literature. 1986. 543 p.
2. Bongard-Levin G. M. *Drevneindijskaya civilizaciya: Istorija, religija, filozofija, epos, literatura, nauka, vstrecha kul'tur* [Ancient Indian civilization: History, religion, philosophy, epos, literature, science, meeting of cultures]. M. Eastern literature, 2007. 494 p.
3. Vladimirskij A. V. *Velikij Gandi. Pravednik vlasti* [The Great Gandhi. The righteous man of power]. M. Yauza : EKSMO. 2013. 352 p.
4. *Gandi M. Moj Tolstoy* [My Tolstoy] // *Gandi M. Revolucija bez nasiliya* [Revolution without violence]. Available at: <https://www.litres.ru/mahatma-gandi/revolucija-bez-nasiliya/chitat-onlayn/page-2> (date accessed: 16.02.2020).
5. *Gandi M. Revolucija bez nasiliya* [Revolution without violence]. Available at: <https://www.litres.ru/mahatma-gandi/revolucija-bez-nasiliya/chitat-onlayn/page-2> (date accessed: 16.02.2020).
6. *Gandi M. K. Moya zhizn'* [My life]. M. Nauka. 1959. 443 p.
7. Gachev G. D. *Nacional'nye obrazy mira* [National images of the world]. M. Soviet writer. 1988. 233 p.
8. Zagorodnikovoj T. N. *Indiya i Serebryanyj vek russkoj kul'tury. Oчерki rusko-indijskih vzaimootnoshenij* [India and the Silver age of Russian culture. Essays on Russian-Indian relations]. M. Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences. 2018. 236 p.
9. Polonskaya L. R. *Mahatma Gandi: smysl zhizni* [Mahatma Gandhi: the meaning of life] // *Novaya i novejšhaya istoriya : zhurnal – New and modern history : magazine*. 1991. No. 4. Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/papers/ecce/gandhi.htm> (date accessed: 16.02.2020).
10. Pol'skij I. V. *Idei L'va Tolstogo v kontekste radikal'noj kritiki civilizacii* [Ideas of Lev Tolstoy in the context of radical criticism of civilization] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – Social Sciences and modernity. 2014. No. 3. Pp. 159–172.
11. Saifullaeva M. I. *Lev Tolstoy vsegda sovremen* [Lev Tolstoy is always modern] // *Genij russkoj literatury – L. N. Tolstoy – Genius of Russian literature – L. N. Tolstoy*. Available at: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=236 (date accessed: 16.02.2020).
12. Sarbash L. N. *Inonacional'noe v tvorcestve L. N. Tolstogo: nekotorye aspekty tvorcheskoj recepcii Povolzh'ya* [Foreign language in the work of L. N. Tolstoy: some aspects of the creative reception of the Volga region] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Herald of the Chuvash University*. 2013. No. 1. Pp. 204–211.
13. Serebryanyj S. *Lev Tolstoy v vospriyatii M. K. Gandi* [Lev Tolstoy in the perception of M. K. Gandhi] // *Voprosy literatury – Questions of literature*. 2009. No. 5. September-October. Pp. 333–362.
14. *Strahov iz pis'ma N. Ya. Danilevskomu ot 23 sentyabrya 1879 g.* – Strahov from a letter to N. Y. Danilevsky dated September 23, 1879 // *Russkij vestnik – Russian Herald*, 1901. No. 1. P. 138. Cit. by: Tolstoy L. N. Coll. works : in 22 vols. M. Hudozh. lit. 1985. Vol. 21. P. 548.
15. *Tolstoy L. N. Idylliya* [Idyll] // *Tolstoy L. N. Sobr. soch. : v 22 t.* [Coll. works : in 22 vols]. M. Hudozh. lit. 1979. Vol. 3. Pp. 405–429.
16. *Tolstoy L. N. Tihon i Malan'ya* [Tikhon and Malanya] // *Tolstoy L. N. Sobr. soch. : v 22 t.* [Coll. works : in 22 vols]. M. Hudozh. lit. 1979. Vol. 3. Pp. 391–404.
17. *Tolstoy L. N. Dnevnik. 1847* [Diaries. 1847] // *Tolstoy L. N. Sobr. soch. : v 22 t.* [Coll. works : in 22 vols]. M. Hudozh. lit. 1985. Vol. 21. Pp. 7–21.
18. *Tolstoy L. N. Isповед'* [Confessions] // *Tolstoy L. N. Sobr. soch. : v 22 t.* [Coll. works : in 22 vols]. M. Hudozh. lit. 1983. Vol. 16. Pp. 106–165.
19. Fokeev A. L. *Etnograficheskoe napravlenie v russkom literaturnom processe XIX veka: istoki, tip tvorcestva, istoriya razvitiya : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Ethnographic direction in the Russian literary process of the XIX century: origins, type of creativity, history of development : abstract of dis. ... Dr. of Philol. Sciences]. M. 2004. 46 p.

Репрезентация виртуальной реальности в современном кинематографе

М. Н. Родионова

аспирант кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет.
Россия, г. Ижевск. E-mail: mar1986rod@gmail.com

Аннотация. На протяжении нескольких последних десятилетий, в связи с развитием техники, наблюдается проникновение цифровых компьютерных технологий во все сферы повседневной жизни и творческой деятельности человека. В том числе цифровые компьютерные технологии активно применяются в киноискусстве на этапе создания кинофильмов, а также их дистрибуции и просмотра. Предметом статьи становятся виртуальность и виртуальная реальность в современном кинематографе. Целью статьи является анализ явлений виртуальности и виртуальной реальности в современном кинематографе. В процессе исследования применяются методы систематизации теоретического материала, описания, изучения и анализа конкретных произведений киноискусства, а также их интерпретация. В статье рассматривается история изображения виртуальных миров в литературе и зарубежном кинематографе, при этом особое внимание уделяется техническим приемам изображения виртуальной реальности в кинофильмах. В итоге делается вывод о том, что с 1980-х годов в области визуальных искусств в целом и кинематографа в частности происходит процесс ремедиации. Этот процесс предполагает сближение родственных жанров: кино, видеоигр, телевидения. Кроме того, в современном кинематографе возрастает роль компьютерных технологий рендеринга, цифрового рисования и захвата изображения, которые позволяют переносить на экран вымышленные виртуальные миры, создавать цифровые спецэффекты и цифровых персонажей-морфов. Эти инновации в совокупности позволяют говорить о существовании в современности нового жанра – цифрового кино, для которого характерны такие свойства виртуальной реальности, как квазиреальность и интерактивность. Статья представляет интерес для исследователей в области киноведения, культурологии, искусствоведения.

Ключевые слова: кинематограф, цифровое кино, виртуальная реальность.

Виртуальная реальность – это «центральная характеристика новых информационных культур» [11, с. 57]. Каждому историческому периоду соответствуют свои формы виртуальной реальности [3, с. 41]. В современности ведущей разновидностью виртуальности становится компьютерная виртуальность, представленная виртуальными культурными продуктами и практиками [9]. Изображение вымышленных виртуальных миров становится одной из ведущих тем современной цифровой и сетевой культуры.

Согласно определению В. В. Бычкова и Н. Б. Маньковской, виртуальная реальность – это «сложная самоорганизующаяся система, некая специфическая чувственно (визуально-аудио-гаптически) воспринимаемая среда, создаваемая электронными средствами компьютерной техники и полностью реализующаяся в психике воспринимающего (равно активно действующего в этой среде) субъекта; особый, максимально приближенный к реальной действительности (на уровне восприятия) искусственно моделируемый динамический континуум, возникающий в рамках и по законам (пока только формирующимся) компьютерно-сетевому искусству» [1, с. 33]. По мнению О. Ю. Колосовой, виртуальность представляет собой «отражательный мир, <...> презентаци[ю] бытия, плодов сознания или творчества человека в формах небытия» [6, с. 82]. З. С. Завьялова рассматривает виртуальность как копию или модель объективной реальности, как «псевдореальности, создаваемые сознанием человека, под влиянием которых изменяется само сознание, <...> помогающие человеку удовлетворить его потребность в фиктивном удвоении мира». Это «единственное псевдотрансцендентное пространство, которое объективно существует вне сознания человека» [2, с. 44].

К характеристикам виртуальности относятся: *искусственность* (порожденность), *актуальность*, *автономность* (от времени и пространства), *интерактивность* [8, с. 286], *объективность* (материальная опосредованность), *возможность создания неограниченного количества реальностей*, альтернативных истинной реальности. Виртуальное пространство анонимно, интерактивно, инклюзивно, развивается быстрее, чем пространство объективной реальности, имеет терапевтическое влияние [2, с. 41–48]. С. Л. Катречко относит к определяющим свойствам виртуальной среды *вариабельность* (непродолжительность, быструю изменчивость), *ирреальность* (вымышленный характер), *квазиреальность* (способность к моделированию свойств объективной реальности). Создаваемая в итоге искусственная реальность характеризуется динамической ирреальностью с непредсказуемо изменяющимися параметрами [5, с. 60].

В. В. Бычков и Н. Б. Маньковская выделяют пять разрядов виртуальности: естественная виртуальность (сны, фантазии, игры); искусство как виртуальная реальность; паравиртуальная виртуальность (авангардное и психоделическое искусство эпохи постмодерна); прото-виртуальная реальность (нет-арт, технические и прикладные искусства, сетевые арт-практики); собственно виртуальная реальность (погружение человека в виртуальное пространство) [1, с. 36–39]. При этом можно выделить два варианта компьютерной виртуальности: искусственно созданная реальность, полностью похожая на истинную реальность, и искусственно созданная реальность, совершенно не похожая на истинную реальность [8, с. 286]. Мир виртуальной реальности рассматривается как «альтернативная модель современности как особого знаково-символического мира» [4, с. 86].

В истории культуры известны многочисленные литературные произведения, включающие элементы воображаемой действительности, как правило, идеалистического (утопии) или скрыто (дистопии) или откровенно (антиутопии) критического и сатирического характера: «Жизнь есть сон» (1635 г.) П. Кальдерона, «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, части романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «1984» Дж. Оруэллса, «Мы» Е. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли.

Богатая традиция изображения виртуальных миров существует также в жанрах фантастики и фэнтези. Основой этих жанров является вымышленный мир, в который полностью погружается герой. Несмотря на отсутствие технологий и компьютеров во многих произведениях классической фантастики и фэнтези, вымышленная реальность этих произведений во многом напоминает виртуальные «компьютерные» реальности более поздней литературы.

Развитие компьютерной техники и культуры использования компьютеров во второй половине XX века привело к появлению произведений, изображающих компьютерные виртуальные миры. К значительным литературным произведениям этого направления, как правило, написанным в жанре научной фантастики, киберпанка, постмодернистской прозы, относятся работы писателей-фантастов Филипа К. Дика, Уильяма Гибсона («Нейромант», 1984), Нила Стивенса («Лавина», 1992), Курта Воннегута, Рэя Брэдбери, Дугласа Адамса, Станислава Лема, Роберта Хайнлайна, Хорхе Луиса Борхеса. В русскоязычной литературе разработкой проблемы человека в виртуальных мирах занимались братья Стругацкие («Хищные вещи века», 1965), Сергей Лукьяненко («Лабиринт отражений», 1997), Виктор Пелевин («iPhuck10, 2017).

В XXI веке традицию изображения виртуальных миров в литературе продолжают такие фантасты, как Грег Иган («Город перестановок», 1994, «Диаспора», 1997), Чарльз Стросс («Стеклянный дом», 2003), Ян М. Бэнкс («Алгебраист», 2004), Джон Т. Хокс («Путешественник», 2005), Марианн Манкузи («Смотрящие на луну», 2007), Дэйвн Дуэйн («Рассвет омнитопии», 2010), Кен Маклауд («Игра в реставрацию», 2010), Мэтт Рафф («Мираж», 2012), Себ Дубински («Песнь синта», 2015). Жанр комиксов и аниме также разрабатывает эту тему («Призрак в доспехах» (1989), «Мегазона 33» (1985–1989), «Искусство боя на мече онлайн» (2009).

Традиция изображения в искусстве виртуальных реальностей, начавшаяся в литературе, в XX веке продолжается в кино. Несмотря на богатство художественных возможностей литературы, она имеет ограничения в визуальном изображении симулированных и виртуальных миров. Киноискусство, благодаря технической возможности создавать движущийся мир на экране с помощью камеры, монтажа и специальных эффектов, является органичной средой для рассказывания историй о симулированной и виртуальной реальности и человеку в ней. Кино позволяет полно и глубоко погрузиться в мир на экране за счет привлечений не только словесных, но и визуальных, звуковых, музыкальных, эмоциональных средств воздействия.

Виртуальная реальность понимается здесь как два возможных варианта: репродукция реальности и создание нового мира. Это соотношение близко к тому разделению, которое существовало в истоках развития кино, когда братья Люмьеры стремились в своих фильмах к реализму, а Жорж Мельес – к созданию выдуманных фантастических историй. Эксперименты с условно виртуальными средствами (звук, объемом, альтернативными концовками представлений) проводились в кино и театре на протяжении всего XX века [19]. В докинематографическую эпоху такой подход был распространен еще более широко – например, в живописи, способной изображать выдуманные, несуществующие объекты. Кино, как отмечает Л. Манович, в XX веке способствовало скорее возвращению к реализму за счет своей способности фотографически точно передавать реальность. Однако цифровые технологии, применяющиеся в кино нового столетия, снова возвращают кино к вымышленным мирам. Таким образом, современное цифровое кино сближается с анимацией и «из индексальной технологии становится скорее поджанром живописи» [18, с. 295].

Виртуальность находит отражение в современном кинематографе на уровне технических приемов кино съемки, приемов повествования, а также на уровне тематики. Начиная с 1980-х годов проводятся первые эксперименты с цифровыми и компьютерными спецэффектами в таких фильмах, как «Терминатор-2» (1992), «Кто подставил кролика Роджера» (1988), «Парк Юрского периода» (1993). В 1990-е годы появляются первые цифровые фильмы: первый полностью цифровой анимационный фильм – «История игрушек» (1995). Далее тенденцию цифровой анимации продолжают мультфильмы «Шрек», «В поисках Немо», «Суперсемейка». Выходят первые фильмы, снятые на цифровую камеру, – картины серии «Догма» (1995 год и далее). К концу 1990-х годов развивается цифровой монтаж, а в 2000-е он проникает в коммерческое кино (первые примеры – фильмы «Атака клонов» (2002), «Таймкод» (2000) [11, с. 75].

Как отмечает исследователь кино Дж. Монако, «1980-е подготовили нас к цифровой эпохе морфов, которая зародилась в 1990-е, начиная с которой ни один образ – не важно, насколько очевидно подлинный, – не подлежит доверию» [19, с. 364]. Уже в это десятилетие закладываются основы изображения в кино виртуальных персонажей и реальностей. Ведущим жанром 1980-х становится приключенческий боевик, который позволил демонстрировать спецэффекты и тем самым создавать на экране альтернативную реальность.

Кроме того, в этом десятилетии происходит сближение формата фильма, видео и телевидения (появляются фильмы, выходящие сразу на видео); технологии производства и дистрибуции удешевляют кинопроизводство. Данный процесс взаимодействия и взаимовлияния новых и старых медиаформ исследователь кино Дж. Д. Болтер называет *ремедиацией* [10]. В результате формируется характерный внешний вид современного кино – «сплав оптического (фотографического) и цифрового (постфотографического) образов» [12, с. 195]. Постфотографические образы не определяются реальностью, так как могут быть изменены.

На данный момент практически каждый снимаемый фильм является частично или полностью цифровым, так как цифровые методы применяются на одной или более из пяти основных стадий его создания: подготовки к съемкам, съемок, послесъемочного этапа, дистрибуции и демонстрации [14, с. 75]. В результате к настоящему моменту складывается то, что можно назвать, по аналогии с «поздней современностью», «поздним кино» [10, с. 13].

В цифровом кино выделяются три основных метода, которые могут применяться как по отдельности, так и совместно: 1) технология захвата движения или сканирования движения; 2) ручное цифровое рисование/живопись с использованием программ типа Photoshop, Corel Painter; 3) цифровое синтезирование трехмерных образов – рендеринг, или визуализация. Примером использования комбинации этих методов стали фантастические персонажи – Голлум, Кинг-Конг [14, с. 78].

Так как эти методы часто используются в комбинации, многие цифровые изображения в кино – это меланжи. Так, фантастический киноперсонаж может быть результатом работы актера, чьи движения и мимика, голос, внешность будут обработаны редакторами с помощью технологии захвата движения, цифрового рисования и рендеринга. Таким образом, цифровой образ на экране в цифровом фильме – изначально композитный образ, распадающийся на части внутри, хотя это незаметно внешне [14, с. 79]. «Поздний фильм», то есть фильм, созданный с использованием компьютерных технологий, стремится к созданию впечатления сконструированной/искусственной естественности: «бесшовного целого, где следы цифровых технологий стерты» (Bolter, p. 16). В связи с этим все спецэффекты делятся на видимые (10%) и невидимые (90%) – те, которые заметны зрителю, и те, которые незаметны [12, с. 210].

В цифровом кино возможности цифровой техники используются для создания как виртуальных пространств, так и виртуальных персонажей. Первые примеры использования цифровых персонажей в кино – Витражный рыцарь («Молодой Шерлок Холмс», 1986), трехмерный ребенок («Оловянная игрушка», 1988), «История игрушек» (1995, все три фильма снял режиссер Дж. Лассетер), персонаж T-1000 из «Терминатора-2», Голлум из «Властелина колец», агенты Смиты из трилогии фильмов «Матрица», персонажи фильмов «Симона», «Полярный экспресс». Для передачи движений живых актеров, которые передаются цифровым персонажам, помимо технологии захвата движения применяются методы захвата мимики лица Facial Motion Capture, и «захвата реальности» Reality Capture, которые представлены в фильмах «Загадочная история Бенджамина Баттона» и «Аватар», а также технология создания трехмерных цифровых человеческих образов LightStage, применённая в серии фильмов «Человек-паук» [20].

Искусственно созданные цифровые актеры массовки получили название «синтелицедеи» (термин был предложен художником по спецэффектам Джеффом Клейзером в 1988 году). У них можно менять отдельные параметры облика. «Синтелицедеи» использовались в фильмах «Титаник», «Гладиатор», «Властелин колец». Такие герои кажутся «замаскированными или забальзамированными» [17, с. 788], отдаленными от зрителей, похожими на зомби (особенно неживыми смотрятся их глаза).

Необходимо отметить, что на данный момент существует уже два типа «цифровых» актеров. Помимо цифровых «синтелицедеев», изображающих живых людей и фактически являющихся невидимыми спецэффектами, существует и другая тенденция – живые актеры, изображающие искусственно созданных цифровых персонажей, чаще всего роботов-андроидов. Примеры второго подхода представлены в сериалах «Люди» (Великобритания, 2015–2018), «Лучше, чем люди» (Россия, 2018).

Цифровые персонажи способны вызывать у зрителя неоднозначные и даже отрицательные чувства из-за эффекта «зловещей долины» – предположительно отрицательного ощущения, возникающего у человека при виде робота или человекоподобного существа. Все киноперсонажи – от людей до роботов-андроидов и цифровых актеров, изображающих людей, – могут быть размещены на шкале, при этом персонажи-андроиды располагаются ближе всего к «зловещей долине» [20]. Как отмечает В. А. Куренной, «нельзя эмоционально пережить битву с полчищем совершенно одинаковых механизмов...» [7, с. 142]. Иными словами, для того чтобы цифровой персонаж оказывал воздействие на зрителя, нужно, чтобы зритель испытывал эмпатию к такому герою. Поэтому наиболее удачны и любимы зрителями гибридные формы фильмов – с участием как живых, так и цифровых актеров – например, «Звездные войны» [7, с. 14].

Использование цифровых приемов, эффектов и персонажей в кино, создаваемых с помощью новых компьютерных технологий, позволяет расширить возможности кинематографа: они повышают вовлеченность зрителя в происходящее на экране действие, а создателям кинофильмов дают возможность реализовать все возможности своего воображения.

В последние десятилетия происходит сближение мира кино и компьютерных игр. В обеих отраслях используются технологии и стилистика, заимствованные друг у друга. Такие крупные кинокомпании, как Sony и Universal производят одновременно и фильмы, и игры по их мотивам. Для создания компьютерных игр выделяются бюджеты, сопоставимые с бюджетом фильмов, авторы популярных компьютерных игр становятся известны так же широко, как кинорежиссеры [16]. Неслучайно, что на консолях для компьютерных игр можно воспроизводить и DVD-диски [14]. Но более важно то, что «цифровой нарратив» компьютерных игр проникает и в саму логику и структуру кинофильмов.

Структуры цифровых нарративов имеют следующие характерные черты: сериализованное повторение действий; множественные уровни, на которых происходит действие; искажения времени и пространства (аналогичное гипертексту); волшебные превращения и маски персонажей; награды и наказания, получаемые за действия; интерактивность [13, с. 162–163].

Анализируя фильм «Слон» (2003, реж. Г. ван Сент), М. Джонс выделяет следующие приемы компьютерных игр, заимствованные режиссером: камера может фокусироваться не на говорящем, а на других персонажах; нехронологическое повествование (из-за чего зритель должен сам восстанавливать хронологию событий); повторы одной и той же сцены с разных точек зрения/перспектив; ансамбль персонажей вместо одного главного героя; наличие макромизансцены (в данном фильме это школа) [15].

Дж. Кинг и Т. Крзивинска проводят в своей статье сравнение кино и компьютерных игр. Хотя авторы считают, что «трудно найти примеры фильмов, которые формально основывались бы на характеристиках игр, если не считать поверхностного воспроизведения содержания...» [16, с. 151], они отмечают, что существует и общее между фильмами и компьютерными играми: тяготение к определенным жанрам (научная фантастика, ужасы, фильм-нуар), заимствование определенных спецэффектов (замедленное движение, «морфинг» – динамическая трансформация образа, быстрый монтаж, съемка нестабильной камерой). Больше всего точек соприкосновения у компьютерных игр с цифровой анимацией.

Однако имеются и важные различия между фильмами и компьютерными играми. Одно из этих различий касается отношений между камерой, героем и зрителями. Точка зрения персонажа в компьютерных играх, как правило, осуществляется от первого или третьего лица, тогда как в фильмах показ действия от первого лица – редкий прием. Игрок может выбрать для себя роль и играть, смотря на игровое пространство с точки зрения любого персонажа – даже не человека. Поэтому фильм – это история персонажей, тогда как игра – это скорее «история игрока» [16, с. 147]. Однако в последнее десятилетие эстетика компьютерных игр и фильмов сближается еще интенсивнее. Так, в фильмах жанра «десктоп», где действие демонстрируется во внутренней рамочной конструкции – на экране компьютера, показанного в фильме, активно используется прием показа действий персонажей от первого лица, а пространство фильма, имитирующее экран компьютера, гетерогенно и содержит текстовые («Убрать из друзей», «Киберагрессор») и анимационные («Чат») вставки. Некоторые цифровые фильмы («Авалон», «Первому игроку приготовиться») построены по принципу компьютерной игры, и их сюжет строится вокруг исследования пространства и поиска решения трудной задачи. Иллюзия интерактивности реализуется за счет возможности выбора зрителем линии развития событий – к примерам такого интерактивного и партиципативного кинематографа относятся работы С. Содерберга (сериал «Мозаика», фильм «Не в себе»).

Таким образом, в современном «позднем кино» элементы виртуальности присутствуют на всех уровнях – от технических приемов создания кинообразов и киномиров до персонажей, а также структуры киноповествования. Свойства виртуальной реальности, присущие вымышленным мирам еще докомпьютерной эпохи, – искусственность, автономность созданных пространств, квази-реальность и интерактивность, переносятся на экран кинематографа и находят конкретное воплощение в спецэффектах кино (рендеринг, цифровое рисование, захват изображения), колеблющихся между реальностью и нереальностью постфотографических образах-морфах, цифровых персонажах, процессе слияния эстетики кино и других видеоискусств (ремедиатизации).

Список литературы

1. Бычков В. В., Маньковская Н. Б. Виртуальная реальность как феномен современного искусства // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. 2006. Вып. 2. С. 32–60. URL: <https://iphras.ru/page47631358.htm> (дата обращения: 20.12.2019).
2. Завьялова З. С. Самоидентификация личности в условиях сетевых коммуникаций: постановка проблемы // Гуманитарная информатика. 2008. Вып. 4. С. 40–51.
3. Закаблукровский Е. В., Кучинов Е. В. «Номо getis»: философская антропология виртуальной персоны. М. : ФИНТА ; Нижний Новгород : Изд-во Мининского ун-та, 2017. 151 с.
4. Игнатъев В. И., Пальцева Е. А. Человек в виртуальных сетях: жизнь после «информационного взрыва» // Идеи и идеалы. 2017. № 4 (34). С. 84–94.
5. Катречко С. Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М. : ИФ РАН, 2004. С. 57–73.
6. Колосова О. Ю. Человек и общество в новой цифровой реальности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2018. № 2. С. 82–85.
7. Куренной В. А. Философия фильма: упражнения в анализе. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 232 с.
8. Прокопьева М. Ю., Осипов С. М. Современное зазеркалье // Этика в современной философско-культурологической перспективе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, УрФУ, 25 апреля 2015 г.). Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 285–288.
9. Шпицин А. И. Компьютерные социальные сети в контексте виртуализации современной культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2014. 24 с.
10. Bolter J. Transference and Transparency: Digital Technology and the Remediation of Cinema // *Intermedialités*. 2005. № 6. Pp. 13–26. URL: <https://doi.org/10.7202/1005503ar> (дата обращения: 20.12.2019).
11. Cardoso G. The Culture of Informational Societies // *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Castells, Manuel and Cardoso, Gustavo, eds., Washington, DC : Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. Pp. 54–63.

12. *Elsaesser T., Buckland W.* Realism in the photographic and digital image (*Jurassic Park and The Lost World*) // *Studying Contemporary American Film*. Arnold. London. 2002. Pp. 195–219.
13. *Elsaesser T., Buckland W.* S/Z, the 'Readerly' Film, and Video Game Logic (*The Fifth Element*). // *Studying Contemporary American Film*. Arnold. London, 2002. Pp. 146–167.
14. *Gaut B.* Digital Cinema // *The Routledge Companion to Philosophy and Film*. Ed. P. Livingston, C. Plantinga. Taylor and Francis, 2008. Pp. 75–85.
15. *Jones M.* Composing Space: Cinema and Computer Gaming – The Macro-Mise en Scene and Spatial Composition // *Journal of Popular Film and Television*. Summer, 2003. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/0068/39ebc48510ffe7f43a98a4d19e3358f40a72.pdf> (дата обращения: 20.12.2019).
16. *King G., Krzywinska T.* Computer Games / Cinema / Interfaces // *Proceedings of Computer Games and Digital Cultures Conference*. Ed. Frans Mäyrä. Tampere : Tampere University Press, 2002. Pp. 141–153.
17. *Kurtz L.* Digital Actors and Copyright – From the Polar Express to Simone // *Santa Clara High Technology Law Journal*. Vol. 21. Is. 4. 2005. Pp. 783–805. URL: <http://digitalcommons.law.scu.edu/chtlj/vol21/iss4/5> (дата обращения: 20.12.2019).
18. *Manovich L.* The Language Of New Media. MIT Press, 2001. 307 p.
19. *Monaco J.* "How to Read a Film: the World of Movies, Media, and Multimedia: Art, Technology, Language, History, Theory. 3rded. New York. Oxford. Oxford University Press, 2000. 672 p.
20. *Villagrasa Falip S., Duran Castells J., Navarro Delgado I.* Digital Characters. URL: http://www.iiis.org/CDs2011/CD2011SCI/SOIC_2011/PapersPdf/WA776RH.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

Representation of virtual reality in modern cinema

M. N. Rodionova

postgraduate student of the Department of cultural studies, sociology and philosophy, Vyatka State University.
Russia, Izhevsk. E-mail: mar1986rod@gmail.com

Abstract. Over the past few decades, in connection with the development of technology, there has been penetration of digital computer technologies in all areas of everyday life and creative activity. In particular, digital computer technologies are actively used in the film industry at the stage of creating films, as well as their distribution and viewing. The subject of the article is virtuality and virtual reality in modern cinema. The purpose of the article is to analyze the phenomena of virtuality and virtual reality in modern cinema. In the process of research, methods of systematization of theoretical material, description, study and analysis of specific works of cinema art, as well as their interpretation are used. The article deals with the history of virtual worlds in literature and foreign cinema, with special attention paid to the technical techniques of virtual reality images in movies. As a result, it is concluded that since the 1980s, there has been a process of remediation in the field of visual arts in general and cinema in particular. This process involves the convergence of related genres: movies, video games, and television. In addition, in modern cinema, the role of computer technologies for rendering, digital drawing and image capture is increasing, which allow you to transfer fictional virtual worlds to the screen, create digital special effects and digital characters-morphs. These innovations together allow us to speak about the existence of a new genre in modern times-digital cinema, which is characterized by such properties of virtual reality as quasi-reality and interactivity. The article is of interest to researchers in the field of film studies, cultural studies, and art history.

Keywords: cinema, digital cinema, virtual reality.

References

1. *Bychkov V. V., Man'kovskaya N. B.* Virtual'naya real'nost' kak fenomen sovremennogo iskusstva [Virtual reality as a phenomenon of modern art] // *Estetika: Vchera. Segodnya. Vsegda – Aesthetics: Yesterday. Today. Always*. 2006. Vol. 2. Pp. 32–60. Available at: <https://iphras.ru/page47631358.htm> (date accessed: 20.12.2019).
2. *Zav'yalova Z. S.* Samoidentifikaciya lichnosti v usloviyah setevykh kommunikacij: postanovka problemy [Self-identification of the individual in the conditions of network communications: problem statement] // *Gumanitarnaya informatika – Humanitarian Informatics*. 2008. Is. 4. Pp. 40–51.
3. *Zakablukovskij E. B., Kuchinov E. V.* "Homoretis": filosofskaya antropologiya virtual'noj osoby ["Homoretis": philosophical anthropology of the virtual person]. M. FINTA; Nizhny Novgorod. Minin University. 2017. 151 p.
4. *Ignat'ev V. I., Pal'ceva E. A.* Chelovek v virtual'nyh setyah: zhizn' posle "informacionnogo vzryva" [Man in virtual networks: life after the "information explosion"] // *Idei i idealy – Ideas and ideals*. 2017. No. 4 (34). Pp. 84–94.
5. *Katrechko S. L.* Internet i soznanie: k koncepcii virtual'nogo cheloveka [Internet and consciousness: towards the concept of a virtual person] // *Vliyaniye Interneta na soznanie i strukturu znaniya – Influence of the Internet on consciousness and the structure of knowledge*. M. IPh RAS. 2004. Pp. 57–73.

6. Kolosova O. Yu. *Chelovek i obshchestvo v novej cifrovoj real'nosti* [Man and society in the new digital reality] // *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov – Economic and humanitarian studies of regions*. 2018. No. 2. Pp. 82–85.
7. Kurennoj V. A. *Filosofiya fil'ma: uprazhneniya v analize* [Philosophy of the film: exercises in the analysis]. M. New literary review. 2009. 232 p.
8. Prokop'eva M. Yu., Osipov S. M. *Sovremennoe zazerkal'e* [Modern looking glass] // *Etika v sovremennoj filosofsko-kul'turologicheskoy perspective : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Ekaterinburg, UrFU, 25 aprelya 2015 g.) – Ethics in the modern philosophical and cultural perspective : materials of All-Russia scient.-pract. conf. with int. participation* (Yekaterinburg, the Ural Federal University, April 25, 2015). Yekaterinburg, UrFU. 2015. Pp. 285–288.
9. Shipicin A. I. *Komp'yuternye social'nye seti v kontekste virtualizacii sovremennoj kul'tury : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Computer social networking in the context of the virtualization of contemporary culture : abstract of dis. ... PhD of Philos. Sciences]. Volgograd. 2014. 24 p.
10. Bolter J. *Transference and Transparency: Digital Technology and the Remediation of Cinema* // *Intermédialités*. 2005. No. 6. Pp. 13–26. Available at: <https://doi.org/10.7202/1005503ar> (date accessed: 20.12.2019).
11. Cardoso G. *The Culture of Informational Societies* // *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Castells, Manuel and Cardoso, Gustavo, eds., Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. Pp. 54–63.
12. Elsaesser T., Buckland W. *Realism in the photographic and digital image (Jurassic Park and The Lost World)* // *Studying Contemporary American Film*. Arnold. London. 2002. Pp. 195–219.
13. Elsaesser T., Buckland W. *S/Z, the "Readerly" Film, and Video Game Logic (The Fifth Element)* // *Studying Contemporary American Film*. Arnold. London, 2002. Pp. 146–167.
14. Gaut B. *Digital Cinema* // *The Routledge Companion to Philosophy and Film*. Ed. P. Livingston, C. Plantinga. Taylor and Francis, 2008. Pp. 75–85.
15. Jones M. *Composing Space: Cinema and Computer Gaming – The Macro-Mise en Scene and Spatial Composition* // *Journal of Popular Film and Television*. Summer, 2003. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/0068/39ebc48510ffe7f43a98a4d19e3358f40a72.pdf> (date accessed: 20.12.2019).
16. King G., Krzywinska T. *Computer Games / Cinema / Interfaces* // *Proceedings of Computer Games and Digital Cultures Conference*. Ed. Frans Mäyrä. Tampere : Tampere University Press, 2002. Pp. 141–153.
17. Kurtz L. *Digital Actors and Copyright – From the Polar Express to Simone* // *Santa Clara High Technology Law Journal*. Vol. 21. Is. 4. 2005. Pp. 783–805. Available at: <http://digitalcommons.law.scu.edu/chtlj/vol21/iss4/5> (date accessed: 20.12.2019).
18. Manovich L. *The Language Of New Media*. MIT Press, 2001. 307 p.
19. Monaco J. *How to Read a Film: the World of Movies, Media, and Multimedia: Art, Technology, Language, History, Theory*. 3rded. New York. Oxford. Oxford University Press, 2000. 672 p.
20. Villagrasa Falip S., Duran Castells J., Navarro Delgado I. *Digital Characters*. Available at: http://www.iiis.org/CDs2011/CD2011SCI/SOIC_2011/PapersPdf/WA776RH.pdf (date accessed: 20.12.2019).

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 32(73)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.036

«Революция Трампа» – водораздел в развитии американского общества

Ю. М. Кузьмин

кандидат исторических наук, доцент. Россия, г. Киров. E-mail: v1109897@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется новая монография доктора политических наук, руководителя центра внутривластных исследований Института США и Канады РАН Н. М. Травкиной. В представленной работе рассматривается ситуация в США в период предвыборной кампании 2016 г., а также положение в стране после прихода к власти Д. Трампа.

В данном исследовании затронут широкий круг проблем современных США, которые порождены прежде всего эволюционными изменениями политической системы США, нашедшие отражение в президентской кампании 2016 г. и в последующей деятельности президента Д. Трампа. В статье в первую очередь акцентируется внимание на том, что в настоящее время республиканцы и демократы переживают большие перемены – на выборах 2016 г. столкнулись два различных подхода, два противоположных взгляда на путь, которым должна следовать страна. Это свидетельствует о том, что произошла поляризация американского общества, произошел раскол идеологии властной элиты.

Делается вывод о том, что «революция Трампа» и его деятельность на посту президента знаменует собой водораздел в развитии американского общества, во всяком случае, на протяжении последних 25-30 лет.

Ключевые слова: Президентская кампания 2016 г., Д. Трамп, электронная демократия, разделенная демократия, внутренняя политика, импичмент, Конгресс США.

В новой монографии Н. М. Травкиной, доктора политических наук, руководителя центра внутривластных исследований Института США и Канады РАН, рассматривается ситуация в США в период предвыборной кампании 2016 г., а также положение в стране после прихода к власти Д. Трампа.

Во введении книги автор ставит сразу несколько вопросов, в частности: Трамп – это случайность или закономерность? какие события позволили наблюдателям говорить о «революции» Трампа? и вообще, что происходит сегодня в политическом пространстве Соединенных Штатов Америки? Здесь же автор, кратко отвечая на этот вопрос, констатирует: «Выборы 2016 года – это симптоматика, а Д. Трамп – аномальная закономерность» [1, с. 7]. Далее указывается, что «приход во власть нетрадиционного для американской политической системы человека – шанс на перестройку, корректировку или смену векторов тех процессов во внутривластной жизни Америки, которые стали восприниматься значительной частью общества как проблемы» [1, с. 7].

Отвечая на вопрос о причинах подобных настроений в американском обществе, Н. М. Травкина выделяет несколько факторов: во-первых, отчуждение политической бюрократии от общества, во-вторых, кризис управления глобальной политикой, в-третьих, увеличивающийся разрыв в доходах самых бедных и самых богатых слоев американского общества, в-четвертых, возросшее количество американцев, живущих ниже черты бедности, в-пятых, размывание среднего класса, сокращение его доли во взрослом населении страны, в-шестых, невостребованность в экономике квалифицированной молодежи, в-седьмых, обострение расово-этнических проблем. Исходя из этого, делается однозначный вывод о том, что «сегодня правящая бюрократия оказывается не в состоянии сформулировать и трансформировать в реальную политику запросы общества» [1, с. 10]. И результатом этих процессов и возник феномен Д. Трампа как образ «крестового похода» определенной недовольной части общества на Вашингтон. И тенденция этих «походов» сохранится и будет продолжена.

Очень интересные суждения делает автор, касаясь предшествующего периода американской истории. Приводятся два примера из истории XX века: «Новый курс» Ф. Рузвельта (такой же «крестовый поход»), который привел к трансформации системы государственного управления, и поход афроамериканцев на Вашингтон в начале 1960-х годов, после которого главным приоритетом деятельности государства стала социальная защита населения.

Кроме того, в монографии подчеркивается, что Д. Трамп – это протест против глобализации. Проголосовав за Д. Трампа, значительная часть общества высказалась за укрепление и возрождения США как суверенного и самобытного американского общества, отторгнув глобализацию и интернационализацию, в которые США оказались активно вовлеченными с начала 1990-х годов.

Фактически республиканцы и демократы в настоящее время переживают большие перемены – на выборах 2016 г. столкнулись два различных подхода, два противоположных взгляда на путь, которым должна следовать страна. Это обозначило отход от традиции центризма, именно он определял суть политической системы США в последние десятилетия. Произошла поляризация американского общества, произошел раскол идеологии властной элиты.

Завершая введение, автор делает вполне определенный вывод: Д. Трамп провозгласил – решить накопившиеся фундаментальные проблемы можно путем смены устоявшейся парадигмы развития американского общества. Но этот курс привел к возрастающей политической нестабильности и неуправляемости.

Условно монографию можно разделить на две части: предвыборная кампания 2016 г. и деятельность Д. Трампа на посту президента.

Говоря о президентской кампании, Н. М. Травкина провела анализ формирования политической элиты после 1933 г., указывая, что традиционно борьба претендентов на должность президента – это состязание опыта и знания, который претенденты приобрели на низших ступенях американской государственной машины.

Делается очень важный вывод о том, что «системные политики служат гарантией сохранения политической системы, которая их сформировала, и политического курса, который приобрел в США надпартийный характер, что и давало основание говорить о вашингтонском консенсусе» [1, с. 20].

Правда, в 2008 г. начинается перелом в этой исторической традиции, когда президентом становится Б. Обама, имеющий всего ли скромный сенаторский стаж. А уже в президентской кампании 2016 г. что-то сломалось в этом отлаженном механизме.

Есть все основания говорить о том, что в избирательной кампании 2016 г. в США полностью «провалился» традиционный партийный истеблишмент». Эта кампания отличалась тем, что в борьбу вступил ряд кандидатов, не связанных с истеблишментом в его политическом понимании, более того, один из них бросил ему вызов, обещая «осушить вашингтонское болото».

Ведь для американского избирателя Д. Трамп – это «человек с улицы», шоумен, политический и партийный аутсайдер, самый внесистемный претендент на пост президента, «свежий» политик, никогда не занимал государственные должности.

Что в нем привлекало? В чем причина его успеха?

1. Выдвижение привлекательных для значительной части республиканского электората идеи.

2. Потеря доверия американцев к правящей элите. В нем отразилось разочарование миллионов американцев, осознавших, что их проблемы игнорируется правящей политической элитой.

3. Это поход против руководства Республиканской партии.

Следует отметить важный факт: истеблишмент воспринял и продолжает воспринимать Трампа как вызов американской политической системе, с которым она давно не сталкивалась [1, с. 29].

Высказана важная мысль о том, что не Д. Трамп выиграл выборы, их проиграла Х. Клинтон и демократы в целом, и не в последнюю очередь президент Б. Обама. Это очень принципиальный и важный момент для понимания того, какие процессы в настоящее время происходят и будут развиваться в США в ближайшие годы.

Конечно, определенным образом на выборы сказалась ситуация со сменой поколений, которая происходит в настоящее время в США. То есть в то время, когда в стране обновился возрастной состав избирательного корпуса, основные рычаги политической власти прочно держит в своих руках уходящее поколение, причем политический истеблишмент с каждым годом становится старше.

Рассматривая проблему финансовых затрат на проведение президентской кампании, автор приводит мнение профессора права Гарвардского университета Л. Лессига, который прямо заявил о том, что исход президентских выборов в США все в большей степени определяется не волеизъявлением американского народа, а «тонким слоем» людей, составляющих всего один процент от одного процента богатейших людей страны – миллионеров и миллиардеров [1, с. 55].

Еще одно важное направление предвыборной кампании. В США происходит стремительное распространение персональных компьютеров с 1980-х годов и наступление эры Интернета в середине 1990-х годов. США постепенно приближаются к показателям «полной электронной насыщенности». Все это привело к возрастанию информированности избирателей о деятельности высших государственных органов и избираемых должностных лиц. Безусловно, это способствовало укреплению представительной демократии.

В то же время у этого процесса есть и обратная сторона. В условиях, когда все штаты перешли на электронную систему голосования, не исключены сбои в бесперебойной подаче электричества, возможные сбои в компьютерных сетях и от поломок в самих машинах. Более того, в работу машин для подсчета голосов можно вмешаться и таким образом фальсифицировать результаты выборов. В качестве примеров, подтверждающих эти возможности, автор приводит таблицу, в которой указаны расхождения между данными опросов на выходе и данными официальных подсчетов в 11 штатах на первичных выборах 1 марта 2016 г. в Демократической партии США [1, с. 89].

Завершая эту главу, автор делает вывод, что «внедрение в политический процесс новых форм интерактивных коммуникаций по мере их дальнейшего развития и совершенствования все в большей степени бросают вызов его традиционным институтам демократии, по крайней мере, в ее традиционном издании XX века» [1, с. 95].

Рассматривая проблему современной разделенной демократии, Н. М. Травкина констатирует тот факт, что современное американское общество представляет собой крайне идеологически расколотую и политически поляризованную структуру, в которой сформировались линии политического размежевания, характеризующегося непреодолимыми противоречиями. Более того, автор высказывает суждение о том, что «современное общество все больше радикализируется» [1, с. 96].

Высказывается важная мысль: поляризация американского общества – фактор нестабильности политической системы. Происходит резкое партийное размежевание: демократы становятся все либеральнее, республиканцы – все консервативнее, республиканцы становятся более правыми, демократы – более левыми. И это, соответственно, отражает растущие противоречия между двумя партиями по фундаментальным проблемам, которые определяют внутривнутриполитическую повестку дня. И важнейшее разногласие в экономической политике – это роль государства. Республиканцы: мотор экономики – механизмы свободного рынка; демократы: мощная поддержка государства социально-экономического развития.

В завершении главы о разделенной демократии автор делает вывод, что нынешний президент действует в сложных политических условиях (оппоненты в лице демократов, нет поддержки со стороны руководства своей собственной партии), и это вынуждает его действовать через президентские указы.

Большой интерес представляет глава 5 («Зависшая» кампания»), в начале которой сразу же обозначается самая серьезная проблема для президента Д. Трампа – «удержать с таким трудом завоеванную власть» [1, с. 123]. На выборах 8 ноября 2016 г. по числу голосов рядовых избирателей было преимущество Х. Клинтон – 48,2% (65,9 млн) против 46,1% (63,0 млн), но неоспоримое преимущество Д. Трамп получил по числу голосов выборщиков (307 против 227).

Но тем не менее он был избран в соответствии со второй статьей Конституции США, вступил в должность президента 20 января 2017 г., присягнул на Библии Линкольна, его поздравил председатель Верховного суда США Джон Робертс со вступлением в должность. Его соперница на выборах Х. Клинтон признала свое поражение. Тем более на инаугурации присутствовали Б. Обама, Х. Клинтон с супругом, бывшие президенты Дж. Картер и Дж. Буш-младший.

Хотя тезис о его нелегитимности фактически принял форму официальной идеологии Демократической партии США, но это не отменяет данные выборы.

Автор ставит важный вопрос в этой главе: возможны ли фальсификации во время избирательной кампании? Приводится ряд примеров при проведении демократами первичных выборов в Нью-Йорке и Аризоне, а также указывается о появлении исследований, «в которых

утверждалось, что число латиноамериканцев, принявших участие в голосовании, явно превышает исторически установленные темпы прироста избирателей, регулярно принимающих участие в выборах» [1, с. 129–130].

Указывается, что система выборов сложна, она имеет целый ряд факторов, которые приводят автора к выводу: «Все это служит основой для всевозможных фальсификаций» [1, с. 131]. Но через несколько страниц после этой констатации на с. 135 в ссылке указано: «Автор исследования “Пью рिसерч сентер” 2012 г. Д. Бекер выступил с категорическим заявлением о том, что при подсчете голосов в президентской кампании 2016 г. не было допущено никаких значительных нарушений или подтасовок».

Но после вступления в должность Президента Д. Трампа демократы каждую инициативу президента и каждое его действие определяют плохими по определению. Это еще было связано с тем, что Д. Трамп фактически объявил войну политическому истеблишменту США. И фактически же сразу после вступления в должность нового президента в стране сформировалось достаточно мощное общественное движение в поддержку его импичмента.

Важнейший вывод делается в завершении пятой главы: проблема глобализации, которую как основу нового миропорядка США активно навязывали с начала 1990-х годов, прекратилась после прихода Д. Трампа. Он открыто провозгласил «стратегию экономического национализма, оформленную в виде лозунга «Америка превыше всего»» [1, с. 150]. Н. М. Травкина констатирует: «Перспектива формирования в США “закрытого общества” является новым поворотным пунктом, который требует глубокого и всестороннего осмысления... Насколько далеко может зайти этот процесс, в настоящее время сказать достаточно трудно...» – констатирует Наталья Михайловна Травкина. И здесь же приводятся высказывания американских политологов, которые полагают, что эпоха Трампа может войти в историю не как смена векторов внутри- и внешнеполитического курсов, а как радикальная «смена режима» функционирования американской политической системы [1, с. 152].

В начале главы шестой («Персоналистский стиль управления Д. Трампа») автор высказывает суждение о том, что «анализ первых двух лет пребывания Трампа и его команды у власти показывает, что “перестройка” по Трампу имеет значительный потенциал постепенной трансформации в американскую “катастрофку»» [1, с. 153]. По-видимому, под «катастрофкой» имеется ввиду мнение А. А. Зиновьева о советской перестройке и его книга под таким же названием.

Немало говорится о его нарциссическом типе личности, для которой характерна чрезмерная самовлюбленность и завышенная самооценка, которая в значительной мере не соответствует действительности. Некоторые психологи полагают, что для Трампа характерны: заоблачная экстравертность и бескомпромиссность. Такие черты характера не встречались ни в одном американском президенте.

Его особенности проявляются и в стиле руководства страной. «Государство – это большая корпорация для Д. Трампа» [1, с. 156]. Он на протяжении своей карьеры бизнесмена руководил семейной фирмой. И этот факт важен для понимания его подходов к управлению государственными делами и американским обществом. В то же время он не может управлять страной без вашингтонского истеблишмента, против которого резко выступал перед выборами. История отмечает, что любой персоналистский президент к завершению своей президентской карьеры сам становится частью этого истеблишмента.

Есть и такая точка зрения, что «трампизм» может трансформироваться в сторону авторитаризма. Тем более авторитарные политики не ищут компромиссов, а это характерно для Д. Трампа в первое время нахождения у власти. Он сразу приступил к реализации своих обещаний, издав около 40 исполнительных указов и меморандумов, не дожидаясь их законодательного оформления. Особо следует выделить, что эти документы имеют далеко идущие последствия, которые приведут к кардинальному повороту внешней и внутренней политики США. Завершая главу шестую, Н. М. Травкина делает вывод, что главная задача «нынешней администрации... – политическое выживание самого Д. Трампа и его администрации» [1, с. 165].

Наибольший интерес представляет глава седьмая («Внутриполитические приоритеты администрации Д. Трампа»), в начале которой сразу же указывается, что главной сферой приоритетов в этом направлении его администрации является состояние американской экономики. Речь идет прежде всего об ускорении темпов экономического роста и развития страны, рост занятости и повышение трудовых доходов.

И первые два года показали заметное улучшение многих ключевых показателей экономики страны. В работе приводятся конкретные цифры, подтверждающие этот вывод. Однако

за эти успехи пришлось заплатить немалую финансово-экономическую цену: рост бюджетного дефицита, государственного долга, увеличения торгового дефицита.

В двух последующих параграфах рассматриваются два аспекта, которые лежат в основе политики администрации по ускорению экономического развития.

1. Налоговая реформа. Она продолжает традиции Республиканской партии на протяжении последних 40 лет (президенты Р. Рейган и Дж. Буш-младший), когда снижаются налоги, а основные выгоды получает большой бизнес. Главный элемент реформы – снижение базовой ставки корпоративного налогообложения. Реализация этого направления приведет к тому, что возрастет приток капитала в экономику США. Уже в начале 2018 г. немалое число крупных американских ТНК объявило о своих планах значительно расширить объем инвестиций в американскую экономику. По мнению автора, налоговая реформа будет «действовать в сторону дальнейшего раскола американского общества на нацию бедных и богатых за счет сокращения роли и значения американского класса» [1, с. 183].

2. Политика дерегулирования деловой и экономической активности. «Выступая 14 декабря 2017 г., <...> Д. Трамп пафосно заявил, что его администрация “начала самую далеко идущую регуляторную реформу в американской истории... Мы отправляем “на свалку истории” и избавляемся от регулирующих норм, в прямом смысле этого слова убивавших рабочие места, которые угрожали нашим автостроителям и лишали их множества рабочих мест на протяжении длительного периода» [1, с. 186]. Первые оценки об эффективности данной политики, которые прозвучали буквально через несколько месяцев после начала реализации этой программы, не несут пока оптимистических ноток. Это естественно, ведь прошло недостаточно времени для более взвешенных и глубоких оценок.

Еще одно направление в этом же курсе – дерегулирование финансового сектора экономики. В указе от 3 февраля 2017 г. были сформулированы семь основополагающих принципов. Автор указывает, что «...администрация Д. Трампа в спешном порядке принялась за демонтаж “наследия Обамы” в сфере финансового регулирования американской экономики» [1, с. 199]. И как следствие этой линии 24 мая 2017 г. Д. Трамп подписал законопроект об изменениях в законе Одда-Фрэнка, принятого в июле 2010 г. Этот законопроект был одобрен Сенатом (14 марта 2018 г.) и Палатой представителей (22 мая 2018 г.), что свидетельствовало о возможности компромиссов между республиканцами и демократами. И как следствие реализации этого закона произошло увеличение чистого дохода американских банков, самого высокого после финансовых потрясений 2007–2008 гг. Автор делает следующий интересный вывод: «Как убедительно показала американская финансовая история, выход на исторически рекордные показатели и является самым верным признаком очередного приближающегося потрясения банковской системы США» [1, с. 205–206].

Еще будучи кандидатом на пост президента, Д. Трамп заявил, что его первым шагом станет отмена системы доступного медицинского страхования. И свое предвыборное обещание он сдержал. Хотя законопроект по этому вопросу не прошел через Конгресс, тем не менее Д. Трамп начал «тихий» саботаж системы «Обамакэр» с конца лета 2017 г. с помощью сокращения бюджетных расходов на эту программу. В этой ситуации дальнейшая судьба этой системы представляется достаточно туманной.

Говоря об иммиграционной политике Д. Трампа, автор оригинально назвал ее «стенация по стене». И действительно «политическим символом и путеводной звездой иммиграционной политики администрации Трампа стала стена, которую он обещал соорудить вдоль американо-мексиканской границы» [1, с. 224]. Здесь же упоминается такой факт: отношение самого президента к иммигрантам можно охарактеризовать одним словом «ненависть».

В заключение рассмотрения этой проблемы автор пишет, что за два года администрация Д. Трампа радикально изменила всю тональность общественных дебатов в стране относительно проблемы иммиграции как угрозы национальной и экономической безопасности США [1, с. 241].

Заключение своей книги Наталья Михайловна назвала: «С Дональдом Трампом или без него: политика в Америке никогда не будет такой, как прежде». Высказывается главная мысль, которая звучала по ходу изложения событий, связанных с Трампом, что «революция Трампа» и его деятельность на посту президента знаменует собой водораздел в развитии американского общества, во всяком случае, на протяжении последних 25-30 лет. И в области внутренней, в области внешней политики «дела в Америке» уже никогда не будут «идти, как прежде» – ни по форме, ни по содержанию [1, с. 242]. Ведь феномен Д. Трампа возник в усло-

виях неспособности традиционной политической элиты руководить страной. Важный факт выделяет автор, говоря о том, что не успел Трамп вступить в должность, как в Америке возникло мощное движение за его импичмент, и сейчас мы наблюдаем, как это движение переросло в конкретные действия.

Завершая изложение, автор делает важный вывод: в Америке заговорили о наступлении длительной эры «клетократии» – страсть к деньгам, всевластие денежного мотива. Делается заключительный вывод о том, что противостоять этому оказывается чрезвычайно сложно, и окончательную черту под эпохой «триумфа жадности» подвел в свое время лишь экономический кризис 1929–1933 гг. и «Великая депрессия» 1930-х годов [1, с. 249].

Вслед за автором остается только задать вопрос: что ждет Америку в ближайшие годы? расцвет, упадок или какой-то новый феномен? На этот вопрос вряд ли мы сможем конкретно ответить. Тем более еще не завершил свою политическую карьеру. Но представленная книга ставит очень много интересных вопросов, она заставляет думать, анализировать. Это книга-размышление. И в этом огромная заслуга Натальи Михайловны Травкиной.

Список литературы

1. Травкина Н. М. США: меняющийся алгоритм развития / Институт США и Канады РАН. М. : Весь мир, 2018. 264 с.

The "Trump revolution" – is a watershed in the development of American society

Yu. M. Kuzmin

PhD of Historical Sciences, associate professor. Russia, Kirov. E-mail: v1109897@yandex.ru

Abstract. The article analyzes a new monograph by N. M. Travkina, Doctor of Political Sciences, head of the center for internal political research at the Institute of the United States and Canada of the Russian Academy of Sciences. This paper examines the situation in the United States during the 2016 election campaign, as well as the situation in the country after D. Trump came to power.

This study touches on a wide range of problems in the modern United States, which are generated primarily by the evolutionary changes in the us political system, which were reflected in the 2016 presidential campaign and in the subsequent activities of President Donald Trump. The article primarily focuses on the fact that Republicans and Democrats are currently experiencing big changes – in the 2016 elections, two different approaches, two opposite views on the path that the country should follow, collided. This indicates that there was a polarization of American society, there was a split in the ideology of the power elite.

It is concluded that the "Trump revolution" and his work as President marks a watershed in the development of American society, at least over the past 25-30 years.

Keywords: 2016 Presidential campaign, D. Trump, e-democracy, divided democracy, internal politics, impeachment, US Congress.

References

1. Travkina N. M. SShA: menyayushchijsya algoritm razvitiya [USA: changing algorithm of development] / Institute of USA and Canada RAS. M. Ves' Mir. 2018. 264 p.

УДК 940"18"

DOI 10.25730/VSU.2070.19.037

«Русский вопрос» в немецком внешнеполитическом дискурсе начала XIX в.

Т. И. Лыпка

кандидат исторических наук, доцент. Россия, г. Киров. E-mail: LypkaTatiana@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена новой книге О. В. Заиченко «Проекция разочарования и надежд: “Русский вопрос” в контексте немецкого внешнеполитического дискурса первой трети XIX в.». Монография является талантливым и оригинальным научным произведением, раскрывающим многие пружины формирования и трансформации образов России и Германии в один из наиболее драматичных и насыщенных событиями периодов европейской истории. Автор книги определяет ее жанр как «исследование-мозаику». Это можно объяснить многогранностью и многоплановостью научного исследования. Объектом исторического анализа в исследовании «являются сочинения, написанные различными представителями интеллектуальной и политической элиты Германии с целью найти ответ на вопросы: что есть Россия? является ли она частью Европы? какова ее роль в международной политике и сохранении системы европейской безопасности» [2]. Весь этот комплекс вопросов объединен автором в один под названием «Русский вопрос». Автор использует историческую имагологию «как исследовательский метод для разработки различных сюжетов по истории взаимовосприятия народов, проблематики “другого” в культуре и политике». Метод исторической имагологии дополняется традиционными для историка методами исследования: структурно-функциональный метод в комплексе с системным и историко-сравнительным методом.

Ключевые слова: историческая имагология, образ «другого» в культуре и политике, «русский вопрос», Россия и Германия, Россия и Европа.

Несмотря на то что имагология принадлежит к числу относительно новых направлений исторических исследований, в отечественной историографии создано немало трудов, выполненных в соответствии с канонами этой методологии [1; 6; 8; 9; 10]. Автор фундаментального труда по истории восприятия России в США В. И. Журавлева отмечает: «У каждой культуры есть образ “Другого”, выполняющий важную роль в игре смыслов и значений, определяющих ее Я-концепцию» [1, с. 12]. Данное утверждение имеет универсальный характер и применимо к изучению взаимовосприятия многих народов и культур. Одну из таких долговременных межгосударственных оппозиций составляют отношения России и Германии, претерпевшие за несколько веков истории глубокую трансформацию, наложившую отпечаток на специфику национального сознания и существенно повлиявшую на ход мировой истории. Исследованию эволюции «русского вопроса» в сознании немцев в первой трети XIX в. посвящена новая книга О. В. Заиченко, вышедшая в 2018 г. в издательстве «Весь мир». Книга представляет собой оригинальное историческое исследование развития «русского вопроса» на фоне трансформаций немецкого внешнеполитического дискурса в первой трети XIX в.

История России неразрывно связана с историей Германии, поэтому так важно и интересно проследить, какую оценку различным этапам и аспектам взаимоотношений наших стран давали немецкие публицисты, представители интеллектуальной элиты Германии. Взгляд наблюдателей и участников исторических событий придает дополнительный объем тем представлениям об истории «русского вопроса», о международных отношениях в Европе, к которым мы привыкли.

Оригинален и замысел книги, и ее структура, и авторский взгляд на проблему. Предисловие содержит полную информацию об основных проблемах, представленных в монографии. Автор определяет жанр книги как «исследование-мозаику». Это можно объяснить многогранностью и многоплановостью материала, положенного им в основу научного исследования.

Объектом исторического анализа «являются сочинения, написанные различными представителями интеллектуальной и политической элиты Германии с целью найти ответ на вопросы: что есть Россия? является ли она частью Европы? какова ее роль в международной политике и сохранении системы европейской безопасности» [2, с. 10]. Весь этот проблемный комплекс объединен автором обобщающим понятием «русский вопрос».

Автор использует историческую имагологию «как исследовательский метод для разработки различных сюжетов по истории взаимовосприятия народов, проблематики “Другого” в культуре и политике». Метод исторической имагологии дополняется традиционными для историка методами исследования: структурно-функциональным в комплексе с системным и историко-сравнительным методами [2, с. 12]. Такой подход дает возможность автору «выявить основные компоненты образа России, охарактеризовать его в социокультурном и историко-политическом контекстах, проследить его трансформацию в зависимости от изменения внешнеполитического дискурса и причин, его порождающих» [2, с. 11].

Скрупулезный анализ оригинальных немецких текстов первой трети XIX в. лег в основу книги. Автор, благодаря цитированию работ немецких публицистов, дает читателю максимально полное представление и о внешнеполитических дискуссиях в Германии, и о том месте, которое Россия в них занимала. О. В. Заиченко предоставила возможность читателю самому услышать «голоса эпохи», знакомясь с оригинальными немецкими текстами первой трети XIX в. Ею были отобраны тексты немецких авторов, которые наиболее репрезентативны и соответствовали «тому быстро меняющемуся историческому контексту, в котором были написаны» [2, с. 15].

Структурно книга разделена на две части: первая представляет собой монографическое исследование историко-политических и социокультурных аспектов проблемы; во второй части представлена подборка сочинений немецких публицистов первой трети XIX в. о месте России в европейском балансе сил. Публикуемые тексты впервые переведены автором на русский язык и введены в научный оборот. Произведения немецких публицистов дополнены подробными и качественными комментариями.

Уже во введении автор подчеркивает, что «образ России создавался общественным мнением Европы как антитеза европейского устройства». Отмечается, что Россия в сознании немцев представлялась страной, пребывавшей в «переходном состоянии между “цивилизованным” Западом и “варварским” Востоком». Одним из основных компонентов немецкого внешнеполитического дискурса был вопрос: что есть Россия, является ли она частью Европы? Со сменой очередной эпохи менялся и ответ на «русский вопрос».

В первой главе («От “страны ожидания” к русской угрозе. “Русский вопрос” как инструмент политических спекуляций на рубеже веков») прослежен процесс развития публицистики в Германии в последние десятилетия XVIII в., отмечено влияние на немецких авторов идей Просвещения, Великой французской буржуазной революции 1789 г., французских авторов, в частности творчества Малле дю Пана о «русской угрозе». Анализируя произведения немецких авторов (Эрнста Людвига Посселя, Георга Фридриха Ребманна, Йозефа фон Герреса), Заиченко показывает, как оформлялся образ России, как определялось ее место в европейских международных отношениях. Показано: если Малле дю Пан считал, что последствия «агрессивных действий беспринципной узурпаторши-императрицы, стремящейся любым способом утвердить свое преобладание в Европе, будут губительны для европейской цивилизации» [2, с. 31], то Геррес в своих работах приходит к выводу, что «дни деспотизма и варварства уже сочтены...», «прогресс и свобода обязательно победят варварство и деспотизм». Заиченко резюмирует: «На рубеже веков с помощью разработанной им теории романтического детерминизма истории Геррес параллельно с дальнейшим развитием политических спекуляций, связанных с комплексом «русской угрозы», одним из первых предлагает европейцам надежду на будущее» [2, с. 40]. Таким образом, был оформлен «негативный образ России как страны, цивилизованно неполноценной и полностью противоположной по всей внутренней природе государствам Европы» [2, с. 44].

Во второй главе («Европа между Наполеоном и Александром. “Русский вопрос” в контексте войн антифранцузских коалиций») Заиченко показывает, как «на фоне процесса кардинальных мировоззренческих трансформаций» в начале XIX в. происходят перемены в балансе сил в Европе, появляются новые настроения в немецком обществе [2, с. 44]. Автор анализирует трактат немецкого философа и историка Фридриха Бутервека «Четыре великих нации девятнадцатого века», в котором говорится о будущей миссии России, заключающейся в «распространении европейской культуры на Восток», подчеркивается, что ее естественная экспансия восточного направления не угрожает Европе [2, с. 48]. Отмечено, что Бутервек «одним из первых почувствовал грядущие глобальные перемены, став своего рода предтечей нового бренда во внешнеполитическом дискурсе» [2, с. 49]. Французская экспансия стала толчком к формированию национально-освободительного движения в Германии, негативному восприятию

немцами Франции и Наполеона. Автор подробнейшим образом описывает события, происходящие в Европе: сражения под Аустерлицем, Йеной, Ауэрштедтом, Прейсиш-Эйлау, Фридрихс-Вальденом, победителем в которых был Наполеон. В 1807 г. был подписан Тильзитский мир между Францией и Россией, который закрепил преобладание Франции в Германии. Патриотический подъем охватил Германию. Заиченко показывает, как на этом фоне активизируется антифранцузская пропаганда. Рупором военного союза с Россией становится Гарлиб Гельвиг Меркель, писатель, литературовед, патриот, который в своих произведениях говорит о «позорном унижении» Пруссии и единственное спасение видит в России [2, с. 56].

Обращаясь к творчеству выдающихся поэтов Жан Поля и Генриха фон Клейста, автор отмечает различия в их восприятии России. В частности, Жан Поль не согласен со сторонниками тезиса о «русской угрозе». По его мнению, «все человечество в своем развитии, пусть и с разной скоростью, проходит одни и те же ступени развития», «поэтому Россию нужно воспринимать... не как что-то опасное и чуждое Европе, а как ее собственное недавнее прошлое». Таким образом, Жан Поль создает новый образ России, связывает с ней свои надежды, основанные на вере во «все побеждающий исторический прогресс» [2, с. 59]. Анализируя творчество немецкого драматурга, поэта, прозаика Генриха фон Клейста, Заиченко приходит к выводу, что тот не разделял просветительского оптимизма Жана Поля. У Г. фон Клейста Россия ассоциируется с медведем, который предстает как «мифический символ полудикого мира Востока». Медведь силен и непобедим. Эта оценка оказалась пророческой. Г. фон Клейст сознательно выступил на стороне России, противостоящей Наполеону, который воплощал Запад, европейскую цивилизацию, «несмотря на предстоящие трансформации, который могли ждать Европу в случае победы России» [2, с. 61].

В третьей главе книги («Освободительная война как время надежд. Национально-патриотический взгляд на “Русский вопрос”») Заиченко показывает, как освободительная война изменила «русский вопрос». Отмечается, что «для представителей либерального крыла Наполеон был воплощением деспотизма, а Александр I – свободы». Консервативные мыслители, которым было свойственно рассуждать не столько в политической, сколько в религиозно-философской плоскости, видели во французском императоре Антихриста, а в его российском оппоненте – “Ангела апокалипсиса”» [2, с. 66]. Ключевым моментом «переориентации надежд немецких патриотических сил с Австрии и Англии на Россию» стало прибытие опального прусского премьер-министра барона Генриха Фридриха Карла фон Штейна в Россию [2, с. 68]. Заиченко отмечает, что изначально Штейн был невысокого мнения о России, о царе Александре и русском народе. Но с изменением военной ситуации, его взгляды существенно эволюционировали и в его отношении к России стало преобладать восхищение [2, с. 73–74]. Барон обращается с воззванием «К немцам» с призывом переходить на сторону русской армии и вступать в легион [2, с. 75–76]. Летом 1812 г. началось формирование легиона.

Обращаясь к творчеству секретаря и сподвижника Штейна, талантливого писателя, публициста и политика Эрнста Морица фон Арндта, Заиченко показывает, как Отечественная война 1812 г. кардинально изменила его взгляды. В «Кратком слове о России» он восхищается русским народом. В «Оде Императору Александру» «восхваление становится уже чрезмерным: Благородный властитель, слава Тебе!» В программной статье «Глас народа» он трактует русско-французскую войну как последнюю битву «света и тьмы, добра и зла, Христа и Антихриста». Антихристу Наполеону «противостоял “богоизбранный” русский народ, ведомый “ангелом света” – императором Александром» [2, с. 82–83]. Анализируя произведения Арндта, Заиченко приходит к выводу: «Пока Россия в ходе освободительных войн содействовала осуществлению мечты германских патриотов о сильном прусско-немецком национальном государстве, ее восприятие Арндтом оставалось позитивным» [2, с. 90–91].

В четвертой главе («Александр Благословенный как гарант “вечного мира в Европе”. Взгляд на “Русский вопрос” между Освободительной войной и Реставрацией») автор отмечает, что с 1812 г. для немцев Россия стала «страной надежд». Александр I теперь воспринимался как «ангел-спаситель», «гарант вечного мира в Европе», благодаря которому установился «самый долгий мир за всю ее историю и немцы впервые смогли вздохнуть свободно» [2, с. 91].

Позитивный взгляд на Россию и ее императора сохранил на всю жизнь интеллектуал, физик и естествоиспытатель Георг Фридрих Паррот. Автор анализирует его публичные выступления. Первая его речь была произнесена по случаю окончания Отечественной войны 1812 г. В ней Паррот призывает Германию стать союзником России, чтобы «в совместной борьбе сбросить “позорное для свободного человека” французское иго». Он упрекает евро-

пейцев за недооценку России, «обвиняет их в трусости перед Наполеоном и предательстве собственных интересов». В феврале 1814 г. Германия была освобождена, военные действия переместились на территорию Франции. По этому поводу Паррот написал вторую речь. Заиченко представила подробный анализ этого текста, отметив, что первая часть «адресована его немецким соотечественникам», тогда как вторая – обращена в первую очередь к Александру I, поскольку «именно с ним Паррот связывает будущее Европы». Здесь он «переходит к теме “вечного мира” в Европе», надежды на который связывает с Россией и ее императором». Паррот отказывается от идеи баланса сил, считая, что для сохранения «вечного мира» достаточно свободного общественного мнения, «к которому должны прислушиваться государи», и России в роли «арбитра Европы» [2, с. 97–108].

Заиченко отмечает, что зарубежный поход русской армии «был поддержан мощной пропагандистской кампанией», целью которой было распространение идеи «объединения Европы вокруг России для борьбы с Наполеоном и создания новой политической системы». Активное участие в этой кампании принял признанный немецкий ученый Георг Фридрих Паррот [2, с. 110–111].

Политический дискурс Германии формировался из разнообразных оценок. Заиченко указывает, что в 1814 г. отчетливо ощущалась потребность в обосновании права России на главенствующую роль в Европе. Эту задачу решала работа прусского историка Людвиг фон Бацко «Россия и Франция. Историческое сравнение, основанное на поразительных фактах». Бацко выделяет ключевые характеристики создаваемого им образа России. Согласно его трактату, Россия

– всегда была «для Европы оплотом против деспотизма вождей азиатских орд», «жертвуя собой ради сохранения европейской безопасности»;

– являлась важнейшим фактором общеевропейской истории, что, в частности, проявилось в ее участии в разделах Польши, которые были произведены ею совместно с Пруссией и Австрией исключительно «во имя собственной безопасности и независимости»;

– выступала в роли барьера на пути «турецкой угрозы», поскольку «войны России против турок были справедливыми и заслуживали «одобрения человечества».

Обосновав благотворность российской внешней политики, Бацко отстаивал право русских на самобытность и завершил свое сочинение сравнением двух императоров – Наполеона и Александра I. Он противопоставляет две модели ведения внешней политики: «старой, циничной и эгоистической, связанной с Наполеоном, и новой, основанной на началах нравственности и гуманизма, продемонстрированной народам Европы Александром» [2, с. 112–116], отдавая предпочтение российской модели.

14 (26) сентября 1815 г. в Европе был создан Священный союз. Многие немецкие интеллектуалы вне зависимости от своих политических взглядов увидели в этом событии шанс на воплощение надежд на установление «вечного мира» и создание справедливого и гармоничного устройства европейского общества. Авторитетным представителем интеллектуальной среды был профессор философии, сторонник конституционного либерализма Вильгельм Траугот Круг. О. В. Заиченко предоставила нам возможность ознакомиться с работой Круга «Священный Союз или памятник заключенному между Австрией, Пруссией и Россией братскому Союзу. Международное значение Священного Союза и его вероятных последствий», опубликованного в 1816 г. Рассматривая это произведение, она отмечает беспристрастность автора, его нейтральность по отношению к российскому императору и монархам Пруссии и Австрии. Он дает собственную оригинальную трактовку роли Священного Союза и тех последствий для Европы, которые могут быть с ним связаны. В своем анализе текста Священного Союза Круг выделяет две составляющие: общехристианскую мораль и просветительскую идею «вечного мира» – и говорит о том, что «отныне политика должна руководствоваться не только принципами общепринятой морали, но также и моралью христианской». Заиченко приходит к выводу: «Этот полный оптимизма текст, посвященный политическому альянсу трех монархов, стремящихся взять под контроль всю Европу, довольно удивителен для либерала, который очень скоро разочаруется и в России, и в Священном союзе». Заканчивается глава ироничной эпитафией Гете, сказанной по поводу Венского конгресса: «Вы будете долго голосовать и болтать. Наконец, мы снова увидим казаков. Они освободили нас от тирана. Они, пожалуй, освободят нас от свободы тоже» [2, с. 118–122].

Конец второго десятилетия в истории Европы характеризовался исключительно сложными и многомерными социокультурными процессами. В пятой главе («От надежд к разочаро-

ваниям. “Русский вопрос” в период Реставрации») акцент сделан на описании очередного витка немецкой рефлексии по поводу русского фактора в судьбе континента. Автор показывает, как в обстановке, когда побежденная Франция не представляла реальной угрозы, стали «оживать старые антирусские стереотипы»: «В 1817–1819 гг. уже не просто раздражение, но и глубокое разочарование политикой России ощущалось и в верхах, и в интеллектуальной среде, и на бытовом уровне». Для подтверждения данного тезиса Заиченко обращается к творчеству баденского политика и историка Карла фон Роттека, рассуждения которого служат примером политического пессимизма и выражают настроения либерально настроенных немецких интеллектуалов. Он реанимировал политические спекуляции Малле дю Пана, отодвинув Россию за пределы Европы, причисляя ее к Азии. Главную причину слабости и отсталости русского государства он видел в «азиатском деспотизме». Формально свободные аристократы, по его мнению, оставались «рабами трона». Россию времен Ивана Грозного Роттек ставит «в один ряд с главным антагонистом христианства и европейской цивилизации в этот период – Османской империей» и доказывает, что даже при Петре в стране продолжали господствовать «варварство и деспотизм». Положительной оценки удостоился только Александр I («Русский император продолжает прилагать усилия, как для достижения благополучия отдельного человека, так и государства в целом»), но в военном и политическом триумфе России последних лет Роттек видел главную угрозу для будущего Европы [2, с. 138–143].

О. В. Заиченко отмечает, что «ключевыми понятиями в дискурсе немецких интеллектуалов эпохи Реставрации продолжали оставаться «конституция» и «единство нации»» [2, с. 144]. До 1830 г. в пятнадцать германских государствах были приняты конституции, была сохранена монархическая форма правления, введены двухпалатные ландтаги, цензовое избирательное право, законодательной инициативой наделены государи и правительство. Но не все ожидания оправдались. Конгресс в Аахене 1818 г. не решил проблему национального единства немцев, Александр I заявил, что «он не считает себя вправе вмешиваться во внутренние дела Германии, передав инициативу в решении “германского вопроса” венскому и берлинскому дворам» [2, с. 145]. Автор указывает, что такая позиция российского императора имела далеко идущие последствия: немецкое общество было разочаровано в политике России, антирусские настроения усилились после публикации записки члена российской делегации А. Стурдзы «О современном положении Германии». На волне всеобщего недовольства веймарский литератор и издатель Август Коцебу был обвинен немецкими националистами в предательстве и шпионаже в пользу России и убит 23 марта 1819 г. Заиченко отмечает, что в Германии начался «новый этап трансформации восприятия России» и справедливо указывает на его «взаимосвязь с внутренними проблемами немецкого общества». В условиях «подъема национального самосознания и связанного с ним поиска внешнего врага “русский вопрос”, продолжая оставаться частью общих рассуждений на тему “вечного мира” и сохранения европейского баланса сил, впервые начал встраиваться во внутренний национально-политический дискурс» [2, с. 146]. В августе 1819 г. министры государств, входивших в Германский Союз, во главе с Меттернихом разработали Карлсбадские постановления. 16 сентября 1819 г. федеральное собрание их утвердило. Законы об университетах и цензуре, закон о создании центральной следственной комиссии для предотвращения антигерманских «происков» и новый порядок исполнения судебных решений привели к тому, что у Союза появились возможности вмешиваться во внутренние дела отдельных германских государств [2, с. 162–163].

Заиченко справедливо отмечает, что законодательное закрепление Карлсбадских постановлений 1819 г. «ознаменовало собой начало долгого периода Реставрации, перевернувшего жизни большинства патриотически настроенных немецких интеллектуалов: кто-то из них эмигрировал, кто-то сменил род деятельности или умер, а кто-то кардинально поменял свои взгляды». К последним принадлежал Йоханн Йозеф фон Геррес – бывший «якобинец», эмигрировал в Швейцарию, где приобрел славу выдающегося консервативного историка, католического мистика и теолога. Автор монографии обращается к философско-историческому труду Герреса «Европа и революция», который стал очередной попыткой ответить на вечные вопросы: «Что есть Россия? Является ли она спасительницей и наследницей Европы или все еще представляет для нее угрозу?» Геррес делает «экскурс в русскую историю», которую делит на два периода: допетровскую и послепетровскую. Причину несчастий допетровской России он видит в так называемой «рабской сущности русских» [2, с. 164, 166–167]. Заиченко отмечает, что Геррес в отношении России тем не менее не является пессимистом. Позитивные изменения он связывал с именем Петра I, при котором началось вхождение России в Европу.

В 1822 г. он писал о России: «Перерабатывая с помощью европейской культуры огромную массу сырого человеческого материала, прививая к дикому стволу достижения цивилизации, России суждено стать благословением и освободителем той части света, где она простирается как колония Европы». Заиченко отмечает, что у Герреса «картина русской истории ... совсем не так однозначна и целостна, как у Роттека. Его восприятие России так же противоречиво, как и эпоха, которая его сформировала». Заиченко, проанализировав работы Герреса, приходит к выводу: «Признание амбивалентности России... на этом витке развития внешнеполитического дискурса было очень важным шагом в дальнейшем формировании восприятия Российской империи, так как допускало как существование нового позитивного образа России – носителя европейской культуры <...>, так и реанимацию всех прежних мифов, связанных с “русской угрозой” и азиатским варварством “деспотического правления”» [2, с. 168, 170].

В шестой главе («Проекция разочарований и надежд. “Русский вопрос” как основа для формирования новых смыслов») рассмотрен феномен возрождение комплекса «русской угрозы» в новых идеологических конструкциях германского менталитета (1822–1830). Заиченко отмечает, что изданное анонимно в 1824 г. «Завещание Петра Великого» – историческая фальсификация конца XVIII в. – было предназначено «для того, чтобы убедить европейскую публику в наличии долгосрочных наступательных планов у российского правительства во внешней политике». Петру I приписывалась идея территориальной экспансии России в северном, южном и восточном направлениях вплоть до покорения части Европы, Персии и Индии. Появление этой публикации не было ни единичным, ни случайным событием: в данном случае речь шла о создании письменного доказательства существования долговременной экспансионистской стратегии России. В том же году, указывает Заиченко, также анонимно было издано эссе «К вопросу о протекторате над Европой Англии и России», в основу которого был положен тезис об «англо-русской диктатуре» над Европой [2, с. 174, 177]. Автор данного эссе незаметно удалил из этой системы английскую составляющую, заменяя указанную в заголовке политическую конструкцию старой мифологемой «русской угрозы». Таким образом, О. В. Заиченко показывает, как «в условиях жесткой цензуры немецкие публицисты вновь использовали старые инструменты и клише <...> для создания собственных новых идеологических конструкций» [2, с. 181].

Важным вектором эволюции образов Российской империи в общественно-политическом дискурсе Германии был русско-турецкий конфликт. Об этом свидетельствовало большое количество сочинений, появившихся накануне русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Этой теме был посвящен трактат «Война на Востоке с точки зрения цивилизации, политики и всеобщих интересов Европы», принадлежавший перу немецкого экономиста, профессора университета Эрлангена Михаэля Александра Липса [2, с. 182]. Этот автор напоминает о европейской и христианской природе Российской империи и акцентирует тезис о турецкой угрозе: «Порту следует бороться гораздо больше, чем Россию, тем более что ислам – единственная религия, которая в наши дни стремится стать господствующей» [2, с. 183]. Липс предлагает план «умиротворения России»: направить ее экспансию против Турции. Захватив Константинополь, Россия, по его мнению, была в состоянии выполнить миссию освобождения христианского населения. Кроме того, овладев Константинополем, она, по мнению Липса, могла расплатиться с германскими государствами за поддержку в этом вопросе, отказавшись от своей части Польши. Далее Липс рисует утопическую картину будущего «вечного мира» [2, с. 184–185].

В заключении монографии приведены выводы, подкрепленные всей логикой исследования, обширным фактическим материалом и убедительной авторской аргументацией:

1. В развитии восприятия России в Германии в первой трети XIX в. прослеживаются два тренда: негативный и позитивный. Первый из них отчетливо сформировался в период между Французской революцией и началом немецкой Освободительной войны и связан с комплексом «русской угрозы»; второй возник после победы над Наполеоном и был важным элементом нового пространства позитивных ожиданий, впоследствии став частью идеологии Венской системы коллективной безопасности [2, с. 188].

2. Россия в начале XIX века стала для Европы знаковым явлением. Ее восприятие превратилось для западной цивилизации в одно из средств самопознания, в инструмент национальной и политической самоидентификации [2, с. 197].

Монография написана живым, легким и ясным языком. Она, бесспорно, является талантливой и оригинальным научным произведением, раскрывающим многие пружины формирования и трансформации образов России в Германии в один из наиболее драматичных и

насыщенных событиями периодов европейской истории. Труд О. В. Заиченко весьма своевременно вносит изрядную порцию новой информации, способной повлиять на аргументы участников многолетней российской дискуссии о природе «русского вопроса», смысле «национальной идеи», роли «традиционных ценностей» в современном мире и особенностях исторического пути России [3; 4; 5; 7].

Книга будет интересна не только историкам, но и широкому кругу читателей. Она помогает лучше понять хитросплетения европейской политики первой трети XIX в. Тем, кто равнодушен к проблемам личности в истории, данное исследование даст богатую пищу для размышлений. Для всех, кого интересует «русский вопрос», восприятие иностранцами России, российской истории и русского человека, исследование О. В. Заиченко предоставляет возможность насладиться произведениями немецких авторов в прекрасном авторском переводе.

Список литературы

1. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М.: Изд-во РГГУ, 2012. 1136 с.
2. Заиченко О. В. Проекция разочарования и надежд: «Русский вопрос» в контексте немецкого внешнеполитического дискурса первой трети XIX в.: эссе по исторической имагологии. М.: Весь мир. 2018. 365 с.
3. Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер. 2018. С. 14–15.
4. Кургинян С. Суть времени: в 2-х т. М.: МОФ ЭТЦ, Т. 1. 2013. 592 с.; Т. 2. 2013. 680 с.
5. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения. 2005. 536 с.
6. Оболенская С. В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991. С. 160–185.
7. Печатнов В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI век. 2017. № 1. С. 24–45.
8. Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1, 4, 5. М. ИРИ РАН. 2000, 2007, 2009. Вып. 1. 363 с.; Вып. 4. 446 с.; Вып. 5. 466 с.
9. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 288 с.
10. Юнгблюд В. Т. «Образы Российской империи» и внешнеполитическое планирование США в 1944–1945 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 6. С. 66–78.

The "Russian question" in the German foreign policy discourse of the early nineteenth century

T. I. Lypka

PhD of Historical Sciences, associate professor. Russia, Kirov. E-mail: LypkaTatiana@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a new book by O. V. Zaichenko "Projection of disappointment and hopes: "The Russian question" in the context of German foreign policy discourse of the first third of the XIX century". The monograph is a talented and original scientific work that reveals many springs of formation and transformation of images of Russia and Germany in one of the most dramatic and eventful periods of European history. The author of the book defines its genre as "research-mosaic". This can be explained by the versatility and multiplicity of scientific research. The object of historical analysis in the study "are works written by various representatives of the intellectual and political elite of Germany in order to find an answer to the questions: what is Russia? Is it part of Europe? What is its role in international politics and the preservation of the European security system" [2]. The author combines all these questions into one called "Russian question". The author uses historical imagology "as a research method for developing various stories on the history of mutual perception of peoples, the problems of the "other" in culture and politics". The method of historical imagology is supplemented by the traditional methods of research for the historian: the structural and functional method in combination with the system and historical-comparative method.

Keywords: historical imagology, the image of the "other" in culture and politics, "Russian question", Russia and Germany, Russia and Europe.

References

1. Zhuravleva V. I. *Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify: 1881–1914* [Understanding Russia in the United States: images and myths: 1881–1914]. M. RSHU. 2012. 1136 p.
2. Zaichenko O. V. *Proekciya razocharovaniya i nadezhd: "Russkij vopros" v kontekste nemeckogo vneshnepoliticheskogo diskursa pervoj treti XIX v.: esse po istoricheskoy imagologii* [Projection of disappointment and

hopes: "the Russian question" in the context of the German foreign policy discourse of the first third of the XIX century: essays on historical imagology]. M. Ves' mir. 2018. 365 p.

3. Inozemcev V. *Nesovremennaya strana: Rossiya v mire XXI veka* [Non-modern country: Russia in the world of the XXI century]. M. Alpina Publisher. 2018. Pp. 14–15.

4. Kurginyan S. *Sut' vremeni : v 2-h t.* [The essence of time : in 2 vols]. M. International public Foundation "Experimental creative center". Vol. 1. 2013. 592 p.; Vol. 2. 2013. 680 p.

5. Narochnickaya N. A. *Rossiya i russkie v mirovoj istorii* [Russia and Russians in world history]. M. International relations. 2005. 536 p.

6. Obolenskaya S. V. *Obraz nemca v russoj narodnoj kul'ture XVIII–XIX vv.* [The image of the German in Russian folk culture of the XVIII–XIX centuries] // *Odissej. Chelovek v istorii. Kul'turno-antropologicheskaya istoriya segodnya* – Odyssey. Man in history. Cultural and anthropological history today. M. 1991. Pp. 160–185.

7. Pechatnov V. *Tradicionnye cennosti i ih protivniki* [Traditional values and their opponents] // *Rossiya XXI vek* – Russia XXI century. 2017. No. 1. Pp. 24–45.

8. *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya. Vyp. 1, 4, 5.* – Russia and the world through each other's eyes: from the history of mutual perception. Vol. 1, 4, 5. M. IRI RAS. 2000, 2007, 2009. Vol. 1. 363 p.; Vol. 4. 446 p.; Vol. 5. 466 p.

9. Senyavskaya E. S. *Protivniki Rossii v vojnah XX veka: Evolyuciya "obraza vraga" v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: Evolution of the "image of the enemy" in the minds of the army and society.] M. Russian political encyclopedia. 2006. 288 p.

10. Yungblud V. T. *"Obrazy Rossijskoj imperii" i vneshnepoliticheskoe planirovanie SShA v 1944–1945 gg.* ["Images of the Russian Empire" and foreign policy planning of the United States in 1944–1945] // *SShA: ekonomika, politika, ideologiya* – USA: Economics, politics, ideology. 1996. No. 6. Pp. 66–78.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.01(470+571)(091)

DOI 10.25730/VSU.2070.19.038

Опытно-показательные образовательные учреждения в РСФСР в 1920-х – начале 1930-х гг.

В. Б. Помелов

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются некоторые примечательные события из истории отечественной школы в первые два десятилетия существования советского государства, а именно характеризуются опытно-образовательные учреждения (опытно-показательные школы, опытные станции, школьные коммуны и школьные городки), показана их практическая деятельность по реализации установок Народного комиссариата просвещения РСФСР. *Приводятся количественные данные о численности опытно-образовательных учреждений.* Выявлены различные типы опытно-показательных школ: с сельскохозяйственным уклоном, с индустриальным уклоном, а также школы, не имевшие определенного уклона и сосредоточившие свои усилия на разрешение общеобразовательных и воспитательных задач. Более подробно рассказывается о наиболее известных в те годы российских школах, таких как школа имени Л. Б. Красина в г. Вятке, Чакинская (Тамбовская губерния), Хотьковская (Московская губерния). *На примере деятельности вятской школы имени Л. Б. Красина, организовавшей сельский филиал (базу) в пригородной деревне Лянгасы, показано, какую шефскую помощь оказывали городские школьники и учителя селянам. Дается представление о том, как отразились на работе опытно-показательных школ «новаторские» нововведения, инициированные Наркомпросом РСФСР, в виде дальтон-плана и подобных ему методов. Характеризуется деятельность ряда передовых вятских учителей.* Показано значение работы опытно-показательных учреждений для дальнейшего развития системы отечественного образования.

Ключевые слова: Наркомпрос РСФСР, опытно-показательные школы, опытные станции, школы-коммуны, школьные городки, И. Г. Манохин, Е. Н. Чунихина.

Цель данной статьи – дать современному педагогу представление о пионерах отечественной педагогической инноватики посредством раскрытия некоторых, ныне практически забытых страниц истории деятельности опытно-показательных учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР. Необходимость предлагаемого материала автор усматривает в том, что позитивные достижения наших предшественников – российских педагогов 1920–1930-х годов могут быть полезны современным работникам образования, прежде всего тем из них, кто имеет отношение к деятельности инновационных школ.

Опытно-показательные учреждения Наркомпроса РСФСР (далее – НКП) стали создаваться начиная с 1918 г. Они предназначались для разработки передовых форм и методов обучения и воспитания с целью последующего их внедрения в практику работы массовой школы. Эти учреждения также служили едва ли не главной базой подготовки и переподготовки работников просвещения, поскольку институтов повышения квалификации учителей еще не было. Кроме того, они проводили большую культурно-просветительную работу среди населения, прежде всего сельского, и это также отвечало задачам Наркомпроса, сочетавшего, как известно, в те годы функции двух ведомств: образования и культуры. В 1919 г. НКП было зарегистрировано 27 опытно-показательных школ (далее – ОПШ), к 1 марта 1920 г. – 31, а в 1920–1921 учебном году – около 100 в 25 губерниях [4, с. 85].

Эти школы должны были стать наглядным свидетельством преимущества новой, социалистической школы (причем не только на словах, но и на деле) в сравнении со старой, царской школой. Иными словами, ОПШ отводилась роль революционного авангарда в борьбе со старорежимными порядками в системе российского образования.

В этих передовых учебно-воспитательных учреждениях нового, социалистического типа предполагалось сосредоточить наиболее квалифицированных учителей. Такие школы должны были располагаться в лучших помещениях, им направлялось лучшее оборудование. Здесь следовало апробировать передовые методы и формы работы, и поэтому на них должны были равняться и брать с них пример другие, *рядовые* школы. Последним предлагалось стремиться к тому, чтобы также заслужить почетное право считаться опытно-показательными учреждениями НКП.

В первые годы деятельности ОПШ каждое учреждение работало на свой лад, проявляя инициативу и самостоятельность в выборе форм и методов учебной и внеучебной работы. Работой экспериментальных школ, как и всех других учебных заведений, руководили, разумеется, местные органы образования, а вот их методическое обеспечение взял на себя отдел опытно-показательных учреждений при Главном управлении социального воспитания НКП, созданный в 1922 г. [11, с. 87].

В «Положении об опытно-показательных школах», разработанном этим управлением, ставилась задача «усилиями лучших культурных работников способствовать делу изыскания путей и средств к действительному осуществлению в жизни идей трудовой школы» [2, с. 173].

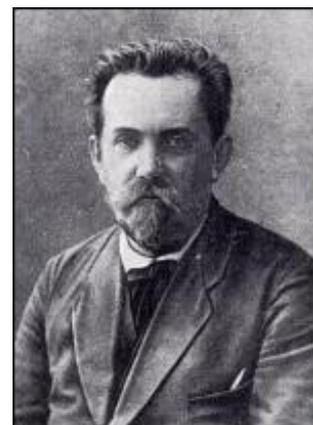
Сотрудники ОПШ разрабатывали и воплощали на практике новые методические идеи, особенно в области обучения и организации трудового, художественного и физического воспитания. Они служили методическими центрами для учителей в своих районах и тем самым способствовали повышению их педагогической квалификации. Для родителей организовывались выставки, на которых их знакомили с достижениями отечественной школы. В ОПШ регулярно проводились так называемые «открытые дни» для учителей других школ. Программа такого дня обычно включала в себя посещение уроков с последующим их обсуждением, заседание методического совета по проблемам обучения и воспитания. Для гостей также готовились выставка детских рисунков и поделок, концерт художественной самодеятельности; приглашались местные музыканты или поэты.

Среди ОПШ, возникших в 1919–1925 гг., можно выделить следующие типы: а) ОПШ с сельскохозяйственным уклоном; б) ОПШ с индустриальным уклоном; в) ОПШ, не имевшие определенного уклона и сосредоточившие свои усилия на разрешение общеобразовательных и воспитательных задач. Особыми типами экспериментальных учебно-воспитательных учреждений были опытные станции НКП, школы-трудовые коммуны и школьные городки.

Среди общеобразовательных ОПШ назовем такие, в свое время известные всей стране школы, как школа в подмосковном поселке Малаховка, имени В. И. Ленина (г. Нижний Новгород), № 189 (г. Ленинград), № 5 (г. Самара), имени К. А. Тимирязева (г. Богородск Московской губернии), имени Л. Б. Красина (г. Вятка), Вольская (Саратовская губерния) и др.

Большинство этих школ были городскими, но многие из них при этом имели сельские базы. Здесь городские школьники в летнее и зимнее время проводили каникулярное время. Отдых и занятия физкультурой и спортом сочетались с общеобразовательными и воспитательными задачами. Дети и учителя много общались с местным населением, проводили совместные мероприятия с сельскими ребятами (соревнования, концерты, «живые газеты» и др.). В качестве примера расскажем о работе Вятской школы имени Л. Б. Красина.

В 1908 г. усилиями сосланных в губернский город Вятку пермских педагогов Зои Николаевны Алафузовой, а также супругов Елизаветы Никаноровны Чунихиной и Ивана Григорьевича Манохина было открыто Коммерческое училище [1, с. 3]. В нем сложился сплоченный учительский коллектив. И. Г. Манохин в течение 20 лет был директором школы, З. Н. Алафузова стала руководителем учебно-производственных мастерских, Е. Н. Чунихина заведовала учебной работой. Впоследствии она выпустила книгу «Путь двадцатилетней педагогической работы», в которой всесторонне рассказала о работе в Вятке [12]. Все педагоги старших классов и многие учителя начальных классов имели высшее педагогическое образование, что по тем временам было большой редкостью. Среди учителей высоким качеством работы выделялись учительница начальных классов Надежда Ивановна Сырнева, учительница географии и немецкого языка Вера Григорьевна Рауш.

И. Г. Манохин

Школа имела хорошее оборудование, которое ей поставляла Вятская губернская земская мастерская учебно-наглядных пособий¹. В начале 1920-х гг. училище было преобразовано в единую трудовую школу I и II ступени, затем в опытную школу при Вятском промышленно-экономическом техникуме, а в 1930 г. стало средней школой имени Л. Б. Красина. Имя наркома иностранных дел было выбрано не случайно: с Манохиным они были студенческими товарищами, вместе учились в 1887–1891 гг. в Санкт-Петербургском технологическом институте. Леонид Борисович не раз помогал школе дидактическими пособиями (карты, учебники, литература и т. п.) [12].

Школа имела три официальных «опытных задания» НКП, которые заключались в том, чтобы опытно-экспериментальным путем выработать наилучшие варианты работы учителей и школьников городской школы с деревенским населением, проведения в самой школе так называемых «трудовых процессов» и организации дидактической работы по дальтон-плану.

Для выполнения первого «опытного задания» «красинцы» организовали сельский филиал (базу) в деревне Лянгасы, которая находилась в 7 км от губернского города Вятки; сейчас эта территория вошла в состав г. Кирова.

Во время зимних и летних выездов групп учащихся под руководством учителей проводились наблюдения над природой и значительная по объему краеведческая работа. Был организован сельскохозяйственный труд учащихся на закрепленных за школой земельных участках. На практике осваивались передовые агротехнические приемы, в частности, семенной севооборот. Велось исследование почвы, образцово была поставлена опытно-агрономическая работа. Кроме того, вятчане предварительно провели в городе сбор литературы и периодики, что позволило организовать в Лянгасах избу-читальню. Вятские учителя и школьники осуществляли культурно-просветительную работу среди крестьян, познакомили местных ребятишек с совершенно новым для них явлением – спортом. Ежедневно проводились различные физкультурно-спортивные мероприятия [2, с. 176].

Выполнение второго опытного задания, направленного на осуществление трудового воспитания школьников и политехнизацию «учебных процессов», потребовало организации работы учащихся в мастерских. В школе были организованы переплетная, столярная, слесарная, токарная и швейная мастерская. Все они были созданы «с нуля». Особенностью работы детей в мастерских было то, что некоторые из них, наиболее подготовленные, сдавали квалификационные экзамены на получение профессионального тарификационного разряда. По каждому виду труда создавались специальные программы, в которых, в частности, указывались производственные задания и последовательность их выполнения в зависимости от уровня его сложности.

При этом особое внимание обращалось на высокое качество выполняемых детьми изделий, а главное, на их возможное дальнейшее практическое использование. Каждое изделие должно было находить применение в быту – дома или в школе. К числу самых простых заданий относилось, например, вязание веников и вытачивание черенков для шанцевого инструмента. Изготовление фанерных лопат для уборки снега было уже следующим этапом. Школьники изготавливали скамейки и табуретки, классные доски и стенды, ученические и учительские столы, полки и тумбочки – сначала для своей школы, а потом и на заказ, для других учебных заведений. Школьный врач осуществлял наблюдение над тем, как посильные трудовые нагрузки влияют на физическое развитие учащихся.

Завершающим этапом работы в мастерских был курс машиноведения. Проводился он в 9-й «группе» (классе) периодичностью два урока в неделю. Проводил его инженер-электрик на базе уже пройденного учащимися курса физики. Преподавание машиноведения имело целью дать учащимся знание основ работы механизмов и энергетических установок, и подведения их к пониманию вопросов индустриализации и электрификации.

¹ Эта мастерская была одним из крупных предприятий Вятской губернии. Количество сотрудников достигало 900 человек. Причем несколько бригад были постоянно дислоцированы в горных местностях на Кавказе, Урале и в Хибинах. Там они собирали различные минералы, которые доставлялись в Вятку, и здесь комплектовались большие и малые наборы для школ и музеев. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже работа мастерской была оценена золотой медалью. Заказы на продукцию поступали из десяти европейских стран и из всех регионов России. В советское время мастерская была преобразована в завод «Физприбор» № 2 имени А. В. Луначарского и продукция этого предприятия шла уже в 42 страны мира! Завод был подведомствен НКП, позднее министерству просвещения РСФСР [7, с. 2850].

В процессе обучения активно использовался экскурсионный метод. Учащиеся совершали экскурсии на электростанцию и лесопильный завод, который был передовым для того времени предприятием в плане механизации и электрификации [2, с. 177]. Помимо теоретического и практического ознакомления с вопросами индустриализации и работы в мастерских, все учащиеся изучали основы сельскохозяйственного производства, для чего широко использовалась сельская база школы. Учитель физкультуры занимался организацией едва ли не первых в Вятке спортивных соревнований.

Третье опытное задание НКП, как уже указывалось выше, заключалось в организации учебной работы в соответствии с навязывавшимся тогда повсеместно так называемым дальтон-планом. Руководствуясь партийным лозунгом «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног!», не обремененные педагогическим образованием наркомпросовские деятели напрочь отвергли наследие передовой русской педагогической мысли и в поисках методологического основания для новой, социалистической школы обратились к опыту американских педагогов.

Некритическое использование идей Д. Дьюи, У. Х. Килпатрика, Э. Паркхерст и других тогдашних заокеанских новаторов нанесло немалый урон отечественной школе. Педагоги «на местах» в массе своей крайне негативно отнеслись к этим сомнительным нововведениям, но очень немногие осмеливались выразить свое отрицательное отношение к попыткам внедрения дальтон-плана и бригадно-лабораторного метода.

Педагоги Вятской школы отнеслись к этим сомнительным «новинкам» также очень сдержанно и осторожно. Они перевели учебные занятия на систему дальтон-плана лишь по нескольким предметам, и то частично, чередуя дальтон-план с занятиями в рамках традиционной классно-урочной системы. В целом, на «американскую» методику затрачивалась треть всего учебного времени.

Результаты, по отзывам учителей, получались поразительными; учебные дни, организованные в соответствии с дальтон-планом, проходили фактически впустую. Учитель, выполнявший роль «консультанта», не имел права (!) вмешиваться в деятельность детей и «включался» лишь тогда, когда дети обращались к нему за «консультацией». Учебная работа проводилась в соответствии с так называемыми «проектами», которые частично рекомендовались «сверху» (например, проект «Красный Октябрь»), частично – придумывались самими учителями (например, проект «Навоз», в опыте А. С. Макаренко) [5, с. 163]. Нередко учителя готовили к уроку два плана: один – согласно дальтон-плану, на случай внезапной проверки, другой – для реально проводившихся уроков [9, с. 89].

Вятская школа сообщала в своем отчете в НКП, что проводить работу по дальтон-плану – его еще называли «лабораторным планом» – «в чистом виде» неправильно. Поэтому можно говорить о внедрении лишь его отдельных элементов, причем исключительно в старших «группах» (классах) и лишь по некоторым предметам. Обучение по русскому языку и математике, как самым главным и базовым, возможно лишь в рамках традиционной, классно-урочной системы. Для «массовой», в отличие от опытно-показательной школы, лабораторный план вообще неприменим, т. к. требует очень хорошего оборудования, специально подготовленных учебных кабинетов и высококвалифицированного, специально сориентированного на дальтон-план педагогического персонала.

Кроме того, при работе в соответствии с американскими установками, по мнению вятских педагогов, возрастает напряженность труда учителей. Необходимо оплачивать дополнительные часы, которые они отрабатывают в качестве «заведующих» кабинетами и лабораториями в течение многих часов сверх нормативной нагрузки, предусмотренной учебными планами. Введение «наркомпросовских новаций» требовало от самих учащихся большой дисциплинированности, самостоятельности, стремления инициативно и самостоятельно постигать учебный материал. Но разве можно требовать от всех детей полноценного проявления всех этих качеств?

Все вышеуказанные, крайне смелые для того времени, тезисы находили свое отражение в отчетах, которые регулярно отсылались в НКП. Смелость требовалась потому, что в Москве такой отчет мог вполне перекочевать со стола какого-нибудь наркомпросовского чиновника на стол следователя ГПУ. И таких примеров было, увы, немало. А. И. Солженицын в своем произведении «Архипелаг ГУЛАГ» пишет как о *потоках* заключенных (военных, инженеров, политических деятелей и т. д.), так и о *ручейках*, к которым, в частности, относились те учителя, которые сопротивлялись внедрению дальтон-плана в школе – их признавали *врагами народа*.

Спустя несколько лет, после выхода партийно-правительственных постановлений по школе (1931, 1932 гг.), запретивших дальтон-план, метод проектов, бригадно-лабораторный план и прочие только что незадолго до этого считавшиеся «передовыми» методы и формы работы и восстановивших классно-урочную систему в школах СССР, *врагами народа* стали считать уже тех, кто кое-как освоил вышеуказанные «новации» и делился в педагогической печати своим опытом работы. Разумеется, как всегда, виноватыми были рядовые учителя².

Истинные же виновники внедрения всей этой профанации – а это были, разумеется, ответственные работники НКП – как ни в чем не бывало продолжили свою «деятельность» на прежних должностях; никто из них не понес никакого, даже устного наказания. Более того, в педагогической литературе и периодической печати они публиковали материалы, в которых обличали «виновников», правда, не называя их фамилий. И это естественно, иначе Н. К. Крупской и ее подчиненным пришлось бы называть «виновниками» самих себя...

Среди *городских* опытно-показательных школ с сельскохозяйственным уклоном выделялись московские школы: имени А. Н. Радищева, имевшая базу в с. Коломенском, и школа № 14 «Центросоюза» вела работу в совхозе «Молоди». В 1918 г. в Детском селе (впоследствии г. Пушкин) была открыта колония, которая спустя три года была переведена в Москву; местом ее летней работы было село Марфино. Но таких городских с сельскохозяйственным уклоном школ было сравнительно немного. Все-таки большинство школ, имевших сельскохозяйственный уклон, и были сельскими. Среди них выделялись следующие школы: Хотьковская, Красково-Малаховская и Богородская (Московская губерния), Чакинская и Староюрьевская (Тамбовская губерния). Сюда же можно было отнести и сельские школьные городки, например, Куженерский (Марийская автономная область) и Советский (Вятская губерния).

Чакинская школа стала экспериментальной (опытной) в 1921 г. Организация сельскохозяйственных работ здесь осуществлялась педагогами и учащимися на обширных земельных участках. Школа содержала доставшуюся от прежних хозяев животноводческую ферму. Здесь активно действовала Тамбовская сельскохозяйственная станция, занимавшаяся производством высококачественного семенного материала. Посильное участие в этой инновационной работе принимали и школьники, которые под руководством научных сотрудников ставили агрономические опыты, помогали в организации сельскохозяйственных выставок. Деятельно работал агрономический кружок школы. Профильные учителя и старшеклассники вели среди местного населения активную «агропропаганду» и культурно-просветительскую работу; изучали работу возрождавшейся сельской кооперации и опыт товариществ по совместной обработке земли. Была организована работа избы-читальни [2, с. 178].

Хотьковская опытная школа II ступени была организована в 1919 г. в бывшей помещицкой усадьбе. В ней был устроен интернат на 95 учащихся. Школа имела обширное хозяйство: опытные поля, огороды. Имелись животноводческая ферма и птичий двор. В школе была организована электростанция, которая обеспечивала электроэнергией не только школу, но и ближайшие деревни. Школьные мастерские и кузница также обслуживали местное население. На территории школы был открыт Дом крестьянина, проводивший силами учителей и старшеклассников культурно-просветительскую работу среди местного населения.

Опытных школ с индустриальным уклоном было сравнительно немного. К их числу, например, относилась школа-коммуна имени П. Н. Лепешинского в Москве, тесно связанная с расположенной неподалеку ткацкой фабрикой. Во время учебы в школе многие девочки овладевали соответствующими трудовыми навыками и в дальнейшем устраивались на работу на фабрику. Это было очень важно для выпускниц школы; ведь в стране свирепствовала безработица. Другая московская школа, расположенная в районе Лосиный Остров, славилась своими мастерскими; педагоги школы разрабатывали первые программы профориентации (сам термин возник позднее) путем проведения экскурсий на предприятия.

Школьные коммуны и школьные городки, в отличие от обычных школ, представляли собой комплексы, состоявшие обычно из детских яслей, детского сада, детского дома (для детей-сирот), интерната, а также школ I и II ступени. Открывались они, преимущественно, там,

² И по сей день чиновники от образования всю вину на постоянно неудачные «эксперименты» со школами возлагают на настоящих подвижников просвещения – рядовых учителей, прикрываясь словами «Нет плохих учеников, есть плохие учителя!» Эту фразу можно услышать едва ли не на каждом учительском совещании. Она своего рода лакмусовая бумажка, которая показывает действительное социальное положение учителя и в наши дни.

где имелись фермы или мастерские, с тем чтобы использовать имевшуюся материальную базу для трудового воспитания и обучения детей. Разница между школьной коммуной и школьным городком была в основном в том, что фактически поначалу создавалась именно школа-коммуна, а затем, постепенно обрастая хозяйством, она становилась как бы небольшим «городком». Отсюда и название – школьный городок. Образ жизни в нем продолжал оставаться прежним, коммунальным [10, с. 130].

Опытные школы-коммуны выдвигали на передний план задачу воспитания коллективистов, формирование у детей самостоятельности и инициативы, привитие санитарно-гигиенических навыков и культуры поведения. Здесь особенно важную роль играло ученическое самоуправление, принимавшее порой гипертрофированные формы, как, например, в Костромской школе-коммуне, где учащиеся в 1919 г. сами выработывали учебный план, избирали себе учителей, определяли распорядок дня и т. д. В Вятской губернии к числу лучших школ-коммун относились Митинская, расположенная рядом с губернским городом Вятка (руководитель Владимир Александрович Петров) и Знаменская, вблизи районного центра Яранск (руководитель Анатолий Иванович Кондаков)³ [6, с. 24].

Самым сложным в организационном отношении учебно-воспитательным инновационным учреждением были опытные станции, которые были, по существу, комплексом, включавшим в себя детские сады, школы, курсы для родителей и педагогов, избы-читальни и др. Наибольшую известность получила Первая опытная станция НКП, организованная в Малоярославецком уезде Калужской губернии выдающимся отечественным педагогом С. Т. Шацким (1878–1934), разработавшим саму идею опытных станций и воплотившим ее в жизнь. Станция имела в качестве своих предшественниц колонию «Бодрая жизнь» (организована в 1905 г.) и общество «Детский труд и отдых» (открыто в 1909 г.) Станиславом Теофиловичем Шацким и Александром Устиновичем Зеленко. Помощниками Шацкого были педагоги-единомышленники А. А. Фортунатов, Е. Я. Фортунатова, В. Н. Шацкая, Б. В. Всесвятский. Открытая в марте 1919 г. станция объединяла несколько школ Угодско-Заводской и Боровской волостей и поставила своей задачей объединить учителей этих школ на постоянной общей работе с детьми и над повышением своей профессиональной подготовки. В работе с детьми была поставлена задача организации всей жизни и труда детей в школе и дома. Станцией были организованы детские сады, библиотеки-читальни, клубы, сельскохозяйственные съезды-курсы, конференции, семинары. Вскоре было открыто Московское отделение станции. Знакомиться с опытом работы Шацкого и его группы приезжали педагоги со всей страны и даже гости из-за рубежа, в частности, знаменитый педагог Джон Дьюи.

Вторая опытная станция была организована в 1920 г. в Шатурском районе Московской губернии. Она объединила ряд школ, вела большую работу с учителями, разработала и проводила план летней школы. Создавала первые проекты комплексных программ на краеведческой основе. Третья опытная станция (Гагинская в Рязанской губернии) была создана с целью поднятия уровня педагогической работы в районе. В дальнейшем станция проводила разработку новых программ и методов работы.

Однако уже к началу 1930-х гг. «увлечение» новациями среди деятелей НКП сошло на нет. Нарождавшейся административно-командной системе ни к чему было разнообразие форм педагогической работы. Крен в сторону единоначалия и единообразия постепенно становился все сильнее, и вскоре все опытно-показательные учебно-воспитательные учреждения были ликвидированы.

Официально это закрытие было узаконено выходом в свет Постановления Совета народных комиссаров РСФСР от 20 апреля 1937 г., согласно которому все опытно-показательные учреждения были преобразованы в массовые школы. В Постановлении эти школы названы *нормальными* [3, с. 175–176]. В Постановлении отмечалось, что выделение образцовых школ является несостоятельным, оно привело к тому, что НКП забыл о том, что его, НКП, главная задача – подъем на должную высоту работы *всех* школ. На деле же выходило так, что ряд школ получали своего рода привилегии в плане снабжения, обеспечения кадрами и под-

³ Кстати, Петров и Кондаков были выпускниками Вятского учительского института 1917 года, и этот выпуск был единственным в истории института. Впоследствии оба стали кандидатами педагогических наук. Кондаков был одним из первых сотрудников Академии педагогических наук РСФСР. Петров был директором Кировского института усовершенствования учителей, завкафедрой педагогики Кировского пединститута.

бора учащихся [3, с. 176]. Все это в постановлении именовалось попыткой протащить в школу осужденные партией педологические извращения [8]. Уже к 5 мая 1937 г., то есть спустя всего две недели после выхода в свет Постановления, органы образования должны были преобразовать опытно-показательные школы в обычные.

В течение полувека все школы СССР работали по единым учебным планам. Некоторые различия допускались лишь для национальных школ, что объяснялось необходимостью изучения местного языка, а также для отдельных школ, предназначенных для особо одаренных детей. (Как правило, эти школы «курировались» университетами, которые были заинтересованы в притоке качественных абитуриентов.) С середины 1980-х гг., с началом «эпохи плюрализма и гласности», увлечение педагогической инноватикой стало повсеместным явлением. В настоящее время разнообразие типов образовательных учреждений (колледжи, лицеи и гимназии самых разнообразных профилей) и творческая устремленность многих педагогов, направленная на достижение высоких результатов в своей работе, служат залогом того, что лучшие достижения их предшественников – учителей 1920–1930-х гг. – получают в современных условиях соответствующее нашей эпохе переосмысление и развитие.

Список литературы

1. Вятское коммерческое училище. Краткий отчет за 1913–1914 учебный год. Вятка : Типография и Хромолитография М. М. Шиляевой, 1915. 62 с.
2. Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М. : Учпедгиз, 1948. 472 с.
3. О преобразовании так называемых образцовых и опытно-показательных школ в нормальные школы. Постановление СНК РСФСР 20 апреля 1937 г. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. / сост. : А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М. : Педагогика, 1974. С. 175–176.
4. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. (1917–1941 гг.) / отв. ред. Н. П. Кузин, М. Н. Колмакова, З. И. Равкин. М. : Педагогика, 1980. 456 с.
5. Помелов В. Б. А. С. Макаренко – современник всех поколений (К 125-летию со дня рождения великого педагога) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1 (1). С. 157–166.
6. Помелов В. Б. «Вятский Макаренко» Анатолий Иванович Кондаков // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 1. С. 23–35.
7. Помелов В. Б. Из истории Вятской губернской земской мастерской учебно-наглядных пособий (К 120-летию со времени основания) / Общество. Наука. Инновации (НПК-2017) : сб. статей всерос. ежегод. науч.-практ. конф. 1–29 апреля 2017 г. Киров : Изд-во ВятГУ, 2017. С. 2847–2857.
8. Помелов В. Б. Недолгий век отечественной педологии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 89–96.
9. Помелов В. Б. Революционные преобразования в области просвещения в Вятской губернии в первые годы Советской власти // Историко-педагогический журнал. 2017. № 4. С. 84–107.
10. Помелов В. Б. Школьные коммуны и школьные городки в 1920-е гг. (К 100-летию создания) // Историко-педагогический журнал. 2018. № 4. С. 128–150.
11. Фридман Ф. А. Опыт-показательные учреждения / Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Большая российская энциклопедия, 1999. С. 87–88.
12. Чунихина Е. Н. Путь двадцатилетней педагогической работы. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. 166 с.

Pilot educational institutions in the RSFSR in the 1920s and early 1930s

V. B. Pomelov

Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of pedagogy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. The article reveals some notable events from the history of the national school in the first two decades of the Soviet state, namely, describes experimental educational institutions (pilot schools, pilot stations, school communes and school towns), it shows their practical activities for the implementation of the installations of the People's Commissariat of education of the RSFSR. *Quantitative data on the number of experimental educational institutions are provided.* Various types of pilot schools were identified: those with an agricultural bias, those with an industrial bias, as well as schools that did not have a certain bias and focused their efforts on solving gen-

eral education and educational problems. More details are given about the most famous Russian schools in those years, such as the L. B. Krasin school in Vyatka, Chakinskaya (Tambov province), and Khot'kovskaya (Moscow province). *On the example of the Vyatka school named after L. B. Krasin, who organized a rural branch (base) in the suburban village of Lyangasy, it is shown what kind of patronage was provided by city schoolchildren and teachers to the villagers. The author gives an idea of how the "innovative" innovations initiated by the people's Commissariat of the RSFSR, in the form of the Dalton plan and similar methods, affected the work of pilot schools. The activity of a number of advanced Vyatka teachers is characterized.* The importance of the work of experimental and demonstration institutions for the further development of the national education system is shown.

Keywords: Narkompros of the RSFSR, pilot schools, pilot stations, commune schools, school towns, I. G. Manokhin, E. N. Chunikhina.

References

1. *Vyatskoe kommercheskoe uchilishche. Kratkij otchet za 1913-1914 uchebnyj god* – Vyatka commercial school. Summary report for the 1913-1914 school year. Vyatka. Typography and Chromolithography of M. M. Shilyaeva. 1915. 62 p.
2. *Konstantinov N. A., Medynskij E. N. Ocherki po istorii sovetskoj shkoly RSFSR za 30 let* [Essays on the history of the Soviet school of the RSFSR for 30 years]. M. Uchpedgiz. 1948. 472 p.
3. *O preobrazovanii tak nazyvaemykh obrazcovykh i opytno-pokazatel'nykh shkol v normal'nye shkoly. Post-anovlenie SNK RSFSR 20 aprelya 1937 g. Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov. 1917-1973 gg.* – On the transformation of so-called model and demonstration schools into normal schools. Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR on April 20, 1937. People's education in the USSR. Secondary school. Collection of documents. 1917-1973 / comp.: A. A. Abakumov, N. P. Kuzin, F. I. Puzyrev, L. F. Litvinov. M. Pedagogika. 1974. Pp. 175-176.
4. *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. (1917-1941 gg.)* – Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR. (1917-1941) / resp. ed. N. P. Kuzin, M. N. Kolmakova, Z. I. Ravkin. M. Pedagogika. 1980. 456 p.
5. *Pomelov V. B. A. S. Makarenko – sovremennik vsekh pokolenij (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya velikogo pedagoga)* [A. S. Makarenko is a contemporary of all generations (To the 125th anniversary of the birth of the great teacher)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanitarian University. 2013. No. 1 (1). Pp. 157-166.
6. *Pomelov V. B. "Vyatskij Makarenko" Anatolij Ivanovich Kondakov* ["Vyatka Makarenko" Anatoly Ivanovich Kondakov] // *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki* – Herald of the Mari State University. Series: History of science. Legal Sciences. 2019. Vol. 5. No. 1. Pp. 23-35.
7. *Pomelov V. B. Iz istorii Vyatskoj gubernskoj zemskoj masterskoj uchebno-naglyadnykh posobij (K 120-letiyu so vremeni osnovaniya)* [From the history of the Vyatka provincial zemstvo workshop of educational and visual aids (To the 120th anniversary of its foundation)] // *Obshchestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2017) : sb. statej vseros. ezhegod. nauch.-prakt. konf. 1-29 aprelya 2017 g.* – Society. Science. Innovations (SPC-2017) : collection of articles by All-Russia annual scient.-pract. conf. April 1-29, 2017. Kirov. VyatSU. 2017. Pp. 2847-2857.
8. *Pomelov V. B. Nedolgiy vek otechestvennoj pedologii* [Short-lived century of domestic pedology] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2018. No. 1. Pp. 89-96.
9. *Pomelov V. B. Revolyucionnye preobrazovaniya v oblasti prosveshcheniya v Vyatskoj gubernii v pervye gody Sovetskoj vlasti* [Revolutionary transformations in the field of education in the Vyatka province in the first years of Soviet power] // *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal* – Historical and pedagogical journal. 2017. No. 4. Pp. 84-107.
10. *Pomelov V. B. Shkol'nye kommuny i shkol'nye gorodki v 1920-e gg. (K 100-letiyu sozdaniya)* [School communes and school towns in the 1920s (To the 100th anniversary of creation)] // *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal* – Historical and pedagogical journal. 2018. No. 4. Pp. 128-150.
11. *Friedman F. A. Opytno-pokazatel'nye uchrezhdeniya* [Experimental and demonstration institutions] / *Rossijskaya pedagogicheskaya enciklopediya : v 2 t. T. 2* – Russian pedagogical encyclopedia : in 2 vols. Vol. 2 / chief. ed. V. V. Davydov. M. Big Russian encyclopedia. 1999. Pp. 87-88.
12. *Chunikhina E. N. Put' dvadcatiletnej pedagogicheskoy raboty* [Path of twenty years of pedagogical work]. M. APN of the RSFSR. 1958. 166 p.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 3 (15) (2019)

16+

Редактор *М. О. Корякина*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. И. Чернышова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 20.12.2019 г.
Дата выхода в свет 30.06.2020 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 100 экз. Заказ № 6272.

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36